

Федеральное государственное научно-исследовательское учреждение
«Институт законодательства и сравнительного правоведения при
Правительстве Российской Федерации»

На правах рукописи

Рогачев Максим Александрович

**ЗАКОН КАК ИСТОЧНИК ПРАВА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
XIX – НАЧАЛА XX ВЕКОВ**

Специальность 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки

Диссертация

на соискание ученой степени кандидата юридических наук

Научный руководитель:

доктор юридических наук, профессор

Пашенцев Дмитрий Алексеевич

Москва – 2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. ИСТОРИКО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ РОЛИ ЗАКОНА В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ	20
1.1. Становление и развитие доктринальных представлений о законе как источнике права: от истории к современности.....	20
1.2. Исторические предпосылки развития закона как источника права в дореволюционной России.....	43
ГЛАВА 2. ЗАКОН В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ: ОТ ТЕОРИИ К ПРАКТИКЕ	60
2.1. Юридическая доктрина Российской империи о сущности и видах закона.....	60
2.2. Роль законов в формировании системы права Российской империи.....	82
2.3. Систематизация законодательства и ее значение для эволюции закона как источника права.....	98
ГЛАВА 3. СООТНОШЕНИЕ ЗАКОНА С ИНЫМИ ИСТОЧНИКАМИ ПРАВА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ	118
3.1. Соотношение закона и подзаконного акта (указа) в Российской империи.....	118
3.2. Соотношение закона и правового обычая в Российской империи.....	136
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	152
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	159

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы диссертационного исследования определяется той значимой роль, которую играет закон в регулировании общественных отношений в условиях отечественной правовой традиции. Среди всех источников права он занимает первое место и по значимости, и по юридической силе. Стройная система законодательства выступает основой всей правовой системы, отражает историю и перспективы ее развития, обеспечивает необходимую упорядоченность общественных отношений. Соблюдение условия о высшей юридической силе законов придает всей правовой системе строгую иерархичность и пирамидальный характер, позволяет логично выстраивать правотворчество и заниматься эффективным правоприменением. Именно с законом как источником права связано появление таких важных не только для теории, но и для правовой практики понятий, как законность и правопорядок. На понимание значимости закона опирается современная правовая политика. О его важной роли в обществе убедительно пишет академик РАН Т.Я. Хабриева: «Пожалуй, главное предназначение закона как юридической формы отображения устойчивых связей и процессов общественного развития – устранять или смягчать противоречия, находить компромиссы и способствовать стабильности в обществе»¹. Член-корреспондент РАН Д.А. Керимов подчеркивал, что «законодательство охватывает большинство сфер человеческой жизнедеятельности»².

Несмотря на значимость закона, исследователи отмечают, что в российском обществе его авторитет недостаточно высок. В некоторой степени

¹ Хабриева Т.Я. Кодификация российского законодательства в условиях федеративного государства // Кодификация законодательства: теория, практика, техника. Материалы Международной научно-практической конференции / под ред. В.М. Баранова, Д.Г. Краснова. Н. Новгород: НА МВД России, 2009. С. 27.

² Керимов Д.А. Законодательная техника. Репринт. М.: Норма, 2023. С. 3.

это связано с низким качеством самого законодательства. «Неудовлетворительное качество закона и законодательной деятельности обуславливает многие другие проблемы жизнедеятельности российского общества», – отмечает Е. Г. Лукьянова¹. Повышение качества и эффективности законотворчества должно опираться на соответствующие теоретические разработки. В этом контексте стоит отметить, что учеными Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации подготовлен инициативный законопроект «О нормативных правовых актах в Российской Федерации», принятие которого может способствовать упорядочению системы нормативных актов в России, послужить укреплению представления о законе как акте высшей юридической силы, повысить эффективность правотворчества и правоприменения². Стоит учитывать, что этот законопроект уже прошел первое чтение в российском парламенте, кроме того, подобные акты действуют в Белоруссии, Казахстане, почти в половине субъектов Российской Федерации, в том числе в городе Москве. Это тем более важно в условиях, когда происходит усложнение системы права, меняется соотношение между отраслями законодательства, появляются новые законодательные институты³.

Благодаря усилиям нескольких поколений российских ученых теория закона разработана достаточно подробно, хотя и оставляет пространство для исследований, в том числе связанных с современными процессами в правовой сфере. В научном знании имеются некоторые пробелы в отношении

¹ Лукьянова Е.Г. Концепции закона в контексте развития государства и общества // Государство и право. 2018. № 8. С. 134.

² О нормативных правовых актах в Российской Федерации (проект федерального закона). 6-е изд., перераб. и доп. / рук. авт. коллектива Т.Я. Хабриева, Ю.А. Тихомиров М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2021. 96 с.

³ Хабриева Т.Я. Современное правотворчество и задачи юридической науки // Журнал российского права. 2015. № 8. С. 6.

исторических аспектов развития закона в системе источников права. Их восполнение представляется важной задачей историко-правовой науки.

В современных условиях место законов в системе источников права и их роль в регулировании общественных отношений определяются, во-первых, противоборством процессов глобализации, инициирующей унификацию правового регулирования, и регионализации, которая обуславливает акцент на национальные особенности законотворчества и сохранение традиционных для каждого правопорядка подходов к источникам права, во-вторых, существенным ростом в силу усложнения общественных отношений количества принимаемых нормативных правовых актов, в том числе законов, в-третьих, появлением при переходе к новому технологическому укладу таких цифровых инструментов, которые могут быть эффективно использованы для совершенствования законотворческого процесса.

В условиях законотворческого бума важным представляется акцент на качестве законов, которое определяется оптимальным сочетанием теории и практики. Т.Я. Хабриева отмечает: «Как показала практика, само по себе увеличение удельного веса законов в системе актов, на что изначально было ориентировано правотворчество, еще не позволяет характеризовать закон как главный и реальный социальный регулятор»¹. Как справедливо полагает А.Ю. Викулин, «любой закон должен быть всесторонне научно обоснован и базироваться на конституционных принципах, а также нормах морали и нравственности, которые русская ментальность традиционно относит к имеющим фундаментальный характер вопросам социального порядка и считает одной из основ общественного развития»². А.И. Абрамова

¹ Хабриева Т.Я. Кодификация российского законодательства в условиях федеративного государства // Кодификация законодательства: теория, практика, техника. Материалы Международной научно-практической конференции / под ред. В.М. Баранова, Д.Г. Краснова. Н. Новгород: НА МВД России, 2009. С. 25.

² Викулин А.Ю. Основы законодательной дефектологии. Часть первая: Введение. М.: Новые печатные технологии, 2019. С. 9.

констатирует «возрастающее значение закона в качестве основного регулятора, нацеленного на проведение преобразований в различных областях общественной и государственной жизни в условиях меняющихся социально-экономических, культурно-политических, экологических, демографических ситуаций, укрепление положения закона в системе права»¹.

Важная роль законов в регулировании общественных отношений характерна прежде всего для романо-германской правовой семьи. Вопрос об отнесении российской правовой системы к ней представляется дискуссионным. В то же время в исторической динамике именно закон всегда играл в России важную роль. Эта черта сформировалась в период империи, когда значительно увеличилось количество законов, возросло их качество, была проведена систематизация законодательства. В итоге осталось богатое юридическое наследие, накопился большой историко-правовой опыт законотворческой деятельности, исследование которого может лучше понять современные тенденции в сфере законодательства и его реализации.

Период XIX – начала XX века представляет особую значимость для истории российского дореволюционного законодательства. Именно в это время появляется возможность для основательного изучения законов в юридической доктрине, происходит систематизация законодательства и его дальнейшее развитие, выходит на новый уровень юридическая техника. Появляется понимание неразрывной взаимосвязи между законом как обладающим высшей юридической силой источником права и наличием органа представительной власти в рамках системы разделения властей. В этот период, с одной стороны, закон окончательно становится основным источником отечественного права, с другой стороны, проблема отделения его от подзаконного акта до 1906 года так и не была решена. Всестороннее

¹ Абрамова А.И. Кодификация российского законодательства: современность и перспективы развития // Журнал российского права. 2016. № 2. С. 28.

исследование данного опыта в современных условиях представляется полезным как с теоретических, так и с практических позиций.

Степень разработанности темы диссертационного исследования.

Вопросы, связанные с пониманием и классификацией законов, разрабатывались еще Платоном и Аристотелем. Большой вклад в их изучение внес И. Бентам. В дореволюционной России вопрос о роли закона как источника права привлекал внимание ученых-правоведов: П.Г. Виноградова, В.М. Гессена, А.Д. Градовского, С.А. Котляревского, Н.И. Лазаревского, К.П. Победоносцева, М.М. Сперанского, Н.С. Суворова, В.М. Хвостова, Г.Ф. Шершеневича и других. Особо стоит отметить Н.М. Коркунова, который с позиций юридического позитивизма достаточно основательно исследовал вопрос о соотношении закона и указа, связав его решение с реализацией принципа разделения властей¹. Историческая роль законов, процесс их развития в отечественной правовой системе рассматривались в указанный период В.Д. Беляевым, М.Ф. Владимирским-Будановым, Н.Л. Дювернуа, В.Н. Латкиным, В.И. Сергеевичем, Ф.В. Тарановским, другими историками права.

В советский и постсоветский период роль и место законов среди иных источников права были обоснованы такими авторами, как А.И. Абрамова, В.К. Бабаев, В.М. Баранов, А.Ю. Викулин, Н.А. Власенко, М.В. Залоило, С.Л. Зивс, Д.А. Керимов, В.В. Лазарев, Е.А. Лукьянова, Е.Г. Лукьянова, М.Н. Марченко, А.В. Мицкевич, Г.И. Муромцев, А.С. Пиголкин, И.С. Самощенко, Ю.А. Тихомиров, А.Ф. Шебанов, И.И. Шувалов и другие. Параметры и особенности система источников права применительно к Российской империи раскрыты в работах И.В. Ботанцова, А.А. Дорской, Т.Н. Ильиной, С.В. Кодана, Н.И. Краснякова, И.Б. Ломакиной, И.В. Минникес, Д.А. Пашенцева, В.Б. Романовской, Т.В. Шатковской, других ученых. Роль законов в регулировании общественных отношений в Российской империи исследовали Н.И.

¹ Коркунов Н.М. Указ и закон. СПб., 1894.

Биюшкина, Н.В. Михайлова, Е.А. Скрипилев, В.А. Томсинов, О.И. Чистяков, А.Ф. Шебанов и другие.

В зарубежной юридической науке вопросы о сущности закона, его соотношении с правом поднимали Г. Дж. Берман, Р. Давид, Г. Харт, Р. Дворкин, Б. Леони, другие ученые. Например, Б. Леони писал о деструктивном воздействии законов на право, понимаемое им как совокупность обычаев и добровольно соблюдавшихся соглашений¹.

Среди исследований современных правоведов необходимо отметить докторскую диссертацию и серию публикаций Е.Г. Лукьяновой², где проанализированы воззрения на закон наиболее крупных правоведов Российской империи периода XIX – начала XX вв. Автор акцентирует внимание на естественно-правовых и позитивистских направлениях, уделяя особое внимание теоретической и практической ценности учений о законе XIX – начала XX вв. в контексте современного развития государства и права России.

Из работ современных отечественных историков права следует отметить те, что посвящены развитию правовой системы России (В.Н. Синюков), системе источников права дореволюционной России и формам правовых актов (И.В. Ботанцов, И.В. Минникес), а также вопросам систематизации законодательства в Российской империи, в том числе отдельных его отраслей (О.А. Андрусенко, Д.В. Горожанкина, Р.С. Тараборин). Примечательны труды, посвященные истории юридической техники законов Российской империи (Е.А. Желонкина, Е.О. Чинарян). Ряд важных аспектов законотворчества в Российской империи, а также источниковедения представлен в работах С.В.

¹ Леони Б. Свобода и закон / пер. с англ. М., 2021. С. 33.

² Лукьянова Е.Г. Учения о законе в политико-правовой мысли России XIX - начала XX вв.: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2018; Она же. Учение о законе в русской юриспруденции М., 2014; Она же. Учения о законе российских государствоведов второй половины XIX – начала XX века // Государство и право. 2017. № 3. С. 80-87 и др.

Кодана. Т. В. Шатковская анализировала вопросы систематизации, непосредственно связанные с пониманием роли законов в Российской империи, а также методологию исследования источников права. Иррациональные аспекты законотворчества исследовал И. А. Исаев¹. Вопросы систематизации законодательства обсуждались на научных конференциях, проводившихся в Институте законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, по итогам обсуждения были изданы сборники статей². В целом наибольшее внимание современных историков права привлекает вопрос о создании Свода законов Российской империи (В. Н. Галузо, С. Б. Лившиц, А. Н. Самарский, А. В. Чистяков и другие), но самому закону как источнику права дореволюционной России не уделяется достаточного внимания.

Цель исследования – разработка авторского подхода к пониманию роли закона в системе источников права Российской империи XIX – начала XX вв. и на этой основе выявление особенностей закона как источника отечественного права дореволюционного периода.

Задачи исследования:

- определить особенности и направления развития доктринальных представлений о законе как источнике права;
- выявить и классифицировать исторические предпосылки развития закона как источника права в дореволюционной России;
- разработать классификацию законов в Российской империи;

¹ Исаев И. А. Власть и закон в контексте иррационального. М.: Юристъ, 2006. - 478 с.; Он же. Рождение закона из мифа // История государства и права. 2013. № 9. С. 39–42; Он же. Теневая сторона закона. Иррациональное в праве. М.: Проспект, 2014. - 364 с.

² Систематизация законодательства в фокусе историко-правовой науки (к 470-летию принятия Судебника 1550 г.): сборник научных трудов / под общ. ред. Д. А. Пашенцева. — М.: ИЗиСП: ИНФРА-М, 2021. — 250 с.; Систематизация законодательства и динамика источников права в исторической ретроспективе (к 370-летию Соборного уложения): сборник научных трудов / под общ. ред. Д. А. Пашенцева. — Москва: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М, 2020. — 281 с.

- выявить основные направления понимания роли закона в правовой мысли Российской империи;
- обосновать роль законов в формировании отраслей права в Российской империи;
- определить особенности соотношения закона и подзаконного акта (указа) в Российской империи;
- показать особенности соотношения закона и правового обычая в Российской империи.

Объект исследования – общественные отношения, складывавшиеся в Российской империи по поводу принятия и совершенствования законов.

Предмет исследования – общие закономерности эволюции закона как источника права в правовой системе Российской империи.

Научная новизна исследования состоит в разработке комплекса новых положений о роли закона в системе источников права дореволюционной России. Обоснован авторский подход к пониманию сущности закона в историко-правовой науке, выявлены особенности и закономерности, повлиявшие на роль закона в правовой системе Российской империи. Конкретные аспекты научной новизны заключаются в следующем:

- определены основные признаки и виды законов применительно к периоду Российской империи;
- обосновано соотношение законов с иными источниками права, существовавшими в правовой системе Российской империи;
- разработаны новые подходы к классификации законов применительно к периоду Российской империи;
- обоснованы исторические детерминанты развития закона в дореволюционной России.

Научная новизна работы проявляется в **положениях, выносимых на защиту:**

1. Особенности понимания закона как источника права в правовой мысли Российской империи определялись борьбой двух противоположных

течений. Представители первого предпочитали считать критерием закона его происхождение от высшей власти в государстве, то есть императора. Сторонники второго рассматривали закон в контексте теории разделения властей, полагая, что главным признаком закона выступает его принятие органом представительной власти. Противоречие между указанными позициями было разрешено в результате утверждения 23 апреля 1906 г. новой редакции Основных законов Российской империи, где был установлен четкий порядок принятия законов.

2. Исторические предпосылки развития закона – это те основополагающие факторы, имевшие место в прошлом и сохранявшиеся в течение длительного времени, которые обусловили особую роль закона в правовой системе общества, его первенство среди правовых форм, направленных на регулирование общественных отношений, как по юридической силе, так и по степени значимости. К ним относятся социально-экономические, политические, религиозные и непосредственно юридические предпосылки.

Проведенное исследование позволяет выделить следующие исторические предпосылки развития закона как источника права в Российской империи:

1) решающая роль правотворческой воли императора как главы государства, которая определяла принятие любого закона от его имени и тем самым придавала ему высшую юридическую силу, обеспечивала легитимность и сакральность;

2) исторически сложившаяся потребность в существовании единого централизованного законодательства, определявшаяся длительным и сложным процессом объединения земель и необходимостью укрепления государственного единства, связанного с единым правовым пространством;

3) влияние православного учения на законодательные нормы в силу того официального характера, который имели взаимоотношения российского государства и Русской православной церкви в дореволюционный период;

4) перманентная тенденция к рецепции права, к зарубежным заимствованиям: от отдельных институтов до целых законодательных актов;

5) постоянное расширение территории российского государства было связано с включением в его состав новых земель и народов, что детерминировало особенности действия законов в пространстве, влияло на соотношение общеимперских и местных законов, а также правовых обычаев в регулировании общественных отношений;

б) серьезное ограничение круга общественных отношений, регулировавшихся законодательством, несмотря на то что закон являлся самым важным источником права. Это относилось, например, к отношениям между крестьянами по поводу землепользования, наследования и т. д., которые в основном регулировались обычаями.

3. Понимание закона как выражения воли главы государства, типичное для официальной и доктринальной мысли Российской империи, негативно влияло на качество принимавшихся законов. Вследствие этого вопросы формы, юридической техники, процедуры принятия закона отходили на второй план, уступая вопросам содержания. Качественное оформление закона имело меньшее значение, чем само присутствие в нем воли монарха.

4. Важное значение для понимания роли законов в формировании системы права имеет их классификация. Законы периода Российской империи могут быть классифицированы по нескольким основаниям:

- по территории действия: на общеимперские, действовавшие в масштабах всего государства, и региональные (распространявшие свое действие только на территорию определенной местности);

- по кругу лиц: на общие, относившиеся ко всем подданным, и специальные (распространявшие свое действие на определенный круг лиц, например, Устав об управлении инородцев);

- по сфере действия: распространявшие свое действие на всю сферу общественных отношений (например, Основные государственные законы 1906

г.) и действовавшие только в конкретной сфере (например, Вексельный устав 1729 г.);

- по порядку прохождения через систему государственных органов: поступившие на высочайшее утверждение из Сената, Синода, Государственного Совета, Комитета министров, исходившие непосредственно от императора;

- по порядку вступления в силу: обыкновенные и чрезвычайные.

5. В период Российской империи развитие законов имело следующие особенности:

- отсутствие четкого разграничения законов и подзаконных нормативных актов, связанное с абсолютной монархией и неограниченными полномочиями главы государства;

- объективная обусловленность юридической силы закона процессами централизации государства и постоянным расширением его территории;

- слабый охват законодательным регулированием отношений в крестьянской общине, а также среди нерусского населения окраин империи, что было связано с широким распространением обычного права, в ряде случаев имевшего приоритет по отношению к законодательным актам.

Эти особенности детерминируют широкий подход к пониманию закона применительно к периоду Российской империи. Закон предлагается рассматривать как нормативный правовой акт, исходивший от императора как высшей власти в государстве и направленный на регулирование наиболее важных групп общественных отношений.

6. Влияние систематизации законодательства на закон как источник права проявилось в нескольких аспектах. Во-первых, систематизация означала упорядочение законодательного массива, что всегда является благоприятным фактором для дальнейшего развития законодательства, а также для более точного определения его структуры, места в правовой системе. Во-вторых, она способствовала дальнейшему формированию межсистемных связей в законодательстве Российской империи. В-третьих, в результате

систематизации было облегчено практическое применение законов, что позитивно сказалось на их легитимности, восприятии правосознанием государственных деятелей, чиновников, судей, иных субъектов правоприменительной деятельности. В-четвертых, проведение систематизации создало основу для разграничения законов действующих и законов, утративших силу.

7. Проблема соотношения закона и указа всегда имела особое значение для российской юриспруденции. Ее важность связана не только с отсутствием в течение длительного времени четкого и легального разграничения закона и подзаконного нормативного акта (до 1906 года), но также и с отсутствием разделения властей, в силу этого и закон, и указ фактически происходили из одного источника – воли главы государства. Указ рассматривался как выражение высшей воли монарха – главы государства; закон подразумевал не только эту волю, но и ее облечение в определенную процессуальную форму, ее соответствие деятельности властных структур и институтов, согласие как минимум представителей правящих кругов, как максимум – населения страны. Нередко понятие закона употреблялось в тех случаях, когда речь шла о праве, его назначении, а не о конкретных властных распоряжениях. Указ связывался с конкретной властно-распорядительной деятельностью государственных органов, прежде всего самого главы государства. Практика работы властных органов не делала различия между законом и указом в своей правотворческой деятельности.

8. Правовой обычай сохранял в период Российской империи важное значение в регулировании общественных отношений, конкурируя в этом вопросе с законом. Последний в ряде случаев играл менее важную роль по сравнению с обычаем. Это объяснялось несколькими причинами, вытекавшими из всего государственного и общественного строя Российской империи, как социально-экономического, так и политического. К их числу можно отнести следующие:

- существенное количественное преобладание крестьян в общей массе населения при сохранении общинных землепользования и податной системы;
- наличие большого числа самых различных народов, присоединенных к российскому государству и проживавших на окраинах империи, что в условиях значительных расстояний осложняло управление ими на основе единых законов;
- своеобразие ведения торговых дел купеческим сословием, которое занимало в сфере торговых отношений монопольное положение и при этом сохраняло немногочисленность.

Методологическая основа диссертационного исследования. При изучении вопросов, поставленных в диссертации, широко использовались общенаучные методы исследования, среди которых особое значение имели диалектический, исторический, системно-структурный методы, а также анализ и синтез. Их использование позволило рассмотреть закон и систему источников права как сложные и противоречивые правовые явления, развивающиеся вместе с общественными отношениями. С помощью исторического метода были выявлены особенности эволюции закона в контексте развития государства и права Российской империи. Системно-структурный метод позволил оценить место закона в правовой системе дореволюционной России.

Также были использованы специальные юридические методы: формально-юридический, историко-правовой, сравнительно-правовой. С помощью формально-юридического метода исследовались нормы законодательства Российской империи. Сравнительно-правовой метод в рамках диахронного сравнения позволил сопоставить понимание и виды законов в период Российской империи и в современных условиях. Историко-правовой метод помог проследить эволюцию закона на протяжении достаточно длительного периода. Закон рассматривался в работе в неразрывном единстве с политико-правовой практикой Российской империи, через призму вопросов теории правотворчества и правоприменения.

Теоретической базой исследования стали труды отечественных и зарубежных правоведов, посвященные вопросам теории и истории закона: И. Бентама, Н.М. Золотухиной, И.А. Исаева, С.В. Кодана, И.Ю. Козлихина, А.В. Корнева, Б. Леони, Е.Г. Лукьяновой, А.В. Мицкевича, В.С. Нерсесянца, А.С. Пиголкина, Ю.А. Тихомирова, Н.А. Фроловой, Т.Ф. Ящук. Диссертант опирался на концептуальные идеи о понимании роли закона, его соотношении с правом и государством, разработанные представителями юридического позитивизма (Г. Харт, Н.М. Коркунов, М.Н. Марченко), социологической юриспруденции (С.А. Муромцев, О. Эрлих, Г.В. Мальцев), либертарно-юридической теории (В.С. Нерсесянц), постклассической теории права (В.И. Павлов, И.Л. Честнов). Важное значение имели работы по истории, философии и методологии права Г.М. Азнагуловой, А.А. Дорской, А.С. Емельянова, И.А. Исаева, Д.А. Керимова, А.В. Корнева, В.В. Лазарева, В.В. Лапаевой, Л.В. Лаптевой, В.П. Малахова, Г.В. Мальцева, Н.В. Михайловой, В.В. Оксамытного, Д.А. Пашенцева, О.Ю. Рыбакова, В.П. Сальникова, С.Н. Сеницына, В.Н. Синюкова, Н.Н. Тарасова, Е.В. Тимошиной, В.А. Томсинова, Т.В. Шатковской, Т.Я. Хабриевой, других ученых.

Источниковая база исследования представлена тремя группами материалов. Первая группа – нормативные правовые акты изучаемого периода, включая законодательство, подзаконные нормативные акты. Были исследованы акты, помещенные в Свод законов Российской империи и Полное собрание законов Российской империи. Вторую группу составили решения Правительствующего Сената по вопросам применения отдельных законов. В третью группу вошли архивные материалы из архивного фонда Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. В частности, в нем сохранились стенограммы обсуждения учеными Всесоюзного института юридических наук вопросов, относящихся к теории закона, его соотношению с подзаконными нормативными актами, систематизации законодательства. Эти источники позволяют сопоставить важные аспекты развития законов в Российской

империи с теми дискуссиями о законах, которые проходили в советский период. Также были использованы документы из архивного фонда государственного контролера Т.И. Филиппова в Государственном архиве Российской Федерации.

Хронологические рамки исследования связаны с периодом Российской империи, которая была провозглашена в 1721 году особым указом Правительствующего Сената и прекратила свое существование в результате Февральской революции 1917 года. Главное внимание в работе уделяется XIX и началу XX века. Именно в это время в силу проведения масштабной систематизации законодательства повышается значимость законов. Реформа органов центрального управления, включая создание в 1802 году министерств, обострила вопрос о соотношении законов и подзаконных актов. Активно развивалась юридическая наука, что приводило к дискуссиям о сущности закона как источника права и его признаках. В итоге именно в девятнадцатом столетии закон начинает занимать особое место в системе источников права и активно исследуется в доктрине. После революционных событий 1917 г. развитие закона осуществлялось в принципиально новых условиях, что требует отдельного исследования.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что его результаты позволяют в определенной степени восполнить пробелы, существующие в современной отечественной науке теории и истории государства и права вследствие недостаточной изученности закономерностей эволюции закона в период Российской империи, а также его соотношения с иными источниками права в то время.

Полученные автором результаты вносят определенный вклад в развитие учения о законе как источнике права, дополняют историко-правовое и теоретико-правовое знание о законотворчестве и применении законов, раскрывают новые грани роли законов и их видов в период Российской империи. Сделанные теоретические обобщения способствуют последующей

разработке общих закономерностей эволюции отечественного законодательства.

Практическое значение диссертации определяется тем, что выводы исследования могут быть использованы в деятельности законотворческих органов власти как на федеральном уровне, так и на уровне субъектов Российской Федерации. Обоснованные в работе выводы о необходимости и направлениях упорядочения действующего законодательства, выстраивания его более четкой иерархии, нормативного закрепления соотношения законов и подзаконных нормативных актов могут послужить важным аргументом в пользу принятия Федерального закона «О нормативных правовых актах в Российской Федерации». Материалы и выводы диссертанта могут также использоваться в учебном процессе при преподавании таких дисциплин, как «Теория государства и права» и «История отечественного государства и права» студентам и аспирантам юридических вузов и факультетов.

Степень достоверности научных результатов исследования обеспечена применением современной научной методологии, основополагающих для правовой науки концептуальных подходов, положений российского законодательства, использованием правовых актов, действовавших в период Российской империи, использованием архивных документов и широкого круга доктринальных источников, а также научной аргументированностью положений исследования.

Апробация результатов исследования осуществлялась по следующим основным направлениям:

- 1) Диссертация обсуждалась и была одобрена на совместном заседании отдела теории права и междисциплинарных исследований законодательства и кафедры теории, истории и философии права Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации.
- 2) Положения диссертационного исследования докладывались на научных конференциях различного уровня, в том числе:

- Всероссийская научно-практическая конференция «Российское и международное право: общее и особенное» (Москва: МГПУ, 2019);

- Всероссийская научная конференция с международным участием «Систематизация законодательства в фокусе историко-правовой науки (к 470-летию принятия Судебника 1550 г.)» (Москва: ИЗиСП, 2020);

- Международная научно-практическая конференция «Право и права человека в современном мире: тенденции, риски, перспективы развития» (Москва: МГПУ, 2021);

- Ежегодная Международная школа-практикум молодых ученых-юристов (Москва: ИЗиСП, 2019, 2020, 2021).

3) Основные выводы диссертационного исследования изложены в научных публикациях автора, в том числе пяти статей в изданиях, входящих в список рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Минобрнауки России для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученой степени доктора наук, кандидата наук.

Структура диссертации обусловлена целью и задачами исследования, а также содержанием исследуемого материала. Работа состоит из введения, трех глав, объединяющих семь параграфов, заключения и списка использованной литературы.

ГЛАВА 1

ИСТОРИКО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ РОЛИ ЗАКОНА В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

1.1. Становление и развитие доктринальных представлений о законе как источнике права: от истории к современности

Проведение историко-правового исследования, связанного с осмыслением ушедшей реальности, должно учитывать обстоятельства исторического характера. В то же время это не означает категорического отказа от новых методологических и теоретических представлений, так как исследователь не может полностью погрузиться в прошлое, отрешившись от реалий сегодняшнего дня. Научное представление о правовом прошлом в значительной мере детерминировано теми воззрениями, которые господствуют в современной доктрине. Принцип историзма предполагает исследование явлений прошлого в соответствии и взаимосвязи с теми конкретно-историческими условиями, в которых они существовали¹. Историко-правовые институты должны изучаться с учетом той обстановки, в рамках которой они сложились и функционировали. В то же время существующая реальность неизбежно воздействует на исследователя, сказывается на получаемых им результатах, а современная доктрина так или иначе влияет на наше восприятие прошлого и его оценку. В связи с этим исследование развития закона и представлений о нем в период Российской империи должно сопровождаться уточнением тех концептуальных позиций применительно к этому источнику права, которые были обоснованы в работах

¹ См.: Мейнеке Ф. Возникновение историзма / пер. с немец. М.: РОССПЭН, 2004. 280 с.; Трельч Э. Историзм и его проблемы: Логическая проблема философии истории / пер. с немец. М.: Юрист, 1994. 719 с.

ученых более позднего времени. Также необходимо учитывать, что эти идеи и концепции не были известны в период Российской империи и потому, выступая опорой для современных исследователей, не оказывали никакого воздействия на развитие права в рассматриваемый период. Таким образом, речь идет о необходимости комплексного подхода к исследованию закона в его историко-правовом развитии, сочетающего как воззрения правоведов прошлого, так и современных ученых. В этом случае представляется более возможным воссоздание объективной картины применительно к предмету исследования.

Несмотря на то, что вопросы, связанные с законом, активно изучались дореволюционными учеными, о чем будет подробно сказано ниже, можно утверждать, что истоки существующих представлений о законе как источнике права содержатся в концепциях и теориях советского периода. Идеи, которые были высказаны правоведом тех лет, во многом продолжают существовать в юридической науке и сегодня, отражаясь на складывающихся представлениях и теориях закона. Это связано как с концептуальностью подходов советских ученых к вопросам теории права, так и с тесной взаимосвязью теоретико-правовой науки нашего времени с предыдущим этапом ее развития.

Именно в советской теории права, равно как и в правовой практике, произошла окончательная юридикация закона. Дело в том, что само понятие закона существовало и активно использовалось с древних времен. В Библии говорится о Законах Моисея. До нас дошли Законы вавилонского царя Хаммурапи, написанные в восемнадцатом столетии до нашей эры¹. О законах писал римский император Юстиниан, о законе размышлял живший на Руси митрополит Илларион². Понятие «закон русский» встречается в договорах

¹ См.: Законы вавилонского царя Хаммурапи: Пер. и комм. В. А. Яковсона // История Древнего Востока. Тексты и документы / Под ред. В. И. Кузищина. М.: Высшая школа, 2002.

² См.: Илларион, митрополит. Слово о законе и благодати / отв. ред. О.А. Платонов. М.: Ин-т русской цивилизации, 2011.

Руси с Византией, заключенных в самом начале существования древнерусской государственности¹. Вопросы понимания закона и его соотношения с иными формами права активно обсуждали ученые дореволюционной России². Но только в советский период окончательно оформилась четкая концепция понимания закона с точки зрения юридической науки. В итоге и сегодня закон рассматривается юристами в трех ипостасях: «как нормативный правовой акт, принимаемый носителем законодательной власти в государстве; как любая правовая норма абстрактного и общего характера; как позитивное право, установленное и исходящее от государственной власти»³.

Названные три параметра, применимые к пониманию закона, не были секретом и для юристов Российской империи, но в то время, как будет показано ниже, они вызывали серьезные дискуссии, столкновения мнений в силу недостаточной оформленности самой концепции закона и отсутствия полноценной теории закона, отвечающей всем критериям юридического научного познания. Это представляется вполне закономерным с учетом того этапа, на котором находилось развитие юридической науки и практики.

Первые работы в этой сфере относятся в России к периоду конца XVIII – начала XIX века⁴. Их содержание зависело от общего состояния законодательства, которое подвергалось анализу и служило наглядной иллюстрацией законов и их видов. Кроме того, направления в исследовании законов формировались борьбой между позитивизмом и естественно-правовой теорией. В рамках позитивизма преобладал формальный подход к законам как источникам права, посредством которых правовым нормам придавалась

¹ См.: Памятники русского права. Выпуск 1: Памятники права Киевского государства X–XII вв. / под ред. С. В. Юшкова; сост. А. А. Зимин. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1952.

² Об этом подробнее в параграфе 2.1.

³ Оксамытний В.В. Закон в системе источников современного права: сравнительная характеристика // Вестник Брянского государственного университета. 2015. № 2. С. 214.

⁴ См., напр.: Горюшкин З. А. Руководство к познанию русского законоискусства. Т. 1. СПб.: Университетская тип., 1811.

обязательная сила. Принятие закона неразрывно связывалось с деятельностью государства, а право рассматривалось как продукт этой деятельности. Напротив, естественно-правовая теория неразрывно связывала понятие закона с правами и свободами человека¹.

В силу самодержавного характера российской государственности периода империи естественно-правовая теория, зародившаяся в рамках западной политико-правовой мысли, не получила широкого распространения на отечественной почве, но отдельные ученые и государственные деятели высказывали тезисы, во многом соответствовавшие этой концепции. Например, М. М. Сперанский писал, что через законы власти надлежит высказывать правду². В сходном ключе размышляли о природе и назначении закона такие авторы, как А. Н. Радищев, В. Т. Золотницкий, а позднее С. А. Котляревский, Б. Н. Чичерин и другие. В целом, в Российской империи постепенно формировалось направление, представленное сторонниками естественно-правовой теории, так как активно развивавшаяся юридическая наука не замыкалась в рамках одного какого-либо типа правопонимания и отличалась плюрализмом подходов. Эти подходы неизбежно сказывались и на развитии закона как источника права, а также представлений о нем в научной среде.

Большая заслуга в становлении как теории, так и практики отечественного законотворчества принадлежит М. М. Сперанскому – выдающемуся юристу и государственному деятелю своего времени³. Именно в его трудах достаточно четко и ново для Российской империи с ее самодержавным правлением прозвучала мысль о том, что само понимание закона должно быть связано с разделением властей, а право издания законов

¹ Лукьянова Е. Г. Концепции закона в контексте развития государства и общества // Государство и право. 2018. № 8. С. 135.

² Сперанский М. М. Руководство к познанию законов. СПб.: Наука, 2002. С. 53.

³ Кодан С. В. М. М. Сперанский и российское законодательство // Чиновникъ. 2001. № 3. С. 62 – 71.

принадлежит законодательной власти, обособленной во властной системе от власти исполнительной и судебной¹. Более того, идеи М. М. Сперанского в определенной степени продолжали реализовываться на протяжении всего XIX и начала XX века как в законотворческой политике, так и в государственно-правовой практике, оказывая влияние на развитие системы источников права и определяя курс государственных реформ, а также в ряде случаев их конкретное содержание. Вклад Сперанского и в развитие законодательства, и в его систематизацию, и в формирование доктринальных оценок законов сложно переоценить.

Важным фактором проникновения естественно-правовых идей в российскую юриспруденцию стал правительственный конституционализм начала XIX века: конституционные проекты, которые разрабатывались в данный период, и их отражение в общественном настроении. Создание таких проектов в определенной мере поощрялось императором Александром I, особенно в первый период его правления². Имели место и альтернативные проекты, принадлежавшие декабристам³.

Во времена правления Николая I подобные подходы в силу жесткого правительственного курса временно были приостановлены, уступив место позитивистским концепциям, отождествлявшим право и закон, источник и форму права. Работы данного периода рассматривают закон как выражение государственной воли, и подобный подход сохраняется в значительной части работ по теории государства и права вплоть до Февральской революции 1917 года. Закон нередко трактуется как определенная правовая форма, которую власть может наполнить различным содержанием⁴. Вопрос того времени, что

¹ См.: Сперанский М. М. Руководство к познанию законов / Соч. гр. Сперанского. Санкт-Петербург: тип. Второго отд-ния Собств. е. и. вел. канцелярии, 1845.

² Пашенцев Д.А. Конституция России: этапы развития. М.: Готика, 2008. С. 29–41.

³ См.: Нечкина М.В. Декабристы. М.: Наука, 1982. — 184 с.

⁴ См., напр.: Градовский А.Д. Начала русского государственного права. В 2-х т. Т. 1. О государственном устройстве. М., 2000.

важнее для закона, форма или содержание, продолжает оставаться дискуссионным и в наши дни, влияя на более широкий круг проблем, непосредственно связанных с правопониманием.

Важным событием, повлиявшим на понимание роли закона в правовой системе и возникновение новых его концепций, стало создание в начале XX века представительного органа - Государственной Думы. Согласно статье 85 Основных государственных законов Российской империи в редакции от 23 апреля 1906 года, законом стал считаться только тот акт, который был принят тремя органами: Государственной Думой, Государственным советом и Императором¹. В этом проявилось дальнейшее постепенное проникновение в монархическую Россию идей конституционализма, связанных с разделением властей. В результате стало возможным более четкое разграничение закона и подзаконного нормативного акта, что с формально-юридических позиций можно рассматривать как важное позитивное явление для развития системы источников права с присущей ей иерархией и, как следствие, укрепления законности и правопорядка. Фактически появился легальный критерий отграничения закона от подзаконных актов, что имело важное значение для юриспруденции в целом.

Стоит отметить, что не все юристы Российской империи позитивно оценили значение и новый порядок принятия законов в период создания Государственной Думы. Например, обер-прокурор Синода и профессор права К. П. Победоносцев, выражавший одну из самых консервативных в дореволюционной юриспруденции точек зрения, полагал, что принятие закона парламентом не отвечает природе и исконному назначению данной формы права. Создание парламента приводит к тому, что интерес к закону смещается к его формальным аспектам, при этом о «высоком и глубоком значении закона

¹ Основные государственные законы Российской империи (в редакции от 23 апреля 1906 года) // Свод законов Российской империи. Т. 1. Ч. 1. СПб., 1906.

совсем забывает новое учение и новая политика законодательства»¹. В этом проявился присущий Победоносцеву консерватизм, недоверие к западным политико-правовым институтам, которые он считал совершенно не подходящими и даже вредными для российской действительности.

В начале советского периода произошел, казалось бы, полный разрыв с прежними подходами к праву, но ряд проблем, связанных с пониманием закона и его роли в правовом регулировании общественных отношений, продолжил воспроизводиться и обсуждаться. В связи с этим представляется возможным проследить, как идеи и концепции дореволюционных авторов оказали влияние на понимание закона учеными советского и постсоветского периодов. Кроме того, обращение к более поздним временным периодам позволяет более широко проследить роль закона в Российской империи, оценить ее с принципиально новых позиций, с учетом более поздних исследований и научной критики. Этим и объясняется исследование в данном параграфе тех концепций и теорий закона, которые сложились не в период Российской империи, а позже, вплоть до наших дней. Именно на этой основе предлагается синтезировать научное знание о законе как источнике права, в том числе и применительно к периоду Российской империи, который в основном и стал главным направлением исследования в диссертации. Таким образом, речь идет о привнесении в процесс получения нового историко-правового знания тех наработок, которые стали итогом развития теоретико-правовой науки, о синтезе прежних и современных подходов, позволяющем комплексно подойти к разработке проблематики закона в историко-правовом отношении.

В советский период осознание важности закона как источника права, отличающегося от иных источников, сложилось не сразу. Более того, на первом этапе существования советского государства господствовали крайне

¹ Победоносцев К. П. Закон // Победоносцев К. П. Юридические произведения. М., 2021. С. 412.

левые представления о праве: предполагалось скорое построение коммунизма и связанное с этим скорое отмирание права, не нужного обществу будущего. Наиболее левые юристы призывали даже бороться с правом вплоть до его полного искоренения.

В 1930-е годы пришло поддерживаемое на официальном уровне осознание того, что советскому государству необходимы и законы, и законность. Большую роль в этом сыграл А.Я. Вышинский, сформулировавший для советской юриспруденции официальное понятие права, а также всемерно настаивавший на необходимости укрепления законности¹. Кроме того, важное значение имело принятие Конституции СССР 1936 г., в которой были закреплены законодательные полномочия Верховного совета СССР. С этого момента отграничение закона от подзаконного акта получило в советском государстве четкие конституционные основы – законом стали считаться только те акты, которые были приняты Верховным Советом. Все акты иных органов, включая указы Президиума Верховного Совета, стали рассматриваться исключительно как подзаконные акты. Столь важное для юридической практики событие неизбежно сказалось и на правовой теории, которая получила возможность четкой, завершенной формализации закона как источника права, обладающего высшей юридической силой и имеющего особый порядок принятия.

Одним из авторов, сформировавших теоретические основы для создания целостной теории закона, стал А. Ф. Шебанов. Он констатировал, что в советской юридической литературе понятие закона нередко употреблялось для обозначения всякого вообще нормативного правового акта². В то же время в юридическом смысле закон – это не любой нормативный акт, а лишь тот,

¹ Альбертий Ю.В. Вопросы законности и роли законов в трактовке отечественных правоведов 1920–30-х годов // Вестник МГПУ. Серия «Юридические науки». 2020. № 1. С. 65.

² Шебанов А.Ф. Нормативные акты советского государства. М.: МГУ, 1956. С. 18.

который издан высшим органом государственной власти и занимает особое место среди актов государства.

В отличие от других правовых актов, которые могут быть как нормативными, так и ненормативными, закон всегда имеет нормативный характер. Он содержит нормы права, распространяющие свое действие на неограниченный круг лиц¹.

В последовавшей за этим монографии ученый обосновал главенствующую роль законов среди нормативных правовых актов советского государства. Он показал, что верховенство законов должно рассматриваться в качестве одного из важнейших принципов советского права².

В последующем динамика общественных отношений инициировала новые обращения к вопросам теории закона. Большую работу в этом отношении проделали ученые Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации (ранее – ВИОН, ВНИИСЗ, далее – Институт, ИЗиСП).

Под руководством И.С. Самощенко ученые Института решали теоретические вопросы совершенствования советского законодательства, а также его систематизации. Был опубликован ряд важных в научном и практическом отношении работ, вносящих вклад в понимание природы закона³, где было дано теоретическое обоснование создания Свода законов СССР⁴.

Вопросы, связанные с теорией закона, получили особую значимость в связи с работой по обоснованию систематизации законодательства, которая

¹ Там же. С. 19.

² Шебанов А.Ф. Форма советского права. М., 1968. С. 141.

³ Соотношение общесоюзного и республиканского законодательства // под ред. И.С. Самощенко и М. Г. Кириченко. М., 1967; Правотворчество в СССР // под ред. А.В. Мицкевича. М., 1974; Проблемы совершенствования советского законодательства // под ред. И.С. Самощенко. М., 1977.

⁴ Свод законов Советского государства: теоретические проблемы // отв. ред. И.С. Самощенко. М., 1981.

проводилась в ВИЮН. Разработка основ систематизации оказалась невозможной без обращения к основам законодательной техники, понятию нормативного правового акта¹.

Важным итогом исследований, производившихся под руководством И.С. Самощенко, стала разработка целого ряда вопросов систематизации законодательства в условиях федеративного государства. Были выявлены особенности соотношения общесоюзного и республиканского законодательства, сформулированы имевшие практическую направленность предложения по проведению дальнейшей систематизации законодательных норм. Труды по систематизации расширяли представление о законе, его видах и формах, вносили вклад как в теорию, так и в практику правотворчества.

Вклад в развитие теории закона в части его соотношения с иными источниками права, а также места в системе актов государства внесли работы А.В. Мицкевича. Прежде всего речь идет о монографии «Акты высших органов советского государства: юридическая природа нормативных актов высших органов государственной власти и управления СССР», изданной в 1967 году и переизданной в 2010 году². Как справедливо отмечает Н. В. Путило, этот труд, наряду с иными публикациями ученого, во многом стал «основой для создания теории нормотворчества, законодательной техники, разработок в области иерархического построения системы нормативных правовых актов»³. По мнению цитируемого автора, до сих пор до конца не исследован подход А. В. Мицкевича, полагавшего, что «законы государства по своему социальному значению – это не только веление органов государства...»,

¹ Стенограмма заседания Ученого совета ВИЮН от 19 апреля 1961 г. // Архив ИЗИСП. Ф. 1. Оп. 1. Д. 478. Л. 8.

² Мицкевич А.В. Акты высших органов Советского государства // Мицкевич А.В. Избранное. М.: ИЗИСП, 2010.

³ Путило Н.В. Памяти А.В. Мицкевича – Ученого, Учителя, Человека // Журнал российского права. 2017. № 5. С. 152.

но и выражение согласия народа либо его большинства на подчинение законодательным и иным обязательным решениям»¹.

Вклад А.В. Мицкевича в теорию закона может быть обозначен в следующих главных позициях:

- ученым была обоснована потребность в установлении строгой иерархии актов различных государственных органов как основы для укрепления законности;

- раскрыто важное значение формы правовых актов для совершенствования правотворческого процесса, упорядочения законодательства и, на этой основе, достижения главных целей правового регулирования;

- обоснована необходимость официального закрепления порядка оформления нормативных правовых актов (проблема в полной мере не решена и в современных условиях);

- выявлены и обоснованы признаки нормативности правовых предписаний, раскрыты особенности их проявления в актах, принимаемых конкретными государственными органами².

А.В. Мицкевич подчеркивал, что «закон – это высшее выражение государственной власти, воли народа, а потому в системе источников права именно законы обладают высшей юридической силой, регулируя наиболее важные вопросы»³.

Развитию представлений о законе также способствовал И.Л. Брауде. Исследуя в своих работах вопросы теории и практики законодательной

¹ Мицкевич А. В. О нормах позитивного права // Трудовое право и право социального обеспечения. Актуальные проблемы. М., 2000. С. 228.

² См. подробнее: Хен Л.Г. Вклад А. В. Мицкевича в развитие теории правотворчества // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородского университета МВД. 2024. № 1. С. 207–212.

³ Путило Н.В., Пашенцев Д.А. Вопросы теории права в научном творчестве А.В. Мицкевича (к 100-летию со дня рождения ученого) // Журнал российского права. 2022. № 6. С. 154.

техники, он констатировал, что ее «нельзя полностью отделить от форм выражения воли государства, то есть от источников права»¹, иными словами, подчеркивал неразрывную взаимосвязь юридико-технических и содержательных аспектов правотворчества. Ученый полагал необходимым стремиться к соответствию формы акта и его содержания, а также обеспечивать взаимодействие закона с другими имеющимися источниками права. И.Л. Брауде отмечал, что на практике несоответствие между законами и подзаконными актами приводит к необходимости внесения изменений в нормативные правовые акты для его преодоления.

Вклад И.Л. Брауде в разработку вопросов теории закона может быть выражен в следующих позициях:

- обоснование необходимости и потребности в формировании и реализации целостной законодательной политики как основы для последующего планомерного принятия законов;

- объяснение потребности в соответствии законопроектов существующим экономическим отношениям (экономическая обоснованность принимаемых законодательных актов);

- аргументация в пользу юридико-технического совершенства законов и выделения законодательной техники в системе общей юридической техники².

Теория закона получила развитие в трудах А.С. Пиголкина, который активно участвовал в подготовке научных публикаций по данной проблематике, разрабатывал вместе с учениками важные вопросы толкования законов и их языка³. Благодаря инициативе А.С. Пиголкина языку закона стали уделять большее внимание, что оказалось полезным не только для

¹ Брауде И.Л. Очерки законодательной техники. М.: ВИЮН, 1958. С. 10.

² Брауде И.Л. Избранное: Очерки законодательной техники. Некоторые вопросы системы советского права. М.: ИЗиСП, 2010. С. 17-19.

³ Пиголкин А.С. Толкование нормативных актов в СССР. М., 1962; Советское законодательство: пути перестройки // отв. ред. А.В. Мицкевич, А.С. Пиголкин. М., 1989; Язык закона / под ред. А.С. Пиголкина. М.: Юрид. лит., 1990.

теории, но и для практики правотворчества. Действительно, если с позиции современной конструктивистской методологии рассматривать создание закона как первичный этап процесса конструирования новой правовой реальности¹, то этот этап неизбежно будет связан с использованием языка как определенной знаковой формы, с помощью которой происходит создание и выражение новых правовых норм. Без языка процесс законотворчества лишен всякого смысла, он просто не может состояться.

Разработанная А.С. Пиголкиным теория толкования закона, представляющего собой уяснение и разъяснение его смысла и содержания, то есть фактически раскрытие внутреннего потенциала закона, его значения для регулирования общественных отношений, также представляется весьма важной для того, чтобы регулирующий потенциал закона раскрылся в полной мере, а участники общественных отношений в полной мере осознали роль того или иного закона в жизни общества.

В 1982 г. была опубликована монография Ю.А. Тихомирова «Теория закона»², в отдельных главах которой рассмотрены такие вопросы, как: понимание закона как социального явления, подходы к типологии законов; место закона в правовой системе социалистического общества; соотношение закона с политикой и властью; взаимодействие закона и личности; процесс законотворчества; особенности действия закона. Таким образом, были суммированы итоги многолетней работы советских ученых-теоретиков над созданием основ теории закона, которой был придан завершённый вид. Заслуга автора состоит в том, что в работе закон рассматривается не как статичное явление, а как динамичный регулятор общественных отношений, который в ряде случаев может осуществлять опережающее воздействие. По мнению С.В. Бошно, тем самым были заложены основы для перехода от

¹ Пашенцев Д.А. Конструктивизм в современной юридической науке // Вестник МГПУ. Серия «Юридические науки». 2022. № 1. С. 17.

² Тихомиров Ю.А. Теория закона / отв. ред. Казимирчук В.П. М.: Наука, 1982.

позитивистского понимания закона к его социологической трактовке. «Закон в точном смысле – это отношения людей в соответствии с записанной моделью. Нам не важен закон как самоцель, он – механизм, опосредующий достижение значимого результата, которым являются отношения в обществе»¹.

В период перестройки и смены методологических ориентиров произошли определенные сдвиги в понимании закона и его роли в обществе. Ученые стали отходить в своих оценках от жесткого классового подхода, обосновывать общесоциальную роль закона как выразителя интересов всего общества, а не только экономически господствующего класса. В частности, Ю.А. Тихомиров писал: «Традиционный взгляд на закон как выражение воли господствующего класса не в полной мере отражал спектр интересов до и после принятия закона и динамичное соотношение воли и интересов. Императив безоговорочного подчинения, послушания граждан диктату закона сегодня едва ли может служить устойчивой опорой его действия. Важнее найти те переходы разнообразных интересов в общий интерес, в нормативно выраженную волю, побуждающую – через интересы граждан, коллективы, иные социальные общности – действовать активно, целеустремленно, в соответствии с гуманистическими принципами»².

Многолетняя работа ученых ИЗиСП по исследованиям различных аспектов закона и законотворчества отразилась в фундаментальном коллективном труде «Законотворчество в Российской Федерации», который вышел под редакцией А.С. Пиголкина³. Понятие законотворчества, с разных аспектов раскрытое в работе, не могло быть исследовано без обращения к сущности самого закона как важного источника права. Именно сущность

¹ Тихомиров Ю.А., Бошно С.В. Теория закона: общие закономерности и новые подходы // Право и современные государства. 2018. № 1. С. 11. С. 9-17.

² Тихомиров Ю. А. Закон в системе нормативных актов // Проблемы законотворчества Российской Федерации. М., 1993. С. 7.

³ Законотворчество в Российской Федерации / под ред. А.С. Пиголкина. М.: Формула права, 2000. - 604 с.

закона, его природа определяют содержание и направленность законотворческой деятельности. Этим аспектам посвящена третья глава работы, написанная М.С. Студеникиной и Е.А. Юртаевой, где сформулированы наиболее существенные признаки закона: издание представительными органами власти или принятие на референдуме; регулирование наиболее важных вопросов общественной жизни; наибольшая юридическая сила среди других нормативных правовых актов; наиболее общая нормативность; длительность существования (действия); регулирование принятия нормами законодательного процесса¹.

Таким образом, авторы опираются на те воззрения на закон, которые в начале XXI века являлись доминирующими в отечественной теоретико-правовой науке. В работе акцентируется внимание на том, что закон – это источник права, который относится к нормативным правовым актам и занимает среди них ведущее место. Сформулированы признаки закона, в которых проявляется его природа и место в системе регулирования общественных отношений (более подробно они были раскрыты в другой работе, имеющей более выраженную практическую направленность²).

В постсоветский период сформировалось понимание закона, основанное на разработках советского времени, но учитывавшее отказ от классовой теории, долгое время считавшейся единственно верной. Основные принципы такого понимания закона были отражены С.С. Алексеевым в обстоятельном учебнике по теории государства и права. Основные положения, касающиеся понимания сущности и природы закона, в его трактовке выглядят следующим образом.

¹ Законотворчество в Российской Федерации / под ред. А.С. Пиголкина. М.: Формула права, 2000. С. 73 - 74.

² Тихомиров Ю.А., Котелевская И.В. Правовые акты: Учебно-практическое и справочное пособие. М.: Юринформцентр, 1999. – 380 с.

Во-первых, закон – это акт, выражающий общую государственную волю (в связи с этим вспомним, что в советской юриспруденции речь шла о воле экономически господствующего класса).

Во-вторых, законы посвящены основным, главным вопросам жизни государства.

В-третьих, закон – это акт первичного характера, в котором содержатся изначальные для всей правовой системы предписания.

В-четвертых, закон обладает высшей юридической силой.

В-пятых, законы принимаются в особом порядке¹.

Обобщение воззрений на закон в контексте развития законодательной техники встречается в работе Д.А. Керимова, констатировавшего недостаточное внимание к теории и практике законотворчества в России и подчеркивавшего важнейшую роль законодательства в жизни общества и государства. Ученый предлагал понимать закон шире, чем просто законодательный акт, принимаемый государством, усматривал его истоки в свободе как важном социальном и индивидуальном благе, показывал зависимость качества и содержания законов от правовой культуры общества².

Д.А. Керимов предложил различать внешнюю и внутреннюю формы закона, рассматривать его как единство содержания и формы: «закон – есть выражение сущности соответствующей законодательной системы, конкретизация этой сущности в содержании его предписаний, организованных внутренней структурой и выраженных вовне в определенной форме»³.

Попытка внести вклад в теорию закона была предпринята И.И. Шуваловым⁴. В его работе «Теория законотворчества» основное внимание

¹ Алексеев С.С. Общая теория права. 2-е изд. М.: Проспект, 2009. С. 449-451.

² Керимов Д.А. Законодательная техника. М.: Норма, 2019. С. 5-7.

³ Там же. С. 23.

⁴ Шувалов И.И. Правотворчество в механизме управления обществом: необходимость комплексного исследования: монография. М.: Норма, 2005; Он же. Теория законотворчества: Монография. М.: Норма, 2006.

уделено методологии исследования законотворчества и конкретным вопросам, связанным с местом законотворчества в системе публично-правовой деятельности. Вопросы понимания природы закона и его соотношения с иными формами права остались вне авторского внимания, что в целом не влияет на оценку этого труда как интересного и важного.

Труды ученых, развивавших теорию закона, в современной юридической науке получили логическое продолжение. В этом отношении необходимо отметить два издания принципиально нового характера.

Первое – это «Научные концепции развития российского законодательства», подготовленные коллективом авторов ИЗиСП под руководством директора Института, академика РАН Т. Я. Хабриевой и профессора Ю. А. Тихомирова и выдержавшие уже восемь переизданий (далее – «Концепции»)¹. Периодическая подготовка издания такого рода вполне себя оправдала, за прошедший период «концепции получили признание научной общественности и законодательных органов и стали служить научным критерием при разработке концепций проектов конкретных федеральных законов и технических заданий по их подготовке»².

Одна из задач, которые ставили перед собой авторы «Концепций», состояла в том, чтобы «выявить, с одной стороны, системную «производность» законодательства от общества, с другой – правильно выразить активно-преобразовательную роль законодательства»³.

Представляется, что на современном этапе развития теоретических представлений о сущности закона и динамики действующего

¹ Научные концепции развития российского законодательства: монография / В.Р. Авхадеев, Е.Г. Азарова, Л.В. Андриченко и др.; под ред. Т.Я. Хабриевой, Ю.А. Тихомирова; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. 8-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2024.

² Концепции развития российского законодательства / под ред. Т.Я. Хабриевой, Ю.А. Тихомирова. М.: Эксмо, 2010. С. 12.

³ Хабриева Т.Я., Тихомиров Ю.А. Предисловие // Концепции развития российского законодательства. М., 2010. С. 12.

законодательства «Концепции» можно охарактеризовать как квинтэссенцию передовых научных наработок, обобщающую накопленный опыт и отражающую его перспективы.

Второе – подготовленный учеными ИЗиСП инициативный законопроект «О нормативных правовых актах в Российской Федерации»¹. В нем аккумулированы идеи, связанные с необходимостью четкого структурирования и создания целостной иерархической системы нормативных правовых актов, в которой важнейшее место должен занимать закон. В разработке этого законопроекта проявилось сочетание юридической теории и правовой практики. Представляется, что его принятие могло бы стать важнейшим вкладом в укрепление роли закона в системе права Российской Федерации, гарантирование его высшей юридической силы.

В современных условиях развитие теории закона, исследование его природы и места в российской правовой системе продолжают. Большой вклад в эти вопросы продолжают вносить ученые ИЗиСП, подготовившие и опубликовавшие целую серию коллективных работ, посвященных различным аспектам теории закона, в том числе, его качеству, эффективности, роли в развитии общественных отношений².

Значимым событием в дальнейшем развитии теории закона и обобщении существующих концепций его развития стала публикация материалов Международной школы-практикума под редакцией Т.Я. Хабриевой³. В основу издания легли статьи, подготовленные по итогам проведенной международной

¹ О нормативных правовых актах в Российской Федерации (проект федерального закона). 6-е изд., перераб. и доп. / рук. авт. коллектива Т. Я. Хабриева, Ю. А. Тихомиров М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2021.

² См., напр.: Закон: обеспечение безопасности и реальной экономики / отв. ред. Т.Я. Хабриева. М., 2015; Эффективность законодательства: вопросы теории и практики / отв. ред. Ю.А. Тихомиров, В.П. Емельянцева. М.: ИЗиСП, 2015; Законотворчество в Российской Федерации. М., 2000; Систематизация законодательства в Российской Федерации. СПб., 2003.

³ Закон: стабильность и динамика / отв. ред. Т.Я. Хабриева. М.: Контракт, 2007.

научной конференции, которая была посвящена закону и различным аспектам его существования в рамках правовой системы. В книге отражены такие важные аспекты, как кодификация законодательства, законодательная техника, качество и эффективность закона, планирование законодательства и другие. В статье, написанной академиком РАН Т.Я. Хабриевой, подчеркивалось, что нарастание количества законов не соответствует их качеству, а «само по себе увеличение удельного веса законов в системе актов, на что изначально было ориентировано правотворчество, еще не позволяет характеризовать закон как главный и реальный социальный регулятор»¹. Была отмечена роль стабильности в реализации главного предназначения закона – проведения необходимых преобразования в общественной жизни (политической, экономической, социальной).

Также необходимо указать на вклад в теорию закона, внесенный исследованиями Е. Г. Лукьяновой. В статье, посвященной концепциям закона, автором было обосновано существование материальной и формальной теорий закона².

По мнению Е. Г. Лукьяновой, сущность материальной теории закона можно выразить в следующих позициях:

- материальное понимание закона, который имеет некую сущность и нормативное содержание;
- трактовка закона только как формы (источника) права;
- подход к закону с позиций естественно-правовой теории;
- акцент на формальных признаках закона, включая особый порядок принятия и т.д.
- отрицание существования неправовых законов;

¹ Хабриева Т.Я. Стабильность закона, модернизация законодательства и задачи юридической науки // Закон: стабильность и динамика / отв. ред. Т.Я. Хабриева. М.: Контракт, 2007. С. XI.

² Лукьянова Е.Г. Концепции закона в контексте развития государства и общества // Государство и право. 2018. № 8. С. 134-139.

- акцент на материальных характеристиках законов¹.

В рамках формальной теории закон «тракуется исключительно как форма, в которую может быть облечено любое содержание»².

Наработки Е.Г. Лукьяновой могут быть использованы не только в теоретико-правовых, но и в историко-правовых исследованиях, для анализа исторических этапов развития закона и представлений о нем в юридической науке.

Современное развитие теории закона связано, в числе прочего, с исследованием опыта законотворческой деятельности зарубежных государств. В этом отношении стоит отметить коллективную монографию, опубликованную в 2022 году³. Изложение в ней начинается с анализа современной доктрины закона. Авторы подчеркивают, что современная западная концепция закона имеет давнюю историю, а ее истоки следует искать еще в Древнем Риме⁴.

В книге отмечается наличие следующих тенденций, актуальных для современной теории закона, а также законотворческой практики:

- падение роли закона в правовой системе;
- необходимость переосмысления такого инструмента управления обществом, как закон;
- количественный рост законов и их усложнение⁵.

Важные аспекты, связанные с пониманием роли законодательства в современной правовой системе и в системе источников права, раскрыты в публикациях А.И. Абрамовой. Автор справедливо отмечает не снижающиеся темпы динамичного развития законодательства, что «во многом связано с

¹ Там же. С. 135-136.

² Там же. С. 136.

³ Закон: от проекта до реализации (зарубежный опыт) / отв. ред. А.Н. Пилипенко. М.: Инфотропик медиа, 2022.

⁴ Там же. С. 2.

⁵ Там же. С. X – XI.

расширением сферы законодательного регулирования и увеличением в связи с этим законодательного массива, что обусловлено прежде всего возникновением новых направлений, требующих данного вида правовой регламентации. Кроме того, сохраняется необходимость в регулярном обновлении традиционных сфер законодательства, корректировке подходов в регулировании тех или иных отношений исходя из складывающихся реалий повседневной действительности, замене устаревающих и малоэффективных норм»¹.

Важное место в современных исследованиях занимают вопросы дефектов законодательства, непосредственно связанные с качеством законов. В этом контексте можно отметить фундаментальный труд А. Ю. Викулина «Основы законодательной дефектологии», изданный в восьми томах. Автор отмечает направленность законодательной дефектологии на «перевод теоретических знаний в практическую плоскость»².

Исследование процессов цифровизации права также позитивно сказалось на развитии современной теории закона. В литературе высказана идея цифрового закона как перспективной формы будущего законодательного акта, подчеркивается, что в случае ее реализации закон станет более демократичным по содержанию и характеру принятия, более гибким, что особенно важно в условиях стремительно развивающихся общественных отношений и быстрого устаревания законодательных норм³.

Таким образом, в современной отечественной юридической науке сложилась совокупность взглядов на закон как источник права, которая стала результатом развития соответствующих научных представлений силами

¹ Абрамова А. И. Кодификация российского законодательства: современность и перспективы развития // Журнал российского права. 2016. № 12. С. 28.

² Викулин А. Ю. Основы законодательной дефектологии. Часть первая: введение. М., 2019. С. 13.

³ См.: Пашенцев Д. А., Алимова Д. Р. Новации правотворчества в условиях цифровизации общественных отношений // Государство и право. 2019. № 6. С. 102-106.

ученых советского и постсоветского периодов. Можно проследить достаточно целостную и выраженную преемственность с идеями дореволюционных правоведов, которые получили частичное развитие в советский период (насколько позволяла необходимость придерживаться марксистской методологии и соответствующих позиций), а также и в современных условиях, когда стал возможен методологический плюрализм. Исследование показывает, что перед юристами периода Российской империи, изучавшими природу закона и его место в системе источников права, стояли те же вопросы принципиального характера, что и перед учеными более поздних периодов. Такая преемственность связана именно с природой самого закона, его сущностью и связью с государственной властью и государственным устройством.

Сложившаяся в отечественной правоведении теория закона, своими корнями восходящая к периоду Российской империи, является достаточно целостной и адекватно отражает историческую динамику системы законодательства. В то же время происходящие сегодня трансформации, вызванные политическими, социальными, экономическими и технологическими причинами, предъявляют и к законодательству как целостному феномену, и к закону как источнику права новые требования, в том числе качественного характера. В научную юридическую повестку дня включено обсуждение перспективных новаций закона как основного источника права, места закона в обществе в условиях стремительной динамики социально-политического развития. Новые дискуссии вызваны также современными технологическими трансформациями, прежде всего, цифровизацией правовой сферы общества, что также влияет и на теорию закона, и на практику законотворческой деятельности.

В целом, постепенно сложившиеся в отечественной теоретико-правовой науке и достаточно устойчивые доктринальные представления о законе нуждаются в развитии применительно к реалиям цифровой действительности и постиндустриального общества. Четкое формулирование требований к

закону как нормативному правовому акту, обладающему высшей юридической силой, и определение направлений его совершенствования есть насущная задача юридической науки. Решение этой задачи не представляется возможным без анализа исторического опыта развития закона и представлений о нем в российской юриспруденции, в том числе в дореволюционный период, без научного осмысления роли законов в регулировании отношений в дореволюционном обществе. Только на основе комплексного подхода, связанного с использованием новой научной методологии, можно получить новое актуальное знание о законе как важном факторе правового регулирования общественных отношений.

1.2. Исторические предпосылки развития закона как источника права в дореволюционной России

С позиций современной теоретико-правовой науки закон является основным по значимости источником (формой) права, что справедливо применительно к любой правовой системе. «Закон выступает как универсальная юридическая форма регулирования общественных отношений»¹. Вместе с тем, в различных правопорядках практическая роль закона в системе источников права может отличаться. Например, в англо-американской правовой семье закон сохраняет высшую юридическую силу, но при этом не играет основной роли в регулировании общественных отношений, так как в этом вопросе главное место занимает судебный прецедент². В мусульманских странах роль закона существенно ограничена религиозными источниками, которые в ряде случаев имеют более высокую юридическую силу по сравнению с законодательством, а также их авторитетным толкованием³. Более того, само понимание закона в мусульманской и индуистской, а также иных религиозных правовых системах существенно отличается от его трактовки в западных концепциях права. Отсюда следует, что высокая роль закона как главного регулятора общественных отношений во многом определяется совокупностью факторов и предпосылок, которые в числе прочего связаны с историческим развитием источников права в конкретном государстве, с особенностями национальной правовой традиции, с правосознанием населения страны.

¹ Чернобель Г.Т. Критерии разграничения законов и иных нормативных правовых актов // Проблемы законотворчества Российской Федерации. М., 1993. С. 22.

² См.: Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности / пер. с франц. М.: Межд. отнош., 1988.

³ Муромцев Г.И. Источники права (теоретические аспекты проблемы) // Известия вузов. Правоведение. 1992. № 2. С. 26.

Исследование истории становления и развития системы источников права важно для понимания тех предпосылок и закономерностей, которые связаны с ведущей ролью закона, особенностями его принятия, его местом в системе источников права и соотношением с иными формами права.

При изучении исторических предпосылок развития закона в системе источников российского права предлагается опираться на положения немецкой исторической школы права, представители которой обосновали важную роль «народного духа» в развитии права, актуализировали вопрос о соответствии принимаемого и действующего законодательства этому «народному духу», в том числе складывающимся в процессе жизни конкретного народа обычаям и традициям¹. Историческая школа права возникла и существовала достаточно давно, за ушедшие годы ее воззрения неоднократно подвергались суровой научной критике. Однако это не означает, что отдельные ее положения утратили всякую научно-познавательную ценность и сегодня не могут применяться в юридических исследованиях.

В наши дни, по мнению Д.А. Пашенцева, возможно соединить избранные идеи немецкой исторической школы права, в том числе о «народном духе», с положениями современной правовой теории, в том числе развиваемым постклассической теорией права антропоцентризмом. Если носителем правовой традиции и важным элементом реализации норм права выступает человек, то именно он и обусловлен предшествующим историческим развитием, накопленными и сохраняющимися в обществе традициями². Такой подход позволяет наполнить дискуссии о природе закона антропологическим содержанием, выявить взаимодействие формальных параметров, присущих законодательным актам, с менталитетом и правосознанием, обратиться к особенностям реализации законов на практике.

¹ См.: Немечкая историческая школа права. Челябинск: Социум, 2010.

² Пашенцев Д.А. Модернизация методологии правовых исследований в условиях становления новой научной рациональности // Журнал российского права. 2020. № 8. С. 5-13.

Синтез представления о правотворчестве и правоприменении позволяет установить общие закономерности, связанные с ролью закона в обществе, а также уточнить модели взаимодействия абстрактных законодательных норм и действий конкретных субъектов общественных отношений.

Сказанное еще раз подтверждает, что исследование исторических предпосылок развития закона как главного источника права в правовой системе России необходимо для достижения общей цели исследования, позволяет установить новые важные закономерности правового развития, на основе которых возможно прогнозирование дальнейшей эволюции закона и законодательства. Кроме того, такое исследование соответствует отечественным научным традициям, в силу которых любой предмет юридического исследования стоит изучать в динамике, начиная с момента его зарождения, в развитии и взаимодействии с окружающей социальной средой.

Исторические предпосылки развития закона – это те основополагающие факторы, имевшие место в прошлом и сохранявшиеся в течение длительного времени, которые обусловили особую роль закона в правовой системе России, его первенство среди правовых форм, направленных на регулирование общественных отношений как по юридической силе, так и по степени значимости. К ним относятся социально-экономические, политические, религиозные и непосредственно юридические предпосылки. Теоретически возможно обосновать наличие и иных предпосылок, но именно те, что названы выше, играли в данном случае определяющую роль, оказывая влияние и на развитие закона, и на его научное понимание.

Появление закона на Руси было связано с общей тенденцией перехода от обычая к писаному праву. Как известно, первым источником писаного права нашей страны стали договоры Руси с Византией, которые датированы X веком¹. Первым известным нам памятником внутреннего законодательства, на

¹ См.: Памятники русского права / под ред. [и с предисл.] заслуж. деятеля науки проф. С. В. Юшкова. М.: Госюриздат, 1952–1961. Вып. 1: Памятники права Киевского государства X–

который справедливо обращали внимание несколько поколений отечественных историков права, стала Русская правда¹.

Русская правда дошла до нас в нескольких редакциях, при этом представляется возможным выделить некоторые общие черты, характерные для этого памятника права. К ним прежде всего можно отнести его казуистический характер, который проявлялся в отсутствии общих понятий и принципов, имевших универсальное значение для конструирования составов преступлений и назначения наказаний. В этом отношении Русская правда не была уникальной, сходные особенности были характерны для всех памятников права феодального периода, например, так называемых варварских правд, существовавших у франков. В частности, исследование Салической правды показывает ее существенное сходство с Русской правдой, но не в конкретных деталях, а в общем построении норм и институтов, принципах и видах преступлений и наказаний². С. М. Шпилевский, который исследовал сходство юридического быта славян и германцев, отмечал его в отношениях родственного представительства на суде, в обязанности отвечать за родственников и осуществлять их защиту³. Существенное сходство наблюдалось и в системе наказаний что объясняется примерно одинаковым этапом развития регулируемых общественных отношений.

За Русской правдой последовало принятие законодательных актов феодальных республик периода раздробленности: Псковской и Новгородской судебных грамот. В каждой из феодальных республик был свой единый

XII вв.: Памятники права Киевского государства X–XII вв. / сост. доц. А. А. Зимин. 1952. - 288 с.

¹ Залоило М.В. Пашенцев Д.А. Дискуссия 1950 г. о «Русской правде» С. В. Юшкова (к 135-летию со дня рождения ученого) // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2023. Т. 14. № 4 (126).

² См.: Салическая правда / *Lex Salica* / Рус. пер. *Lex Salica* Н.П. Грацианского и А.Г. Муравьева; С введением Н. П. Грацианского. Казань: Маркелов и Шаронов, 1913. - 56 с.

³ Шпилевский С. М. Род и закон у славян и германцев от древности до средневековья. М.: Вече, 2021. С. 171.

правовой акт, комплексно регулировавший общественные отношения и сохранявший существенные черты казуистичности. Особенностью этих актов стало их утверждение на вече, то есть легитимация с помощью волеизъявления жителей города, обладавших политическими правами¹. Важное место в данных памятниках право занимали вопросы суда и процесса², что во многом и обусловило их название, показано направленность законодательного регулирования того времени.

В процессе создания единого централизованного государства вокруг Москвы идея принятия единого общерусского источника права получила политическое значение, ее реализация стала важным шагом на пути достижения государственного единства. Речь идет о Судебнике 1497 г., который в значительной мере стал прообразом кодифицированного акта. В его принятии проявились не только стремление власти объединить действовавшие правовые нормы в единый закон, но и сама тенденция к укреплению роли закона как основного источника права. Нормы Судебника не охватывали всех групп отношений, существовавших в обществе того времени, но его появление стало важным шагом в развитии отечественных законодательных традиций. Укрепилось понимание закона как воли высшей власти в государстве, обязательной для исполнения всеми жителями. Этому способствовала и строгая система наказаний, установленных Судебником. Таким образом, Судебник стал важным шагом в эволюции закона как источника отечественного права.

Принятие Судебника 1497 г. многими современными историками права рассматривается как фактическое свидетельство завершения процесса централизации³. Новое государство – централизованное московское княжество

¹ См.: Мартышин О. В. Вольный Новгород: Обществ.-полит. строй и право феодальных республик. М.: Рос. право, 1992. - 384 с.

² Пашенцев Д.А. Правовые традиции судебной деятельности в Псковской феодальной республике // Российская юстиция. 2022. № 9. С. 67.

³ См., напр.: Пашенцев Д.А. Судебник 1550 г. – памятник систематизации отечественного

– получило единый источник права, что, с одной стороны, воплощало уже имевшиеся законотворческие традиции, с другой стороны, выступило их логическим продолжением, став основой дальнейшего развития законотворчества. Тяготение формировавшейся правовой системы к единому законодательному акту отчетливо проявилось и определилось на последующий период. Сформировалась тенденция, сохранявшаяся практически до XIX века, до систематизации законодательства, предпринятой при участии М. М. Сперанского. На нее не смогла даже существенно повлиять активизация нормотворческой деятельности в период правления Петра Великого, который ввел в юридическую практику самые разные формы актов: регламенты, артикулы и т. д.

В 1550 г., через полвека государственного развития, был принят новый Судебник, призванный обобщить правовую практику предшествующих лет, заменить устаревшие нормы новыми, в большей степени соответствующими развитию общества. «Принятие Судебника связано с проведением первого земского собора, то есть с началом сословно-представительной монархии. С этого момента берет свое начало традиция утверждения главного источника права земским собором»¹.

Судебник 1550 г. имел значение и для развития законодательного процесса, так как с его появлением произошло «закрепление в тексте порядка принятия новых законоположений, начиная с права законодательной

средневекового права // Систематизация законодательства в фокусе историко-правовой науки. Сб. науч. трудов. М.: ИГиСП: Инфра-М, 2021. С. 27–32; Шатковская Т.В. Кодификация российского права в конце XV – середине XVII века как способ укрепления центральной власти московских государей // Систематизация законодательства в фокусе историко-правовой науки. Сб. науч. трудов. М.: ИГиСП: Инфра-М, 2021. С. 41-50.

¹ Пашенцев Д.А. Судебник 1550 г. – памятник систематизации отечественного средневекового права // Систематизация законодательства в фокусе историко-правовой науки (к 470-летию принятия Судебника 1550 г.): сборник научных трудов / под общ. ред. Д.А. Пашенцева. М.: ИНФРА-М, 2021. С. 29.

инициативы и заканчивая коллективным их одобрением»¹. Появление в законах указания на порядок их принятия стало важным шагом в развитии отечественной законодательной техники.

По мнению Т. В. Шатковской, «немногочисленные юридические нормы судебныхников впервые имели общегосударственное действие. Судебники были нацелены на «огораживание» пространства позитивного права, прежде всего в сфере судоустройства и судопроизводства»².

И первый, и второй Судебники стали важным элементом политики московских государей, направленной на централизацию, укрепление власти, формирование прочной государственности. Единый закон в такой ситуации воспринимался как эффективный инструмент, игравший позитивную роль в государственном развитии. Принятие таких законодательных актов, как судебники, объективно послужило укреплению правопорядка в московском государстве.

Уже на данном этапе проявилась еще одна важная особенность, определявшая содержательные характеристики российского законодательства. Она была связана с большой ролью православия как официальной религии. Церковь все больше сращивалась с государственным аппаратом, религиозные нормы и принципы существенно влияли на содержание принимавшихся законов. Прежде всего это относилось к законодательству, регулировавшему брачно-семейные отношения. Также исследователи отмечают наличие влияния церковных норм на развитие административного, уголовного, процессуального законодательства³. Церковные источники, пришедшие еще

¹ Там же. С. 31.

² Шатковская Т.В. Кодификация российского права в конце XV – середине XVI века как способ укрепления центральной власти московских государей // Систематизация законодательства в фокусе историко-правовой науки. Сб. науч. трудов. М.: ИЗиСП: Инфра-М, 2021. С. 41.

³ Дорская А.А. Взаимодействие уголовного и процессуального права Российской империи с церковным правом // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2005. Т. 5. № 11. С. 256-257.

из Византии¹, были фактически имплементированы в отечественное законодательство, применялись при решении широкого круга вопросов, связанных с компетенцией церковных властей и соответствующими сферами жизни².

Логичным продолжением линии на совершенствование единого законодательного акта стала подготовка и принятие в 1649 г. Соборного Уложения. Это был самый масштабный и подробный правовой акт доимперского периода, при подготовке которого активно использовались как предшествующие законодательные нормы, так и иностранные источники. В связи с этим авторитетный дореволюционный историк права М.Ф. Владимирский-Буданов писал, что «несмотря на такое множество заимствований из чужих источников, Уложение есть не компиляция иноземного права, а кодекс вполне национальный, переработавший чужой материал по духу старомосковского права, чем он совершенно отличается от переводных законов XVII в.»³.

Важное значение имело утверждение Уложения именно земским собором, то есть представителями различных слоев общества, которые выразили согласие на существование такого закона. Достижение согласия можно рассматривать как важную предпосылку возможного формирования отечественного парламентаризма, которая, однако, не была реализована. Земские соборы еще нельзя рассматривать как парламент, но они представляли интересы сословий, доносили их пожелания до высшей власти, способствовали легитимации принимаемого законодательства, которое преподносилось как результат общей воли представителей населения страны, отражение его интересов.

¹ См.: Эклога: Византийский законодательный свод VIII в. / Вступ. статья, пер., коммент. Е. Э. Липшиц. М.: Наука, 1965. - 226 с.

² Например, Кормчая книга была составлена на основе Номоканона. А нормы Эклоги применялись в церковном суде.

³ Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. Ростов н/Д: Изд-во «Феникс», 1995. С. 237.

Государство в период становления абсолютной монархии отказалось от органа сословного представительства, такого как земский собор, так как абсолютизм стремился к неограниченной власти монарха, и законотворческая деятельность пошла по иному, не представительному, пути развития. При этом остался опыт «соборного» принятия законов, который свидетельствовал о наличии элементов демократии в отечественной законотворческой традиции, об участии представителей разных сословий и слоев населения в принятии важных правовых актов. Но формирование новой традиции было связано с пониманием закона как воли главы государства, которая не могла быть оспорена и подвергнута сомнению, подлежала обязательному исполнению под страхом наказания. Понимание закона как результата общего согласия населения на принятие его представителями определенных правил поведения сменилась отчуждением народа от закона – орудия правящей верхушки, своего рода произвола властей.

Таким образом, в доимперский период была фактически сформирована правовая традиция, в соответствии с которой государство стремилось принимать единый, общий законодательный акт, который регулировал различные группы общественных отношений, выступал системообразующей основой для остальных источников права. Эта традиция способствовала централизации государства, усилению власти правителя, установлению в целом единого правопорядка на территории страны. Она отвечала совокупности исторических факторов развития государства, а также национальному правовому менталитету, тому «народному духу», о котором писали представители немецкой исторической школы права. Ее корни надо искать в тех исторических событиях, которые определили устойчивое стремление страны к централизации, а власти - к укреплению и поиску форм легитимации.

В то же время надо учитывать, что значительная часть общественных отношений, прежде всего семейно-бытовых и хозяйственных, связанных с землепользованием, продолжала регулироваться существовавшими у

крестьянского населения обычаями, а также религиозными нормами, устанавливаемыми Русской православной церковью. Фактически закон регулировал только часть общественных отношений, причем относительно небольшую. Таким образом, уже на этом этапе проявилась особенность, сохранившаяся и в период империи, – закон формально стал самым важным по значимости и юридической силе источником права, хотя регулировал ограниченный круг общественных отношений, имел достаточно узкий круг действия по субъектам и в пространстве.

В начале XVIII в., когда Россия стала империей, существовавшая правовая традиция «столкнулась с модернизационными попытками Петра I»¹. В условиях абсолютной монархии воля государя возводилась в высший закон, а правовая формы служила только средством надлежащего его оформления. Принятие закона стало уже не выражением консенсуса, как в случае с Соборным Уложением, а проявление воли государя, который мог себе позволить больше не опираться на мнение представителей ведущих сословий общества. Государь стал рассматриваться как источник власти, и в этом отношении его законодательные решения больше не требовали даже формального одобрения представителей сословий.

В рассматриваемый период можно наблюдать значительную активизацию процесса законотворчества, существенный рост количества принимавшихся правовых актов. В ситуации усложнения общественных отношений уже не могло быть речи о возможности регулировать общественные отношения лишь одним, пусть и объемным актом. Соборное Уложение формально продолжало действовать (оно считалось действующим более 200 лет), но все больше и больше не справлялось со своими задачами. Проводившиеся преобразования требовали принятия новых законодательных актов в самых различных сферах. Потребности управления определяли

¹ Пашенцев Д.А. Роль религии в формировании российской правовой традиции // Известия вузов. Правоведение. 2010. № 6. С. 172.

принятие все новых законодательных норм, часть из которых в силу своей суровости могла показаться весьма несправедливой в отношении большей части населения страны.

Количественный рост правового массива порождал потребность в систематизации законодательства, его упорядочения для удобства применения, для исключения уже не действовавших норм. В противном случае запутанность действовавших правовых актов при отсутствии их четкой иерархии могла парализовать процесс правоприменения, превратить его в произвол.

Попытки систематизировать нормы права предпринимались в течение XVIII века в той форме, которая логично вытекала из сформировавшейся к тому времени и обозначенной выше традиции. Они выражались в стремлении разработать и принять единый обобщающий акт, «новое Уложение». В этом можно усмотреть одну из причин бесплодности соответствующих усилий. В условиях абсолютной монархии, укрепления государства и его стремления урегулировать все стороны общественной и даже личной жизни, обобщить все необходимые законодательные нормы в одном, пусть даже и весьма обширном источнике, не представлялось возможным. Идея иметь единый, общий закон, регулировавший и государственную, и общественную жизнь, на данном этапе оказалась полностью несостоятельной и была отвергнута. Об этом свидетельствовало постоянное появление все новых нормативных правовых актов, которые принимались в различных формах и с разными названиями в условиях отсутствия соответствующей унификации.

В связи с этим в начале XIX века была проведена масштабная систематизация законодательства, к тому моменту превратившегося в огромный и не вполне упорядоченный массив, но уже в иной форме. Итогом деятельности Второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, а также лично выдающегося государственного деятеля М. М. Сперанского стало издание Полного собрания законов Российской империи и Свода законов Российской империи. «В результате

проведенной масштабной систематизации были созданы предпосылки для дальнейшего развития законодательства Российской империи, повышения его системности и эффективности действия»¹.

Еще одной тенденцией данного периода стали регулярные попытки заимствования зарубежного законодательства: немецкого, шведского и т.д. Они предпринимались не всегда продуманно и обоснованно, порой заимствование происходило механически, без учета особенностей заимствованных норм и институтов. В результате эффективность практической реализации новых норм была крайне низкой, они вступали в противоречие с правовыми обычаями и далеко не всегда применялись участниками общественных отношений.

В качестве примера можно привести вексельное законодательство. Вексельный устав 1729 г. был полностью заимствован из германского вексельного законодательства, принят на немецком языке без каких-либо существенных изменений. Его особенности не в полной мере отражали те реалии вексельного обращения, которые были характерны для Российской империи². В итоге имело место существенное расхождение между законом и повседневной юридической практикой, которая последняя разрешила не в пользу закона. Эта ситуация дополнительно свидетельствует о том, что при принятии закона необходимо соотносить его нормы с имеющимися правовыми традициями, правовыми реалиями, характерными для данного общества и отражающими этапы его исторической эволюции. Принятие закона без предварительного изучения совокупности факторов, которые могут повлиять на его применение, вызывает риск негативного воздействия на общественные отношения.

¹ Абдиева Д.А., Рогачев М.А. Систематизация законодательства: опыт Российской империи // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Юридические науки». 2021. № 2. С. 83.

² Пашенцев Д.А. Влияние рецепции на генезис правовой системы России // История государства и права. 2009. № 7. С. 43.

Важным фактором развития законодательства в Российской империи XIX века стало продолжавшееся расширение государственной территории. Этот процесс, начатый в период создания централизованного государства и объединения земель вокруг Москвы, в имперский период продолжился. Присоединение окраинных земель означало и вхождение в состав государства новых народов, имевших свои обычаи и правовые нормы. В связи с этим законодательство Российской империи неизбежно приобретало специфику в вопросах его действия в пространстве и по кругу лиц. Обострялся не только вопрос о соотношении закона и подзаконного акта, что было связано с абсолютизмом как формой правления, но и вопрос о соотношении закона и обычая. Многие народы, входившие в состав российской империи, имели свои правовые традиции, которые выражались и проявлялись в обычном праве, что влияло на роль закона и особенности его применения на соответствующих территориях.

По мнению ученых, «управлять территориями, населенными многочисленными народами, входившими в состав России в разное время, на основе унифицированной модели организации местного самоуправления, суда, земельных отношений было невозможно»¹. Можно констатировать, что многонациональный состав населения Российской империи при огромной ее территории оказал влияние на развитие системы источников права², надолго закрепив существование и высокую роль обычаев, определив специфику действия законов во времени и пространстве. Фактически такое действие было весьма ограниченным, с расширением территории государства формально территория действия его законов расширялась, но на практике ситуация была

¹ Киор В.Б. Государственная национальная политика в имперской России // Вестник РГГУ. Серия: Политология, история, международные отношения, зарубежное регионоведение, востоковедение. 2010. № 4. С. 205.

² Пашенцев Д.А. Исторический опыт правового регулирования межнациональных отношений в Российской империи // Вопросы истории. 2021. № 12-5. С. 229-236.

несколько более сложной, так как усиливалась конкуренция законов и обычаев.

Еще одной существенной чертой развития правовой системы Российской империи стало сохранение местного национального законодательства в ряде крупных окраинных регионов империи, прежде всего в Польше и Финляндии, которые обладали достаточно высокой степенью автономности¹.

После присоединения к Российской империи Великого княжества Финляндского на его территории были практически полностью сохранены действующие законы, как правило, имевшие в основе шведское происхождение. Фактически Финляндия в составе Российской империи получила достаточно широкую политическую автономию. С 1863 г. была возобновлена работа финского Сейма как представительного органа с правотворческими полномочиями, действовавшего на основе собственного Устава². Это логично вписывалось в ту политику, которую проводило правительство Российской империи по отношению к крупным присоединяемым территориям.

Сходная в главных принципах политика осуществлялась в отношении Царства Польского, также входившего в данный период в состав Российской империи и даже получившего в 1815 г. собственную конституцию (действовала до 1830 г. и была отменена после польского восстания). В результате такой политики Польша на некоторое время стала фактически единственным государством Европы, имевшим представительные органы, в состав которых входили представители почти всех сословий польского

¹ Кодан С.В. Местные узаконения в системе законодательства Российской империи (1800-1850-е годы) // Журнал российского права. 2003. № 9. С. 10–12.

² Звонарев А. В. К вопросу о создании Сеймового устава Великого княжества Финляндского 1869 года // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. 2013. № 2. С. 27-28.

общества¹. Таким образом, политику Российской империи в отношении Польши можно охарактеризовать как достаточно демократическую в плане предоставления правотворческих полномочий, что входило в определенный диссонанс с самодержавным характером власти в империи.

В итоге можно констатировать своеобразную модель структурирования правового пространства Российской империи, которое учитывало национальный фактор и наличие присоединяемых окраинных земель. Такая модель складывалась постепенно, ее формирование было во многом ситуативным, тем не менее она отражала существовавшие реалии.

Процесс юридизации общественных отношений в Российской империи складывался в специфических политических и экономических условиях. История российской государственности связана с постоянным стремлением к централизации, а также с расширением территории за счет присоединяемых земель. Эти процессы осложнялись постоянной внешней угрозой, что подразумевало мобилизационный характер власти, ее дальнейшее усиление и централизацию. Только сильная централизованная власть могла стать опорой для организации обороны от бесконечных набегов агрессивных соседей. Воля такой власти неизбежно принимала форму закона как акта высшей юридической силы, определяла стремление к созданию единого всеобъемлющего законодательного акта или свода таких актов.

Ситуация усугублялась суровыми климатическими условиями, осложнявшими ведение хозяйства, получение стабильно высоких урожаев. В итоге экономико-хозяйственный фактор неизбежно и прочно сливался с политическими и социальными факторами, определяя особое значение закона.

Таким образом, в Российской империи сложилась обладавшая качественным своеобразием ситуация с ролью закона и его местом в системе

¹ Сосенков Ф. С. Некоторые вопросы правового противодействия сепаратизму в Российской империи (Царство Польское и Великое Княжество Финляндское) // Вестник ВГАВТ. 2012. Вып. 32. С. 31–33.

источников права. Это было следствием достаточно длительной исторической эволюции закона от первого писаного источника права – Русской правды – к Своду законов Российской империи как результату масштабной систематизации правовых норм. Для этой ситуации была характерна такая особенность, как сочетание, с одной стороны, очень большого количества принимавшихся и действовавших законодательных актов, с другой стороны, регулирование этими актами только ограниченного круга общественных отношений, как правило, за рамками взаимодействия между крестьянами как большинством населения страны.

В качестве исторических предпосылок развития закона как источника права проведенное исследование позволяет выделить следующие:

1) большое значение воли главы государства, проявлявшееся в принятии единого правового акта от его имени;

2) стремление в силу процесса объединения земель и постоянной централизации государства иметь централизованное законодательство в виде единого для всей страны закона;

3) формирование многих законодательных норм под влиянием Русской православной церкви в силу официального характера религии, сращивания церкви с государством;

4) стремление к иностранным заимствованиям, причем не только отдельных правовых институтов, но и целых законодательных актов;

5) своеобразие действия законов в пространстве и по кругу лиц, особое взаимодействие законов и обычаев в правовом пространстве ввиду постоянного расширения территории и включения в правовую орбиту новых окраинных народов.

6) серьезное ограничение круга общественных отношений, регулировавшихся законодательством, несмотря на то что закон являлся самым важным источником права, обладавшим высшей юридической силой.

В целом можно констатировать наличие устойчивых исторических и иных предпосылок для того, чтобы закон в процессе своего развития

постепенно занял место господствующего по своей силе и значимости источника права в отечественной правовой системе. Усиление его роли происходило постепенно и сопровождалось попытками ее осмысления в российской юриспруденции. В итоге сформировались концепции, отличавшиеся своеобразием понимания сущности и природы закона. Благодаря усилиям теоретиков права советского и постсоветского периодов произошло становление целостной теории закона как части теории правотворчества. Применение ее положений в качестве методологической основы позволяет использовать современные воззрения для исследования роли и сущности закона в дореволюционной России.

ГЛАВА 2

ЗАКОН В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ: ОТ ТЕОРИИ К ПРАКТИКЕ

2.1. Юридическая доктрина Российской империи о сущности и видах закона

Взаимосвязь между развитием права и юридической доктриной актуализирует вопрос о том, какую роль сыграли воззрения передовых юристов прошлого в отношении эволюции понятия закона, а также его развития в качестве нормативного правового акта в рамках правовой системы, в какой мере они оказали воздействие на динамику законодательства Российской империи.

В период Российской империи вопрос о понятии закона и его видах был достаточно непростым, дискуссионным как для ученых, так и для практикующих юристов. В условиях отсутствия легального определения закона (фактически до 1906 г., то есть до принятия новой редакции Основных законов Российской империи, о чем говорилось выше) он активно дискутировался в отечественной доктрине. Сложилось несколько принципиальных позиций, которые стали доминировать в российской дореволюционной юридической науке.

В тот период ученые имели возможность доносить свои воззрения и позиции до правящих кругов, а правительство, принимая правотворческие решения, нередко учитывало позиции передовых представителей научной общественности. В этом контексте представляет интерес исследование тех воззрений на закон, которых придерживались видные представители правовой мысли Российской империи и которые они высказывали в своих учебных и научных работах. В них отразились не только доктрина, но и существовавшая юридическая практика, которая получала осмысление со стороны ученых и влияла на динамику их взглядов на закон. Кроме того, в это время проявились

те тенденции в эволюции научных воззрений на закон, которые сохраняют свое значение и в современном отечественном правоведении.

Основательное исследование вопросов понимания закона в отечественной правовой мысли было предпринято в докторской диссертации Е. Г. Лукьяновой¹. Вклад автора в науку в контексте разрабатываемой в настоящей работе проблематики состоит в следующем:

- раскрыто влияние философии Гегеля и немецкой исторической школы права на формирование учений о законе;
- проведено разграничение естественно-правовых и позитивистских учений о законе;
- выявлены особенности учений о законе Б.Н. Чичерина, Л.И. Петражицкого, Н.М. Коркунова, других крупных отечественных правоведов периода Российской империи.

В отличие от работы Е. Г. Лукьяновой, где основное внимание уделяется именно правовым учениям о законе, в настоящем исследовании они рассматриваются лишь в том аспекте, в котором помогают решить его основную задачу – выявить особенности закона как источника (формы) права в Российской империи. В связи с этим анализ соответствующих учений дается обзорно с акцентом на главные моменты, представляющие интерес для темы диссертации и способствующие решению поставленных в ней задач.

Не будет преувеличением констатировать, что развитие почти всех аспектов российской юриспруденции в девятнадцатом столетии прошло под знаком осмысления и реализации концептуальных проектов графа М. М. Сперанского, который уже упоминался в предшествующих параграфах. на все попытки его исследования богатое юридическое наследие², что, несмотря на

¹ Лукьянова Е. Г. Учения о законе в политико-правовой мысли России XIX – начала XX века: дис... докт. юрид. наук. М., 2018. 425 с.

² См.: Сперанский М. М. Избранное / сост. П. В. Крашенинников. М.: Статут, 2015. – 366 с.

все попытки его исследования, значительная часть многогранных идей не получила достаточную рефлексию в отечественной доктрине.

В трудах М. М. Сперанского, как отмечает Т.В. Шатковская, были проработаны такие вопросы, как «соотношение права и закона; закона, устава и учреждения; единства государственной власти и разграничения властных полномочий; самодержавия и самовластия, а также цель и строение российской конституции, иерархия законов, законодательная инициатива, политические права и свободы населения и др.»¹.

По мнению М. М. Сперанского, государственное правление должно быть основано на твердых законах, чтобы не зависеть от предрассудков, существовавших у народа, либо переменной воли единоличного правителя страны. В противном случае закон, вместо того чтобы в силу своей природы способствовать укреплению должного порядка в государстве, будет, напротив, препятствовать этому. В государстве, где текущее политическое положение определяется «характером государя, закон никогда не будет иметь силы, народ будет все то, чем власть предрасполагающая быть ему повелит»².

М.М. Сперанский выделял «коренные» законы, которые основаны не на воле правителя, а на пользе для народа. В их основе должны лежать нравственные нормы, законы должны вызывать доверие в народе, соответствовать его представлениям о том, как должно поступать. Для их создания требуются разум и просвещение.

Особенность М. М. Сперанского как государственного деятеля и правоведа состояла в том, что он успешно сочетал теорию с практикой, которые гармонично дополняли друг друга. Вследствие этого, по словам Т. В. Шатковской, «Сперанский вводит ряд новшеств в отечественное законотворчество, не одинаковых по своему значению, но в целом

¹ Шатковская Т.В. Техника кодификации М. М. Сперанского: реформа или компиляция? // Журнал российского права. 2022. Т. 26. № 5. С. 27.

² Сперанский М. М. Проекты и записки / под редакцией С.Н. Валка. М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1961. С. 56–57.

существенно изменивших понятие, технологию и форму кодификации. Так, совершенство гражданских законов он связывает с твердостью государственных установлений. Впервые определен порядок законотворчества, включающий составление, пояснение и дополнение законов, их издание и обнародование, вступление в силу и порядок отмены»¹.

Оценивая усилия М. М. Сперанского и их значение, Е. О. Чинарян пишет: «Впервые в русском праве идею о том, что законом следует считать акт, формальный порядок принятия которого установлен в «Образовании Государственного Совета», высказал М. М. Сперанский. Но вот какие по содержанию веления власти должны устанавливаться законодательным путем, а какие – в административном порядке, не указывалось»².

В первой четверти XIX века, помимо колоссальных усилий М. М. Сперанского, попытки разрабатывать основы теории закона предпринимали и некоторые иные отечественные правоведы.

В 1816 г. была опубликована работа Л. А. Цветаева «Начертание теории законов». Автор настаивал на том, что качество закона проявляется в его доброте, которая может быть как внутренней, так и внешней. Под внутренней добротой законов Л.А. Цветаев имел в виду выражение в них естественных прав человека и правил нравственности вместе с религиозными заповедями. Внешняя доброта законов «состоит в том, чтоб они были полны и написаны приличным, кратким и ясным штилем, расположены в пристойном и удобном порядке»³. Кроме того, необходима и определенная структура: «чтоб законы хорошо были разделены на параграфы и перечислены»⁴.

¹ Шатковская Т.В. Техника кодификации М.М. Сперанского: реформа или компиляция? // Журнал российского права. 2022. Т. 26. № 5. С. 27.

² Чинарян Е.А. Законодательная техника в Российской империи XIX века // Современное право. 2008. № 2-1. С. 127.

³ Цветаев Л.А. Начертание теории законов. М., 1816. С. 55.

⁴ Там же. С. 57.

«В 1819 г. в Москве издается книга П. Соколова «Систематическое руководство к познанию российского практического законовещения»¹. Этот факт можно рассматривать как еще одно свидетельство возраставшего интереса к законовещению в российском юридическом сообществе.

Исследование вопросов теории закона в доктрине Российской империи осложнялось тем фактом, что законодательная практика допускала принятие самых разных форм, в которые облакались законы, но четкой иерархии этих форм установлено не было. Сложность ее установления определялась тем, что формально все эти акты исходили от главы государства, обладавшего в условиях абсолютной монархии юридически неограниченной властью.

Профессор Г. В. Вернадский, который получил юридическое образование в Российской империи и продолжил научную деятельность уже после Октябрьской революции 1917 г. в эмиграции, писал, что в период империи различали следующие виды законодательных актов: 1) уставы, которые закрепляли более или менее постоянные нормы в жизни отдельного ведомства для какой-либо определенной области материального права; 2) регламенты, учреждения, образования; 3) указы, получившие наибольшее распространение, издававшиеся по случайному поводу, затрагивавшие узкую область жизни, хотя некоторые из них имели широкое и длительное значение².

Для последующего сравнительного анализа в настоящей работе принятых в юридической доктрине Российской империи трактовок закона как источника права были избраны работы известных дореволюционных правоведов: А. Д. Градовского, Н. С. Суворова, В. Н. Хвостова³. Их труды, написанные в дореволюционный период, выполнены в жанре учебных

¹ Чинарян Е.О. Законодательная техника в Российской империи XIX века // Современное право. 2008. № 2-1. С. 126.

² Вернадский Г.В. Очерк истории права Русского государства XVIII – XIX вв. (Период империи). М., 1998. С. 168.

³ См.: Рогачев М.А. Закон в российской дореволюционной правовой мысли (на примере работ А.Д. Градовского, Н.С. Суворова, В.Н. Хвостова) // Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. 2021. № 1. С. 99–104.

пособий, в которые, как правило, включают устоявшееся и проверенное знание. В связи с этим можно предположить, что названные авторы включили в свои книги только те понятия закона и его характеристики, которые считали адекватными и принятыми в широких кругах ученых Российской империи¹.

При этом отметим, что работы Н. С. Суворова и В. Н. Хвостова достаточно небольшие по объему, что предполагает концентрированное выражение в них представлений о законе как источнике права. А. Д. Градовскому же принадлежит обширный двухтомный труд, выполненный на монографическом уровне, с подробным исследованием важных вопросов, включая относящиеся к закону и его роли в государстве, взаимосвязи законодательства и государственного права.

Вениамин Михайлович Хвостов был заслуженным профессором Московского университета, специалистом по римскому праву и социологии.

Его работа «Общая теория права: Элементарный очерк»² выдержала в дореволюционной России несколько переизданий. Закону в этой книге посвящен отдельный параграф, из названия которого следует, что таковой рассматривается автором в его соотношении с обычаем. Отметим, что данный вопрос – соотношение закона с другими источниками права, прежде всего обычаями и указами – представлялся важным многим теоретикам права дореволюционной России, сохраняет он свое значение и сегодня, поэтому будет рассмотрен в отдельном параграфе.

Под законом В. М. Хвостов понимал «юридическую норму, которая получает обязательную силу по предписанию законодательных органов верховной власти и этими же органами облакается в определенную словесную редакцию, которая никем, кроме законодательных органов, изменяема быть не

¹ Рогачев М. А. Соотношение закона и подзаконного нормативного акта в Российской империи // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. 2019. № 4. С. 94–98.

² Хвостов В.М. Общая теория права. Элементарный очерк. 5-е изд. М.: ЛИБРОКОМ, 2011.

может»¹. Он отмечал, что указы как акты исполнительной власти не должны противоречить законам, а также раскрывал преимущества закона перед обычаем.

Ученый полагал, что закон устанавливает более определенный и ясный правопорядок, чем обычай, а также дает меньше возможностей для злоупотреблений со стороны суда. В то же время в силу своего общего и абстрактного характера закон в некоторых случаях может успешно дополняться обычаем, который представляется более гибким и потому удобным источником права. Стоит отметить, что не все современники согласились бы с такой позицией. Например, примерно в это время происходило формирование европейской социологической школы права, основоположник которой О. Эрлих полагал, что именно обычай, а не закон, играет важную роль в регулировании отношений между членами общества². Эрлих в своих исследованиях опирался на опыт крестьянства, которое предпочитало во взаимоотношениях в своей среде руководствоваться именно обычаями, а не законами.

Сопоставление закона с иными источниками права является эффективным методологическим приемом, который позволяет выявить и наглядно показать особенности данной формы выражения правовых норм путем ее сравнения с иными. В этом случае проявляется научный потенциал сравнения как эффективного метода исследования.

Рассуждая о формах и видах законов, В. М. Хвостов вслед за многими другими современниками констатирует, что четкой системы в этом вопросе в Российской империи нет, законы могут издаваться в самых различных формах и иметь разные названия. Эта проблема так или иначе затрагивалась всеми дореволюционными правоведами, так как вытекала из сложного, даже

¹ Хвостов В. М. Общая теория права. Элементарный очерк. 5-е изд. М.: ЛИБРОКОМ, 2011. С. 87.

² См.: Эрлих О. Основоположение социологии права / пер. с немец. СПб.: СПбГУ, 2011. 704 с.

запутанного характера системы источников права в Российской империи, где в юридической практике не сложилось минимального четко установленного перечня возможных формальных юридических актов.

В. М. Хвостов делил законы на основные (конституционные) и обыкновенные, а также на общие и особенные. В числе особенных он называл законы, которые относятся к отдельной местности, либо к одному сословию, либо устанавливают какие-либо привилегии¹. Соответственно, общие законы распространяют свое действие на всю территорию Российской империи и на широкий круг лиц.

Таким образом, в рассматриваемой работе В. М. Хвостовым представлена сжатая, достаточно лаконичная характеристика закона как источника права с общетеоретических позиций и применительно к Российской империи. Автор не впадает в пространные рассуждения о природе закона, что определяется жанром его работы, не предполагающим такого подхода. Изложенные ученым позиции были достаточно типичными для воззрений дореволюционных правоведов, особенно тех из них, которые стояли на позициях юридического позитивизма, широко распространенного в тот период.

Профессор Московского университета Николай Семенович Суворов являлся основоположником науки церковного права в России, а также исследовал историю философии права.

Интересующая нас в контексте понимания закона работа Н. С. Суворова называется «Лекции по энциклопедии права»². В ее рамках закону посвящено несколько параграфов, при этом автор от понятия закона переходит к его формам, действию в пространстве и во времени, а затем уже к соотношению с иными формами права. Закон понимается им как «юридическая норма,

¹ Хвостов В. М. Общая теория права. Элементарный очерк. 5-е изд. М.: ЛИБРОКОМ, 2011. С. 96.

² Суворов Н.С. Лекции по энциклопедии права. 2-е изд. М.: Ленард, 2016.

которая и по существу, и по словесной редакции устанавливается верховной властью в известном, так называемом законодательном порядке»¹. Такой порядок, отмечал ученый, в разных странах может различаться, но его главные черты и стадии примерно совпадают. Таким образом, в законе большего общего, чем особенного, если рассматривать его именно как источник права, не вдаваясь в содержательные аспекты.

Рассуждая о многочисленных формах, в которых принимаются законы в Российской империи (уложения, уставы, учреждения, грамоты, положения, манифесты и т. д.), Н. С. Суворов справедливо писал: «Нельзя сказать, чтобы смысл каждого из этих терминов был точно установлен...»². Действительно, такая ситуация, преодолеть которую долго не могли государственные власти Российской империи, существенным образом осложняла правоприменение и всю правовую систему страны, негативно влияла на укрепление законности и правопорядка.

Таким образом, в работе Н. С. Суворова более подробно, чем в труде В. М. Хвостова, рассматривается закон как источник права, анализируются его виды в Российской империи. Автор показывает действие закона во времени и в пространстве, что также было актуальным для того периода в связи со сложными пространственными характеристиками государства, с неопределенностью относительно соотношения норм, принятых в разное время, но имевших одинаковый предмет регулирования.

Александр Дмитриевич Градовский был профессором права Санкт-Петербургского университета. В отличие от В. М. Хвостова и Н. С. Суворова, он не дожил до начала XX века и не стал свидетелем создания Государственной Думы и нового порядка принятия законов, поэтому его воззрения на закон более характерны для отечественной юриспруденции второй половины XIX века. В то же время проблемы закона рассмотрены им

¹ Суворов Н.С. Лекции по энциклопедии права. 2-е изд. М.: Ленард, 2016. С. 61.

² Там же. С. 63.

более основательно по сравнению с ранее процитированными двумя учеными, раскрыты на примере анализа государственного устройства Российской империи, рассматриваемого через призму теоретических представлений.

Двухтомный труд А. Д. Градовского, в отличие от ранее рассмотренных работ, посвящен не теории права, а государственному праву. Вопрос о законах рассматривается в первом томе, который носит название «О государственном устройстве»¹. Уже во введении автор подчеркивает значение законов для российского государства, ссылаясь при этом на статью 47 Основных законов Российской империи, где говорится, что империя управляется на основе законов, учреждений и уставов, исходящих от самодержавной власти. Он делает вывод, что «воля верховной власти получает для граждан обязательную силу только с момента выражения ее в форме общего закона»².

В целом для работы А. Д. Градовского типичны постоянные отсылки к действовавшему законодательству Российской империи, что юридизирует его рассуждения, придает им необходимую достоверность. Как справедливо отмечает Е. Г. Лукьянова, «законоучение А.Д. Градовского характеризуется системностью и логичностью построений, подробным анализом законоведческих проблем, прогрессивностью отстаиваемых идей»³. С таким мнением вполне можно согласиться.

Закон А. Д. Градовский определяет как «общее правило, устанавливаемое верховной властью, определяющее ряд однородных отношений и служащее основанием для разрешения конкретных случаев в судебной и административной практике»⁴. Главное в законе, по мнению ученого, заключается в том, что он определяет права и обязанности граждан и

¹ Градовский А.Д. Начала русского государственного права: в 2 т. Т. 1 / под ред. и с предисл. В.А. Томсинова. М.: Зерцало, 2000.

² Там же. С. 3.

³ Лукьянова Е. Г. Учения о законе российских государствоведов второй половины XIX – начала XX века // Государство и право. 2017. № 3. С. 81.

⁴ Градовский А.Д. Указ. соч. С. 10.

государства, а также их взаимоотношения. Под эти вопросы закон подводит юридические основания. Таким образом, без закона невозможно существование государства современного типа.

Для того чтобы лучше показать особенности закона, А. Д. Градовский демонстрирует его отличия от судебного решения и административного распоряжения, делая это на конкретных примерах.

Таким образом, главными признаками закона А. Д. Градовский как специалист по государственному праву считал не формальные, а содержательные, характеризующие его сущность и назначение в государстве. Среди них он называл прежде всего юридическую силу закона, его «первенство над остальными видами постановлений и правил», так как только закон устанавливает «общие нормы для публичных и частных правоотношений»¹.

Анализируя внешние признаки юридической силы закона, ученый выделяет среди них те, которые, по его мнению, относятся к главным: «1) закон должен исходить от компетентной власти; 2) закон должен быть составлен, рассмотрен и утвержден установленным порядком; 3) он должен быть обнародован компетентной властью в определенной форме»².

Сопоставляя закон с обычаем, ученый писал, что издание Свода законов Российской империи «в принципе» отменило юридическую силу обычая. Но в условиях, когда большинство русского населения не знало и не могло знать законов, тем более что нередко последние составлялись по иностранным образцам, обычай продолжает применяться. Области его применения – торговые сделки, отношения среди «инородцев» и среди крестьян³. В следующих параграфах будет показано, что столь категоричная позиция А.Д. Градовского не всегда соотносилась с реальной правовой практикой

¹ Там же. С. 13.

² Там же. С. 13.

³ Там же. С. 16.

Российской империи и обычай продолжал играть важную в регулировании широкого круга отношений между крестьянами.

По мнению Е. Г. Лукьяновой, в учении А. Д. Градовского о законе проявились его либеральные воззрения: «Либеральные политико-правовые взгляды государствоведа отражены, во-первых, в признании наличия содержательных материальных аспектов закона, во-вторых, в их характеристике: по содержанию своему закон есть правило, определяющее взаимные права и обязанности граждан и государственной власти, т.е. он – мера свободы, принадлежащей каждому лицу в обществе, с одной стороны, и граница власти государства над всей массой граждан и каждым гражданином в отдельности – с другой»¹. Цитируемый автор большое значение придает пониманию А. Д. Градовским закона как основы прав гражданина, а также требований, которые может к нему предъявлять государство.

Е. Г. Лукьянова, которая основательно исследовала воззрения А.Д. Градовского на закон, полагает, что ключевые черты его учения – «это трактовка закона в материальном смысле, т. е. как акта, имеющего определенное содержание, а в более узком смысле – как акта законодательной власти (которую А.Д. Градовский называет верховной)»². Возможно, это было связано с ориентацией ученого именно на позиции и принципы государствоведения, а не на теорию права.

Основные положения учения А.Д. Градовского о законе могут быть выражены в следующих тезисах:

- закон есть общее правило для разрешения конкретных случаев в судебной и административной практике;
- закон издается верховной властью;

¹ Лукьянова Е. Г. Учения о законе российских государствоведов второй половины XIX – начала XX века // Государство и право. 2017. № 3. С. 81.

² Лукьянова Е. Г. Учения о законе российских государствоведов второй половины XIX – начала XX в. // Государство и право. 2017. № 3. С. 81.

- закон есть правовая форма;
- закон определяет права и обязанности;
- закон лежит в основании отношений граждан между собой и их отношений с государством¹.

И. А. Ивановский, который в дореволюционный период изучал творческое наследие А. Д. Градовского, отмечал, что никто из российских правоведов того времени не ставил основы законности и верховенства закона в системе правовых актов государства так принципиально, как этот ученый².

На учение А.Д. Градовского большое влияние, по мнению Е.Г. Лукьяновой, оказали естественно-правовые идеи. Приоритет личности и ее прав определил отрицание им обратной силы закона. «Идеологические корни его доктрины – естественное право. Это выразилось в безусловном требовании законности и в идее ограничения государственной власти. Его построения, учитывая общую неразвитость государственно-правовой науки в России в этот период, отличаются научной глубиной и идейной прогрессивностью»³.

Таким образом, в главных чертах воззрения на закон у всех трех рассмотренных авторов примерно совпадают, поэтому их можно оценивать как достаточно точное отражение господствовавших в юридической науке Российской империи конца XIX - начала XX века представлений. Ученые связывали понимание и отличие закона прежде всего с его изданием именно законодательными органами власти, следовательно, отечественная юриспруденция была знакома с идеей разделения властей и трактовала ее как вполне устоявшуюся. В этом вопросе юридическая практика Российской империи не совпадала с теорией.

¹ См.: Градовский А. Д. Начала русского государственного права. В 2-х т. Т. 1. О государственном устройстве. М., 2000.

² Ивановский И. А. А. Д. Градовский как ученый. СПб., 1900. С. 10.

³ Лукьянова Е. Г. Учения о законе российских государствоведов второй половины XIX – начала XX в. // Государство и право. 2017. № 3. С. 83.

Также эти авторы подчеркивали высшую юридическую силу закона по отношению к иным формам права, в частности указу (акту исполнительной власти) и обычаю. В концепции А. Д. Градовского именно этот признак закона рассматривался как основной, что в какой-то мере можно объяснить более ранним по отношению к двум другим авторам периодом его творчества.

Ученые в той или иной мере апеллировали к Своду законов Российской империи как основному юридическому акту, который играл определяющую роль в установлении формально-юридических аспектов отечественной системы права в дореволюционный период.

Большое внимание исследованию закона, в том числе в его соотношении с указом как источником права уделял Н. М. Коркунов – один из выдающихся правоведов своего времени.

Понимание Н. М. Коркуновым закона во многом определялось его общим пониманием права и государства, отношением к перспективам их развития. Как практик он проявлял свои воззрения во время работы в Высочайше учрежденной Комиссии для приготовления проекта кодификации основных законов Финляндии.

Н. М. Коркунов по своим взглядам был одним из представителей социологического позитивизма, что предполагало понимание и объяснение закона в контексте развития общественных отношений. Ученый «никогда прямо не высказывался против самодержавия, но стремился применить к нему идею правового государства, считая необходимым введение в России конституции. Идеальной формой правления он рассматривал вариант просвещенного монархизма, при котором вся полнота верховной власти сосредоточивается безраздельно в руках монарха, но он осуществляет ее правомерно»¹.

¹ Шверов И. А. Н. М. Коркунов в российской истории права // Инновационная траектория развития современной науки: становление, развитие, прогнозы. Сборник статей VI Международной научно-практической конференции. Петрозаводск, 2021. С. 215.

По мнению В. Д. Зорькина, Н. М. Коркунов «предпринял попытку, правда, весьма робкую и половинчатую, отойти от ортодоксальных положений формально-догматической юриспруденции и формалистического понятия права»¹. Это неизбежно должно было сказаться на представлениях ученого о законе. Он действительно высказывался в пользу обособления закона от иных источников права, сделав шаг от юридического позитивизма к социологическому правопониманию. О социологическом характере учения Н. М. Коркунова и пишет и исследователь его творчества Н. Э. Пегова².

Понятие закона рассматривалось Н. М. Коркуновым как в широком, так и в узком смыслах. В широком смысле ученый понимал закон как «всякую устанавливаемую органами государственной власти юридическую норму»³. Закон в узком смысле – это определенный вид нормативных правовых актов. Более подробно взгляды Коркунова на закон в его соотношении с подзаконными актами будут рассмотрены в специальном параграфе в силу значимости его исследования для соответствующей проблематики.

Еще один правовед, чьи воззрения представляют интерес в контексте рассматриваемой проблематики закона, – Павел Владимирович Виноградов – профессор Московского университета, а также профессор кафедры сравнительного правоведения Оксфордского университета. Его работа «Очерки по теории права» была опубликована в 1915 г. и переиздана в наши дни. Она достаточно четко характеризует как теоретико-правовые воззрения ученого, так и отраженные в них юридические реалии периода Российской империи в сравнении с аналогичными институтами Великобритании.

Один из разделов указанной работы называется «Законодательство»⁴. Законы рассматриваются здесь в контексте источников права как форм

¹ Зорькин В.Д. Теория права Н. М. Коркунова // Правоведение. 1978. № 3. С. 80.

² См., напр.: Пегова Н.Э. Критика Н.М. Коркуновым классических типов правопонимания в контексте социологического подхода к праву // Юристъ-Правоведъ. 2015. № 1.

³ Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. СПб., 2003. С. 362.

⁴ См.: Виноградов П.Г. Очерки по теории права. 2-е изд. М.: Ленард, 2015.

выражения юридических норм. Ученый с самого начала проводит различие между законодательством и тем правом, которое вырабатывается судами. Он подчеркивает тесную взаимосвязь законов, законодательной власти и ее деятельности, много внимания уделяет вопросам толкования законов, в том числе историческому, а также судебному (в последнем случае сказалось его длительное пребывание в Великобритании и хорошее знакомство с английской правовой системой).

Рассмотренные труды свидетельствуют о том, что вопросы, связанные с законом, были в числе центральных для многих юристов Российской империи, а сам закон, независимо от особенностей и деталей его понимания учеными, играл важную роль в государстве и правовой сфере общества.

В целом динамика представлений о законе в российской юриспруденции начала XX века соответствовала мировым тенденциям развития теории права и во многом определялась созданием в указанный период Государственной Думы и включением в новую редакцию Основных законов Российской империи 1906 г. четкого порядка принятия законов при участии законодательной власти. Отечественная правовая мысль эволюционировала в сторону западного конституционно-правового понимания закона, его роли, порядка принятия и соотношения с иными формами права. В то же время утверждению такого понимания препятствовала сущность отечественных правовых традиций, официальная позиция правящих кругов, а также существование абсолютной монархии как формы правления.

Еще один ученый, который придерживался в рассматриваемый период достаточно оригинальных взглядов на закон, – это уже упоминавшийся в первом параграфе Константин Петрович Победоносцев, представитель консервативного направления в российской общественно-политической мысли, научное наследие которого еще ждет объективной оценки с позиций современных политических и юридических реалий.

Значение взглядов К.П. Победоносцева на закон определяется тем, что он являлся, с одной стороны, известным государственным деятелем, обер-

прокурором Святейшего Правительствующего Синода, символом ультраконсервативной линии в государственном управлении, с другой стороны, профессором права Московского университета, автором объемного и содержательного учебника по курсу гражданского права. Такое сочетание теоретических знаний и практического опыта позволяло Победоносцеву комплексно и объективно судить о законе как источнике права, оценивать все позитивные и негативные аспекты изменения порядка его принятия.

Свои воззрения на закон как источник права К. П. Победоносцев выразил в небольшой, но содержательной работе с характерным названием «Закон», которая вошла в его знаменитый «Московский сборник» 1901 года¹. Размышления ученого о законе были во многом навеяны менявшейся политической ситуацией, надвигавшейся революцией 1905–1907 гг. В стране все чаще велись разговоры о парламентаризме, необходимости создания представительного органа и наделения его законодательными полномочиями. Изучался и пропагандировался опыт законодательной деятельности зарубежных, в основном европейских, парламентов. В связи с этим были актуализированы вопросы о роли закона и порядке его принятия, а также взаимоотношениях с иными формами права.

Особенности взглядов К. П. Победоносцева на закон определялись его негативным отношением к самой идее парламентаризма, которую он неоднократно критиковал, считая полностью деструктивной применительно к российской действительности.

По мнению Победоносцева, практическое применение этой идеи показывает серьезные отличия между ее принципами и их воплощением в действительности. Сама она является ложной, для Российской империи не подходит, в том числе из-за особых государственно-правовых традиций, своеобразного отношения власти и населения к праву. При этом при

¹ Победоносцев К. П. Закон // Победоносцев К. П. Юридические произведения / под ред. В. А. Томсинова. М.: Зерцало, 2021.

совершенствовании порядка принятия законов необходимо учитывать их сущность и природу.

Закон для Победоносцева – не только юридически оформленное правило поведения, это еще и нравственная заповедь, которая будит совесть в человеке. Кары со стороны государства еще иногда можно избежать, но кара собственной совести всегда остается с нарушителем закона. По мнению К. П. Победоносцева, «об этом высоком и глубоком значении закона совсем забывает новое учение и новая политика законодательства. На виду поставлено одно лишь значение закона как правила для внешней деятельности, как механического уравнивателя всех разнообразных отправлений человеческой деятельности в юридическом отношении. Все внимание обращено на анализ и на технику в созидании законных правил»¹. Но рост количества законов ослабляет их нравственное значение.

К. П. Победоносцев беспощадно критикует неумолимый процесс роста количества законов, что превращает правовую систему в хаос. Страдают от такого законодательного хаоса в первую очередь простые люди, которым «становится уже невозможно ни знать закон, ни просить о защите своего права, ни обороняться от нападения и обвинения...»².

В огромной массе законов, по его мнению, невозможно разобраться, ее нельзя привести в порядок. Она вступает в противоречие с правом, которое продолжает корениться в обычаях. Более того, «законы становятся сетью не только для гражданина, но, что всего важнее, для самих властей, призванных к применению закона...»³.

Формулируя свои требования к закону, Победоносцев среди них выделяет следующие:

¹ Победоносцев К. П. Закон // Победоносцев К. П. Юридические произведения / под ред. В. А. Томсинова. М.: Зерцало, 2021. С. 412.

² Там же. С. 413.

³ Там же. С. 414.

- закон должен отвечать «народной потребности» в той области, в которой он действует;

- закон должен соответствовать «экономии быта»;

- закон должен соответствовать «правде души народной».

Однако он уточняет, что достичь таких условий невозможно при существующем парламентском способе принятия законов, которые становятся «орудием партий». Принятие законов совершается не в результате разумной их оценки, а лишь результатами голосования. В условиях парламентаризма, полагает Победоносцев, законы не согласованы между собой и с общей системой законодательства, а также не соответствуют характеру государственного строя. В итоге «закон мало-помалу теряет значение нормы, руководствующей и направляющей действие воли и распоряжение властей...»¹.

Таким образом, для воззрений К. П. Победоносцева как одного из лучших правоведов своего времени было характерно отрицание необходимости количественного роста законов, а также негативное отношение к парламентскому порядку принятия законодательных актов. Главным в законе он полагал его нравственное содержание, а также его соотнесение с существовавшими в народе правовыми обычаями. Только при этих условиях закон может выполнять свое предназначение в обществе, оказывать позитивное, а не деструктивное воздействие на общественные отношения и вызывать уважительное отношение к себе со стороны населения. Отметим, что в отдельных аспектах мысли Победоносцева созвучны позициям представителей немецкой исторической школы права, прежде всего в вопросе о соотношении закона и «народного духа».

Еще один дореволюционный теоретик права Е.Н. Трубецкой понимал под законом «норму, установленную высшим в пределах каждой данной

¹ Победоносцев К. П. Закон // Победоносцев К. П. Юридические произведения / под ред. В. А. Томсинова. М.: Зерцало, 2021. С. 416.

правовой организации правовым авторитетом»¹. Он характеризовал закон в качестве такой правовой нормы, которая может быть отменена только авторитетом издавшей ее власти, то есть фактически придавал наибольшее значение высшей юридической силе закона.

Но в условиях самодержавной монархии, характерной для Российской империи вплоть до начала XX века, было сложно провести четкую грань между законом и подзаконным нормативным актом, так как вся власть, и законодательная, и исполнительная, была сосредоточена в руках монарха, что типично для абсолютизма. В связи с этим юридическая сила всех актов, утверждаемых монархом, была фактически одинакова.

В данной мысли Е. Н. Трубецкой был не вполне оригинален, сходным образом рассуждали многие дореволюционные правоведы, и такие взгляды действительно имели под собой реальную основу, выраженную в особенностях государственного строя Российской империи с присущей ему самодержавной властью и отсутствием знакомого по западным странам разделения властей.

Стоит отметить, что вопрос о сущности закона как источника права рассматривали в период Российской империи не только маститые ученые и профессора, но и ученые молодые, формировавшие собственную позицию по связанному с этой проблематикой спектру вопросов. В связи с этим представляет интерес современное исследование в виде статьи Е. А. Апольского, который предпринял попытку проанализировать положения о законе в диссертационных исследованиях в университетах Российской империи². Для анализа были использованы три магистерских и две докторских диссертации.

¹ Трубецкой Е.Н. Энциклопедия права. СПб.: Лань, 1998. С. 113.

² Апольский Е.А. История учений о законе в государственно-правовых исследованиях Российской империи // Вестник Северо-Кавказского гуманитарно-технического института. 2016. № 2. С. 71-76.

Как можно было предполагать, в магистерских диссертациях исследователь не нашел выраженных глубоких выводов о понимании природы закона как источника права. В одной из магистерских диссертаций (М. Ф. Соловьев, 1840) констатировалось, что закон составляет сущность деятельности верховной власти, в силу чего именно законодательная власть является главной по сравнению с остальными ветвями власти¹.

Представляет также интерес проанализированная в статье докторская диссертация В. Н. Латкина – известного историка права периода Российской империи, посвященная истории создания и функционирования законодательных комиссий, созданных в России в начале XVIII в. с целью систематизации законодательства². Исследовав историю деятельности законодательных комиссий, В. Н. Латкин подчеркнул сословный характер законов в Российской империи XVIII века. При этом сущность закона как источника права осталась не исследованной.

Таким образом, в период Российской империи проблематика, связанная с пониманием закона и его места в системе источников права, была востребована отечественными учеными-правоведами, ее не обошли стороной и те из них, кто успешно сочетал научные изыскания с государственно-правовой практикой. Это доказывает важность самой постановки вопроса, а также сложность его разрешения в тех условиях. Единой концепции понимания природы и сущности закона в итоге в тот период выработано не было. Представляется возможным обозначить две главных причины этого.

Прежде всего вопрос о законе и его роли в тот период в значительной мере был не только правовым, но и политическим. Его часто связывали с идеей разделения властей, наличием в государстве особой законодательной власти. В условиях российского самодержавия идея разделения властей хотя

¹ Там же. С. 73.

² Латкин В.Н. Законодательные комиссии в России в XVIII столетии. Историко-юридическое исследование. Т. I. СПб., 1887.

иногда и встречалась в конституционных проектах, но не находила официальной поддержки, что заставляло ученых высказываться о данной стороне закона достаточно осторожно.

Помимо этого, для юридической доктрины периода Российской империи, которая находилась на достаточно высокой ступени развития, был характерен плюрализм правопонимания. Российские правоведы отстаивали его самые разные направления и типы, что сказывалось и на их различном отношении к закону как источнику права. Такое разнообразие мнений можно оценить позитивно с позиций развития юриспруденции, но применительно к пониманию закона его можно расценивать как сдерживающий фактор.

Реализуя мероприятия по совершенствованию законодательства, а также его систематизации, правящие круги в той или иной мере учитывали позицию ученых-правоведов, тем более ряд из них работали в органах власти, были депутатами Государственной Думы. Таким образом, закон в Российской империи развивался во взаимосвязи теории и практики. Однако эта взаимосвязь не могла обеспечить эффективного решения инстиутализации закона, формирования его единообразного легального понимания и трактовки. Это связано с противоречием между природой закона как акта представительной власти, призванного отражать интересы широких масс населения страны, и самодержавным характером российской государственности, формировавшимся исторически. Преодоление такого противоречия силами только научного сообщества было невозможно, оно требовало существенного изменения модели организации высшей власти в государстве, что в итоге и произошло в 1905–1906 годах.

2.2. Роль законов в формировании системы права Российской империи

В условиях романо-германской правовой семьи, к которой была очень близка правовая система Российской империи, законы играли системообразующую роль, формируя контуры системы права. Фактически именно основополагающие законы способствовали образованию главных отраслей законодательства и права проявлению характерного для права системного характера. Сказанное важно в контексте понимания ключевой роли отрасли права в структурировании его системы, и роли закона в формировании отрасли законодательства.

Научные представления о системе права, распространенные в отечественном правоведении сегодня, берут свои истоки в научных дискуссиях о ней конца 1930-х годов. В 1939 г. в докладе А. Я. Вышинского прозвучало понятие отрасли права, был назван и перечень отраслей советского права. С этого момента получило распространение представление об отрасли как важном элементе системы права, а также одном из ее признаков¹. Таким образом, в отечественном правоведении стало общепризнанным, что складывание системы права связано прежде всего с формированием основных отраслей. В свою очередь, в силу специфики российских правовых традиций образование отраслей происходило на основе законов, путем принятия тех из них, которые можно было рассматривать как системообразующие и ключевые для той или иной конкретной отрасли права. Поэтому представляется необходимым уточнить, какое влияние оказывали законы на становление отраслей права в Российской империи, выявив на этой основе вклад законодательства в становление системы права.

¹ Система права: история, современность, перспективы / под ред. Т.Н. Радько. М.: Проспект, 2018. С. 27.

Стоит учитывать и представления о системе права и системе законодательства, распространенные в научной мысли Российской империи, так как воззрения ученых того периода было близко по времени к существовавшей правовой реальности, более точно отражали правовую теорию и практику на исследуемом этапе развития.

Не следует игнорировать и современные разработки в сфере теории права, в которых учитываются происходящие сегодня процессы, рассматривается эволюция системы права с позиций как классической, так и постклассической юридической науки. В частности, представляют интерес дискуссионные вопросы, связанные с обсуждением и выявлением места новых отраслей в системе права, а также с комплексными отраслями. В диссертации используются наработки в сфере критериев выделения новых отраслей права и нетипичных образований в системе права таких ученых, как Д. А. Абдиева, А. А. Головина, Т. Н. Радько, Т. Я. Хабриева, М. В. Залоило, Р. Л. Хачатуров и другие¹.

Сопоставление с зарубежным опытом показывает, что формирование гражданского и уголовного права как полноценных отраслей права во Франции произошло в результате принятия соответствующих кодексов Наполеона в 1804 и 1810 гг. В данном случае законодательство способствовало структурированию и оформлению отраслей права. Гражданский кодекс Наполеона, разработанный передовыми французскими

¹ См., напр.: Хабриева Т.Я. Циклические нормативные массивы в праве // Журнал российского права. 2019. № 12. С. 5-12; Головина А.А. Проблема критериев отраслеобразования в системе современного российского права и некоторые пути ее решения // Право и государство: теория и практика. 2011. № 8. С. 29 – 33; Радько Т.Н. Некоторые проблемы системы права и ее отраслей // Конституция Российской Федерации и современный правопорядок. В 5 частях. М., 2019. Ч. 1. С. 10-15 и др.

юристами своего времени, до сих пор считается образцом составления кодифицированных актов¹.

В качестве примера из отечественной законотворческой практики можно привести вексельное законодательство. До принятия соответствующего закона – Устава о векселях 1729 г. – вексельное право в Российской империи отсутствовало. Таким образом, именно принятие закона сыграло важнейшую роль в становлении вексельного права, закрепив в одном акте его основные нормы. Оборот векселей, до это осуществляемый фактически вне правового поля, получил прочные законодательные основы, пусть и заимствованные в немецком праве.

Пониманию роли законов в становлении отраслей права в Российской империи способствуют современные представления об отрасли права и отрасли законодательства, а также их соотношении, имеющие важное методологическое значение для историко-правового исследования. В данном случае играет свою позитивную роль соединение теории и истории права в рамках единой научной специальности, что позволяет активно использовать теоретико-правовые концепции современных ученых в проведении историко-правового исследования.

А. А. Головина справедливо отмечает: «Как правило, в каждой отрасли российского законодательства есть системообразующее ядро – кодекс или крупный отраслеобразующий федеральный закон»². Как видим, в данном случае речь идет именно о системе законодательства. Возникает вопрос, насколько правомерно употреблять подобный подход по отношению к системе права. Ответ на него не лежит на поверхности и требует определенного научного анализа.

¹ Французский гражданский кодекс 1804 года: Французский гражданский кодекс: с позднейшими изменениями до 1939 г. / Всесоюзный ин-т юридических наук НКЮ СССР; пер. И. С. Перетерского. М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1941. – 470 с.

² Головина А. А. Актуальные тенденции развития системы российского законодательства // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 4. С. 104.

В советский период развития отечественной юридической науки, как отмечалось выше, состоялось три основательных дискуссии о системе права. В ходе них были выделены основные и иные отрасли советского права, предложены критерии разграничения отраслей, такие как предмет и метод¹.

Большой вклад в разработку теории системы права внес С. Н. Братусь, утверждавший, что для понимания права и рассмотрения его системного характера необходимо учитывать формальные признаки и саму форму права. При дифференциации отраслей, по мнению С. Н. Братуся, следует не только учитывать предмет и метод как общепринятые критерии, но и обращать внимание на цель правового регулирования, принципы права, особенности понятийного аппарата².

Принимая позицию С.Н. Братуся, можно констатировать, что роль закона в формировании системы права может быть понята через диалектику формы и содержания. Форма закона связана с определенными принципами выражения его содержательной части, что, в свою очередь, может получить принципиальное значение для понимания и трактовки процессов формирования и структурирования системы права.

В современных условиях вопрос о системе права, а также критериях выделения отдельных отраслей и их признаках вновь приобрел былую остроту. Во многом это связано с такими процессами, объективно обусловленными развитием общественных отношений, как существенное возрастание действующих правовых норм, а также дифференциация правового регулирования. Возникают все новые и новые сферы общественных отношений, требующие правового регулирования, в силу этого возникают и новые институты права, а вслед за ними – новые отрасли. В этом проявляется подмеченная еще М. С. Строговичем закономерность, состоящая в том, что

¹ Макеева Е. М. Обзор дискуссий о системе права Российской Федерации // Вестник Московского университета. Серия 11, Право. 2006. № 1. С. 93–101.

² Братусь С.Н. О предмете советского гражданского права // Советское государство и права. 1940. № 1. С. 37-38.

критерий формирования отраслей права задан самими общественными отношениями, их сущностью на определенном этапе и особенностями развития¹.

Общественные отношения закономерно приводят к дифференциации права, которая наряду с интеграцией выступает одной из закономерностей правового развития и проявляется в многоуровневом процессе формирования новых структурных образований в праве, увеличении их количества, за счет чего достигается необходимое разнообразие правового регулирования².

Ученые «находят» все новые и новые отрасли права, приводят соответствующие обоснования, в результате представление о системе права расширяется почти до бесконечности. Т. Н. Радько и А. А. Головина в связи с этим констатируют: «К сожалению, четких границ и критериев различия между ветвями права и правовыми образованиями сформулировать не удалось»³.

Дифференциация правовой материи, необходимость которой вытекает из осложнения общественных отношений и совершенствования их регулирования, во многом обеспечивается за счет законов, количество которых постепенно возрастает. В период формирования системы права появление новых законов играет еще и системообразующую роль, что отчетливо прослеживается в Российской империи, особенно на пореформенном этапе ее развития. При этом становление системы права и системы законодательства шло параллельно, фактически как единый или по крайней мере взаимосвязанный процесс.

¹ Строгович М.С. Принципы системы советского социалистического права // Советское государство и право. 1946. № 2. С. 82.

² Система права: история, современность, перспективы / под ред. Т.Н. Радько. М.: Проспект, 2018. С. 157.

³ Радько Т.Н., Головина А.А. Современная системно-правовая теория: новый этап развития или методологический кризис? // Государство и право. 2017. № 2. С. 39.

В Российской империи система законодательства в главных своих чертах была сформирована в ходе уже упоминавшейся выше масштабной систематизации, реализованной в 1830 – 1833 гг. при непосредственном участии М. М. Сперанского. Свод законов в 15 томах, вступивший в силу с 1 января 1835 г., представил все действовавшее на тот момент законодательство, расположив его по предметному принципу. Это дало возможность, во-первых, обозначить круг действующих законодательных норм, во-вторых, наметить основные подходы к пониманию и выделению отраслей законодательства с учетом расположения законов в определенных томах. Таким образом, «Свод законов Российской империи официально закрепил систему общеимперского законодательства»¹. Можно предположить, что речь идет даже не о закреплении, а о создании этой системы, формировании с помощью законов и систематизации ее контуров.

По мнению С. В. Кодана, можно выделить «три этапа формирования системы законодательства в России: 1) установление общих направлений правового регулирования и зарождение системы законодательства (IX – середина XVII в.); 2) определение сфер и территориальных уровней правового регулирования, поиск путей развития системы законодательства (середина XVII – первая четверть XIX в.); 3) становление системы законодательства (первая четверть XIX – начало XX в.)»². Как видим, ученый пишет о становлении системы законодательства, связывая начало этого процесса с первой четвертью XIX века, то есть именно с систематизацией М. М. Сперанского.

Но систематизация, успешно способствовавшая формированию системы законодательства Российской империи, не привела к полноценному оформлению системы права, хотя и в немалой степени способствовала ей.

¹ Кодан С.В. Формирование и развитие системы законодательства в России: основные этапы (IX – начало XX века) // Российский юридический журнал. 2021. № 1. С. 176.

² Там же. С. 171.

По мнению А. А. Дорской, с 30-х гг. XIX века и вплоть до начала XX века продолжался четвертый этап развития системы права России. В качестве аргумента цитируемый автор приводит то обстоятельство, что после принятия Свода законов право более четко стало подразделяться на отрасли. «Оформлялось государственное, административное, гражданское, уголовное, финансовое, уголовно-процессуальное и гражданско-процессуальное право»¹.

По мнению Д. А. Пашенцева, говорить о формировании системы права в Российской империи можно только применительно ко второй половине XIX века. Отмена крепостного права в 1861 г. наряду с иными «великими» реформами Александра II создали предпосылки и потребность коренного обновления законодательства. Об этом свидетельствует постоянное «переиздание практически всех томов Свода законов Российской империи. Принятое в 1864 г. новое процессуальное законодательство было выделено в отдельный 16-й том Свода законов, в 1885 г. принята новая редакция Уложения о наказаниях уголовных и исправительных, а в 1903 г. – Уголовное уложение. Был подготовлен, опубликован и широко обсуждался проект Гражданского уложения. Все это позволяет говорить о формировании и выделении в рассматриваемый период таких базовых отраслей права, как уголовное, гражданское, уголовно-процессуальное (Устав уголовного судопроизводства 1864 г.), гражданско-процессуальное (Устав гражданского судопроизводства 1864 г.)»².

Стоит отметить, что столь крупные сферы, как уголовное право и уголовный процесс, регулировались законами в форме уложений и уставов³.

¹ Дорская А.А. Развитие системы права в России: проблемы периодизации (продолжение) // Вестник МГПУ. Серия «Юридические науки». 2011. № 2. С. 52.

² См.: Пашенцев Д.А. Правовые традиции России в условиях глобализации. Монография. М., 2016. С. 26.

³ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года / Издано проф. Императорского училища правоведения... Н. С. Таганцевым. 5-е изд., доп. СПб.: тип. М. Стасюлевича, 1886; Новое уголовное уложение, выс. утв. 22 марта 1903 г.: С прил. предм. алф. указ. Неофициальное издание. Санкт-Петербург: кн. маг. В. П. Анисимова, 1903.

Такие формы не были легально закреплены в качестве обязательных, но их использование стало уже традиционным.

Наиболее крупный элемент системы права – отрасль, поэтому формирование системы права, как было показано выше, неразрывно связано со становлением базовых отраслей. Д.А. Пашенцев пишет о том, что вторая половина XIX века была временем формирования финансового права, причем именно как самостоятельной и новой отрасли права¹. Действительно, до этого времени в России не существовало полноценного финансового права, деятельность достаточно немногочисленных финансовых учреждений регулировалась отдельными разрозненными актами, большинство из которых предназначалось для одного конкретного учреждения, реже – вида учреждений. Говорить о системе в данном случае не приходилось.

Становление финансового права как самостоятельной отрасли было неразрывно связано с динамикой отношений в экономической сфере. Переход к новому технологическому укладу привел к сдвигам в экономике, развитию производительных сил. Возникла выраженная потребность в банковском кредите, доступном для предпринимательства, а также широких слоев населения. Итогом стали инициативы государства по формированию кредитно-банковской системы. Для этого использовались законодательные механизмы, те возможности, которые предоставлялись законодательством как эффективным инструментом регулирования общественных отношений. Одновременно проводившиеся государственные реформы потребовали упорядочения бюджетного законодательства, создания более эффективной системы финансового контроля². Нуждалась в развитии и налоговая система. Во всех этих случаях оказалось удобно использовать именно закон в тех его формах, которые получили распространение в Российской империи.

¹ См.: Пашенцев Д.А. Финансово-правовая традиция России. М.: Кнорус, 2017.

² См.: Правила о составлении, рассмотрении, утверждении и исполнении государственной росписи и финансовых смет министерств и главных управлений // ПСЗ РИ. Собр. 2. Т. 37, № 38309.

Формирование отрасли финансового права происходило на основе принимавшихся законодательных актов, которые существовали в разных формах, предусмотренных в то время: положения, уставы и т. д. Например, Устав Государственного Банка Российской империи вполне можно рассматривать как закон с учетом специфики того периода, в который он действовал¹. Однако уставы целого ряда коммерческих банков к числу законов не относились, так как принимались указами Сената, а не главы государства². Но были и банковские уставы, принимавшиеся императорскими указами, что тем не менее не переводит их в число законов, сохраняя подзаконный характер регулирования, прежде всего, в силу распространения только на одно кредитное учреждение, то есть установления сепаратных норм³. На практике нередко встречались противоречия между общим законодательным регулированием и нормами банковских уставов, которые утверждались министерством внутренних дел. Такая ситуация не была чем-то чрезвычайным для периода Российской империи.

Принимались и подзаконные (в современном представлении) акты, прежде всего Высочайшие указы, а также Высочайше утвержденные правила или уставы, положения Комитета министров, регулировавшие отдельные вопросы финансовой деятельности⁴. В то же время ряд налогов устанавливался или изменялся с помощью такой формы, как Высочайше утвержденное мнение Государственного совета, что из-за важности

¹ Устав Государственного банка от 31 мая 1860 г. // ПСЗ РИ, Собр. 2, т. 35. Отд. I. СПб., 1862, № 35847.

² Сенатский указ об Уставе Московского земельного банка // ПСЗ РИ, Собр. 2, т. 47. Отд. II. СПб., 1875, № 51061.

³ См. напр.: Высочайше утвержденный Устав Ростовского-на-Дону коммерческого банка от 7 декабря 1871 г. // ПСЗ РИ. Собр. 2, т. 46, отд. 2. СПб., 1874, № 50278.

⁴ См. напр.: Высочайше утвержденное мнение Государственного совета от 5 апреля 1883 г. «Об изменении и дополнении существующих ныне правил относительно открытия новых акционерных коммерческих банков» // ПСЗ РИ. Собр. 3, т. 3. СПб., 1886, № 1484; Высочайше утвержденное Положение Комитета министров «О разъяснении ст. 20 и ст. 29 Положения о крестьянском поземельном банке» // СУ, 1883, 27 мая, ст. 480 и др.

содержания ставит под сомнение отнесение этой формы во всех случаях к подзаконным актам. Например, соляной акциз был установлен Высочайше утвержденным мнением Государственного совета от 14 мая 1862 г. При этом конкретный размер акциза предписывалось устанавливать ежегодно указом, то есть подзаконным актом¹.

Для этой новой отрасли было характерно отсутствие единого кодифицированного акта, что, по всей видимости, вытекало из существа регулируемых отношений. Отметим, что и сегодня в финансовом праве есть кодифицированные акты (Бюджетный и Налоговый кодекс)², которые охватывают отношения в рамках одной из подотраслей, но не могут быть отнесены к целой отрасли. В этом состоит важное отличие финансового права от права уголовного и гражданского, которое проявилось еще в период Российской империи.

Финансовое право – только один пример формирования отрасли права в рассматриваемый период. Но он является во многом типичным. Если говорить об основных отраслях, таких как уголовное и гражданское право, то они в силу выраженных общественных потребностей сформировались ранее. Общество испытывает потребность в наличии уголовной ответственности независимо от этапов технологического развития, поэтому уголовное право в большинстве случаев становится той отраслью, которая формируется раньше остальных. Напротив, становление финансового права как самостоятельной отрасли неразрывно связано с развитием экономических отношений, достижением определенного этапа в технологическом развитии.

Таким образом, подтверждается мнение С. В. Кодана о том, что «развитие системы законодательства в России обусловлено генезисом

¹ ГАРФ. Ф. 1099. Оп. 1. Д. 335. Л. 18, об.

² Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ // Собрание законодательства РФ. № 31, 03.08.1998, ст. 3824; Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 03.08.1998, № 31, ст. 3823.

государственно-правовой системы, определяется взаимосвязанными процессами возникновения и становления государственной организации общества, регулированием общественных отношений через узаконения»¹.

Еще одним примером развития отрасли права как крупного элемента его системы, связанным с укреплением законов в системе источников права, можно считать церковное право. По мнению одного из крупнейших отечественных специалистов в данном вопросе А. А. Дорской, во второй четверти XIX в. начался его расцвет. Цитируемый автор связывает это прежде всего с тем фактом, что в процессе систематизации законодательства «началось приведение в систему в том числе и норм церковного права: в 1834 г. вышло новое издание Кормчей книги, в 1839 г. – на греческом и русском языках была издана Книга правил Святых Апостолов, вселенских и поместных соборов и Святых Отцов, а в 1841 г. был издан Устав духовных консисторий, содержащий 368 узаконений. Во-вторых, с 1835 г. преподавание церковного права было введено в российских университетах. В-третьих, к 1844 г. относится первая попытка определения церковного права в системе российского права...»².

Роль закона в формировании системы права косвенно подчеркивается и тем фактом, что правительство пыталось сформировать у населения страны соответствующее отношение к законности. Закон может полноценно выполнять свои функции в конструировании и регулировании общественных отношений лишь в том случае, если обладает легитимностью, пользуется уважением и поддержкой как чиновников, так и широких слоев населения. В связи с этим представляет интерес такой аспект, как презумпция знания законов, получающий актуализацию по мере их количественного роста. Скорее всего, в период действия единственного закона, например, Русской

¹ Кодан С.В. Формирование и развитие системы законодательства в России: основные этапы (IX – начало XX века) // Российский юридический журнал. 2012. № 1. С. 177.

² Дорская А.А. Развитие системы права в России: проблемы периодизации (продолжение) // Вестник МГПУ. Серия «Юридические науки». 2011. № 1. С. 53.

правды, вопрос о презумпции знания ее норм вообще не стоял. В современных условиях, когда количество законов перешагнуло все мыслимые пределы, данная презумпция превращается в фикцию. Но вот в период формирования правовой системы, связанный с выраженным ростом числа законов, который при этом еще не приобрел чрезмерного характера, именно вопрос о презумпции знания законов стал насущным и даже злободневным.

По мнению исследовавшего данный вопрос С. В. Кодана, появление и закрепление презумпции знания законов относится в России именно к периоду империи. Ученый пишет: «Период XVIII – первой четверти XIX века в законодательном закреплении презумпции знания законов характерен постепенным определением в узаконениях как ее содержания, так и механизмов ее реализации»¹.

В последующий период значение презумпции знания законов определялось общим представлением о законности существования верховной власти и ее деятельности, а также пониманием того, что воля власти облекается в форму закона и в таком виде доводится до населения. В свою очередь, население должно знать законы и соблюдать их неукоснительно. Именно таковы были общие основы законного порядка в Российской государстве периода империи.

В итоге с принятием Свода законов указанная презумпция была закреплена в части первой тома первого, которая носила название Основных государственных законов Российской империи. Согласно статье 62 никто не может отговариваться неведением закона, если он был обнародован установленным порядком.

Установление четко выраженной презумпции знания законов стало важным шагом, способствовавшим не только укреплению режима законности в российском государстве, но и формированию системы права, которая, в

¹ Кодан С.В. Закрепление презумпции знания закона в Российской законодательстве XVIII — начала XX века // Юридическая техника. 2010. № 4. С. 238.

свою очередь, в силу исторических традиций была основана именно на законе как стержневом, системообразующем источнике права.

Формирование системы права связано не только с оформлением его отраслей, но и с укреплением взаимосвязей между ними, так как любая система должна обладать взаимосвязанностью ее элементов. В качестве примера можно привести позицию А. А. Дорской, которая пишет о взаимодействии уголовного и процессуального права Российской империи с церковным правом. По ее мнению, «XVII – конец XIX века характеризовался серьезным влиянием церковных канонов на развитие уголовного права. Именно церковным правом было определено значительное количество преступных деяний»¹.

Исследуя взаимовлияние церковного и уголовного права, цитируемый автор отмечает его неоднозначный характер. С одной стороны, церковное право долгое время тормозило развитие уголовного права. С другой стороны, «такие принципы, как наличие вины в качестве признака преступления, допущение раскаяния преступника, утверждение различных целей наказания, а не только устрашения, послужили исходной позицией для дальнейшего развития уголовного права»².

Взаимосвязь церковного и процессуального права проявлялась в наличии и деятельности церковных судов, которые на определенном этапе имели достаточно широкую подсудность. Еще со времен Древней Руси они имели полномочия осуществлять суд в отношении целой категории лиц, которые в силу сословно-профессиональной принадлежности относились к духовному ведомству (священники, монахи, нищие при монастырях). Кроме того, церковь могла осуществлять суд по тем вопросам, которые регламентировались церковным законодательством, в силу делегирования

¹ Дорская А.А. Взаимодействие уголовного и процессуального права Российской империи с церковным правом // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2005. № 5. С. 255–256.

² Там же. С. 268.

государством церкви права регулировать определенный ряд вопросов, прежде всего, связанных с семейными отношениями.

Еще один немаловажный аспект, связанный с пониманием роли и места законов в регулировании общественных отношений, в том числе в период Российской империи, обозначен известным зарубежным правоведом Г. Хартом. Ученый отмечал, что законы можно условно разделить на две группы.

К первой из них относятся те, что налагают на участников общественных отношений определенные обязанности, заставляющие их совершать определенные действия либо, наоборот, воздерживаться от каких-либо действий.

Вторая группа законов предоставляет возможности, пользоваться которыми члены общества вовсе не обязаны. Несмотря на это, «все законы являются в конечном итоге приказами, подкрепленными угрозами»¹.

В Российской империи названные характеристики подкреплялись тем, что принимались законы, формально исходившие от главы государства как абсолютного монарха. При этом законы принимались и в уголовной сфере (наложение строгих обязанностей), и в гражданско-правовой и семейной сферах (дозволение при желании заключать договоры, составлять завещания, вступать в брак и т.д.).

Таким образом, в рассматриваемый период Российской империи достаточно четко прослеживалось несколько важных процессов в правовой сфере, связанных с законами и системой законодательства, которые можно объединить с общих позиций особенностей государственно-правового развития и их осмысления в политико-правовой доктрине дореволюционного периода.

Во-первых, в Российской империи под влиянием социальной динамики и общественно-политических процессов происходило становление системы

¹ Харт Г. Понятие права / пер. с англ. СПб., 2007. С. 36.

права и системы законодательства. Эти процессы протекали параллельно, были взаимозависимыми и вступили в решающую стадию после проведения масштабной систематизации законодательства в 1830-х годах.

Во-вторых, формирование системы права в России девятнадцатого столетия было связано с процессом становления основных отраслей, сыгравших роль «каркаса» для этой системы. Некоторые отрасли только начинали формироваться, этот процесс проходил, например, применительно к финансовому праву. В целом, система права имела незавершенный характер, что во многом определялось объективными факторами.

В-третьих, в силу особенностей отечественных правовых традиций и имплементированных российским правом принципов романо-германской правовой семьи, определяющую роль для становления отраслей права играло принятие новых законов. Именно законы стали системообразующей и системоформирующей формой отечественного права, что логично вытекало из содержания отечественных правовых традиций, а также было связано с процессом укрепления императорской власти в условиях абсолютной монархии и сохранявшейся сословной структуры общества.

В-четвертых, недостаточная проработанность в теории права понятия о законе, а также об источниках права и их иерархии, критериях разграничения разных видов источников сказывалась на стройности всей системы права, ее долговременной эволюции, негативно влияла на правотворческую и правоприменительную практику. С этих позиций можно констатировать, что в современных условиях важную позитивную роль для правотворчества и укрепления законности могло бы сыграть принятие Федерального закона «О нормативных правовых актах в Российской Федерации», инициативный проект которого разработан учеными Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации с учетом имеющегося зарубежного и исторического опыта. Такой закон закрепил бы иерархию нормативных правовых актов, привел в порядок их систему, установил критерии разграничения для применения актов разной

силы в случае противоречий между их нормами. Опыт Российской империи показывает, что такие меры в современных условиях могли бы способствовать качественному совершенствованию правовой системы страны, укреплению законности и правопорядка, то есть достижению конечных целей правового регулирования.

2.3. Систематизация законодательства и ее значение для эволюции закона как источника права

Важность вопроса о систематизации законодательства для достижения заявленных целей исследования определяется следующими аргументами:

- по мере развития законодательства и количественного роста его массива значение систематизации неуклонно повышается; именно систематизация позволяет закону оставаться главным источником права, несмотря на инфляцию правовой материи;

- систематизация как явление правовой реальности соответствует как свойствам закона – формы права, так и его назначению в правовой системе и системе законодательства; в связи с этим исследование вопросов систематизации законодательства существенно дополняет понимание природы и роли закона;

- исследование воззрений по поводу систематизации проявляет новые грани закона, отвечающие его назначению в обществе.

Следует отметить, что роль и место законов неодинаковы в различных правовых семьях и правовых системах, так как различается понимание значения этого источника права и его соотношения с иными правовыми формами.

Российская правовая система в период империи проявляла значительное сходство по ряду признаков с романо-германской правовой семьей. Это можно объяснить следующими факторами:

во-первых, тесными связями с некоторыми европейскими странами в первую очередь с Германией и Францией;

во-вторых, многочисленными заимствованиями зарубежного законодательства, отдельных его норм и правовых институтов, особенно в период правления Петра Великого;

в-третьих, близостью существовавшей юридической доктрины России и европейских государств (континентальная Европа).

В контексте рассматриваемого в настоящем параграфе вопроса представляется важным отметить, что в правовых порядках континентальных европейских государств в период после рецепции римского права закон не просто стал главным источником права и актом высшей юридической силы, постепенно вытеснявшим из ряда сфер правовой обычай; для этих правовых порядков было характерно стремление к систематизации законодательства. Постепенно она стала не только характерной особенностью романо-германской правовой семьи, но и важнейшим фактором ее формирования в более-менее завершенном виде.

Стоит напомнить, что становление романо-германской (континентальной) правовой семьи в XIX веке происходило сначала в результате разработки и принятия французских кодексов при Наполеоне Бонапарте. Прежде всего речь идет о Гражданском кодексе 1804 г., который послужил образцом для многих государств, сформировал французскую систему частного права (вместе с Торговым кодексом в силу характерного для Франции дуализма частного права). Последующее образование континентальной правовой семьи происходило под влиянием Германского Гражданского Уложения, основанного на нескольких иных принципах по сравнению с французским Гражданским кодексом и вступившего в силу в 1900 г.¹

В силу упоминавшихся тесных контактов и определенного отставания в юридической сфере от западноевропейских государств, которые в большей степени подверглись воздействию принципов и постулатов римского права, Россия достаточно часто осуществляла заимствования европейского

¹ О влиянии французских и германских кодексов на формирование романо-германской правовой семьи см.: Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности. М.: Международные отношения, 1988.

юридического опыта: как отдельных правовых норм и институтов, так и целых законодательных актов¹. В процессе развития и осуществления заимствований происходило сближение правовых систем, в силу чего оказалось заимствовано и само стремление к систематизации законодательства. Именно в силу этого систематизация сегодня может рассматриваться как одна из важных характеристик российской правовой системы, которая проявлялась исторически и сохраняет свою значимость в современных условиях. Более того, происходящие в социуме процессы, вызванные новыми технологиями, позволяют поставить вопрос о повышении актуальности всех аспектов, связанных с систематизацией правовых норм.

Сегодня систематизация представляет собой не только важный фактор успешного развития законодательства, но и непереносимое условие его эффективного применения в меняющейся социально-правовой реальности. В то же время вопросы систематизации являются достаточно сложными как с теоретических, так и с практических позиций, что неоднократно подчеркивалось учеными Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, в том числе и в советский период².

XVIII век стал важным этапом в развитии российской систематизации законодательства. Он не принес в этом вопросе значимых практических результатов, но зато был ознаменован многочисленными попытками государства их добиться. Попытки провести систематизацию законодательства продолжались почти в течение всего столетия, невзирая на достаточно частую смену правителей в период дворцовых переворотов. Сменяли друг друга на троне императоры и императрицы, а вопрос систематизации российского законодательства продолжал оставаться

¹ Достаточно вспомнить, например, Вексельный устав 1729 г.

² Стенограмма научной сессии, посвященной теоретическим вопросам систематизации советского законодательства // Архив ИЗаСП. Ф. 1. Оп. 1. Д. 498. Л. 68.

актуальным. В условиях значительного возрастания правового массива как следствия перехода к абсолютной монархии без проведения систематизации его применение было весьма затруднительным, проблемы постоянно нарастали, все это негативно влияло на укрепление правопорядка, на эффективность действия права на общественные отношения.

Особенностью этой деятельности в XVIII веке стало то, что в контексте проведения систематизации ставился вопрос о создании «нового Уложения» – единого систематизированного источника права взамен устаревшего Соборного Уложения 1649 г. «Такая постановка задачи может с современных позиций оцениваться как не вполне соответствовавшая потребностям времени, что могло стать одной из причин неудачных систематизационных работ»¹.

В течение века созывалось несколько комиссий по систематизации законодательства, при этом ни одна из них не показала сколько-нибудь значимых практических результатов. Наиболее известная и продолжительная по времени работы «Уложенная комиссия» заседала в период правления Екатерины II, сама императрица написала для нее известный «Наказ», в котором скомпилировала целый ряд передовых для того времени идей, принадлежавших европейским «просветителям». Этот Наказ стал ярким примером проявления так называемого просвещенного абсолютизма, при котором глава государства, сохраняя неограниченную власть, заигрывал с идеями французского Просвещения². Расхождение между теорией и реальной правовой практикой также могло стать одной из причин постигшей Уложенную комиссию неудачи в составлении проекта нового Уложения. В конечном итоге ее просто распустили, не дождавшись какого-либо итогового результата, что можно объяснить совокупностью объективных и субъективных причин.

¹ Абдиева Д. А., Рогачев М. А. Систематизация законодательства: опыт Российской империи // Вестник МГПУ. Серия «Юридические науки». 2021. № 2. С. 82.

² См.: Баркалов О. В. Правовая доктрина русского просвещения XVIII века // Известия Алтайского государственного университета. 2017. № 3. С. 13 – 17.

Несмотря на то, что комиссии XVIII века так и не смогли решить важную практическую задачу – произвести систематизацию законодательства, их деятельность имела достаточно важное значение для юридической теории и практики.

Во-первых, работа комиссий наглядно показала, что в отечественной системе права проявлялась устойчивая тенденция к систематизации, которую осознавали и представители правивших кругов.

Во-вторых, в ходе работы комиссий был накоплен богатый материал, который затем был успешно использован для подготовки и проведения правосистематизационных работ XIX века. Этот материал полезен и для проведения дальнейших историко-правовых исследований развития отечественного законодательства в имперский период.

Систематизация российского законодательства в силу целого ряда объективных и субъективных причин была проведена только на исходе первой трети девятнадцатого столетия. Она стала успешной по результатам и очень масштабной по своим итогам. Ее проведение неразрывно связано с именем упоминавшегося выше выдающегося государственного деятеля, ученого-правоведа и практика Михаила Михайловича Сперанского, его небывалой энергией, трудолюбием, глубокими знаниями и передовыми представлениями.

Работы по систематизации законодательства проводил государственный орган, специально созданный для решения этой задачи – II отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии. Формально возглавлял II отделение профессор Михаил Андреевич Балугьянский, который относился к числу наиболее образованных юристов и государственных деятелей своего времени, при этом успешно совмещая практическую государственную деятельность с преподаванием¹. Но, как справедливо

¹ См.: Тебиев Б. К. Михаил Андреевич Балугьянский (1769—1847) // Тебиев Б. К. Россия на перепутье эпох. Избранные социально-экономические исследования и статьи. М.: МРСЭИ, 2021. Т. I. С. 326—336.

полагают исследователи, решающий вклад в систематизацию действовавшего законодательства Российской империи внес именно М. М. Сперанский¹.

Как отмечает Т. В. Шатковская, «фактически все дело кодификации было вновь поручено М. М. Сперанскому. Такой опыт единоличной разработки проекта кодификации не является уникальным примером. Многочисленные случаи единоличных кодификаторов приведены в исследовании Р. Кабрияка. Автор справедливо указывает на такие достоинства подобных кодификаций, как “концептуальная целостность” и единство»².

Масштабная работа по систематизации огромного объема накопившихся законодательных актов осложнялась еще и тем, что отсутствовало четкое разграничение законов и подзаконных нормативных актов. Тем не менее, систематизация громадного законодательного массива была проведена в очень короткие для таких масштабов сроки, практически в мировой практике нельзя встретить аналогов такой работы как по объему, так и по результату. В итоге в 1830-1832 гг. было издано первое Полное собрание законов Российской империи. Это издание до сих пор поражает своим объемом – в его состав вошло 40 томов, которые объединили более 30 тысяч различных законодательных актов, а также 6 томов приложений. Все эти законодательные акты были расположены в Полном собрании строго по хронологическому принципу, при этом первый том открывался текстом Соборного Уложения 1649 года, подчеркивая значимость данного памятника права.

Вслед за Первым собранием стало публиковаться Второе Полное собрание законов Российской империи, тома которого издавались по одному ежегодно. В это издание включили все акты правления Николая I (с 1825 г.), а затем и Александра II. Всего во второе собрание вошло 55 объемных томов.

¹ Развитие русского права в первой половине XIX века. М.: Наука, 1994. С. 27.

² Шатковская Т.В. Техника кодификации М.М. Сперанского: реформа или компиляция? // Журнал российского права. 2022. № 5. С. 23; Кабрияк Р. Кодификации / пер. с франц. М., 2007. С. 322-324.

С 1881 г. был начат выпуск третьего Полного собрания законов, его издание продолжалось вплоть до революции 1917 года, навсегда прервавшей данный процесс.

На втором этапе работ по систематизации, проводимых Вторым отделением, был составлен и опубликован (в 1832 г.) Свод законов Российской империи, вступивший в силу как источник действующего законодательства с 1 января 1835 г.

Свод законов первоначально включал 15 томов – только действовавшее на тот момент в России законодательство. В отличие от названного выше Полного собрания, при составлении свода законов был использован предметно-тематический принцип расположения правового материала, что делало его более удобным для практического применения. В связи с этим Т.В. Шатковская справедливо отмечает: «Для нас важен выбор приемов кодификации свода, который составлен из массы ранее принятых законов, но выстроенных в новое подвижное целостное строение, ставшее основой национальной правовой системы»¹.

Сложно переоценить то значение, которое имела систематизация для последующего развития системы права и системы законодательства Российской империи, а также совершенствования правоприменительной практики того времени. Впервые в истории отечественного законодательства периода империи все действующие законы были должным образом упорядочены, систематизированы по общим основаниям, размещены и опубликованы в едином издании, что делало их более известными и доступными для субъектов управленческой и юридической деятельности, облегчало изучение и практическое применение. В ходе систематизации были устранены некоторые пробелы и противоречия, накопившиеся в

¹ Шатковская Т.В. Техника кодификации М. М. Сперанского: реформа или компиляция? // Журнал российского права. 2022. № 5. С. 24.

законодательстве, что также имело важное значение для эффективности правовой деятельности и практики государственного управления.

Применительно к предмету настоящего исследования отметим, что М. М. Сперанский важным для успеха кодификации считал правильное определение самого понятия закона. «Он писал, что если понятие закона распространить на все постановления без изъятия, то дела “придут в совершенное смешение и единство исполнения исчезнет”. Если понятие закона, напротив, ограничить общими положениями, то власть исполнительная не будет иметь пределов и под видом исполнения закон “разорится”»¹. М. М. Сперанский писал о необходимости предложить отличительный критерий для определения закона, в качестве которого он понимал существенность «перемен в отношении сил государственных или в отношении частных людей между собой»².

Столь значимые по объему и результатам работы по систематизации законодательства стали возможны благодаря наличию определенных предпосылок, сложившихся в ходе предшествующего государственно-правового развития России, обусловленных спецификой ее исторической судьбы. Среди них в рамках настоящего исследования представляется возможным выделить несколько основных.

1) В России к началу девятнадцатого столетия уже был накоплен определенный опыт подготовки к систематизации законодательства, что проявилось в созыве, формировании и деятельности тех уложенных комиссий, которые несколько раз собирались по инициативе государства в предшествующем XVIII веке и о которых уже упоминалось выше. Несмотря на то что работа данных уложенных комиссий, в том числе самой масштабной из них, созванной Екатериной II, в итоге завершилась безрезультатно и

¹ Сперанский М.М. Избранное. М., 2015. С. 174—175. См. также: Шатковская Т.В. Техника кодификации М. М. Сперанского: реформа или компиляция? // Журнал российского права. 2022. № 5. С. 25.

² Сперанский М.М. Избранное. М., 2015. С. 174—175.

запланированное новое Уложение в итоге не было разработано и принято, сам опыт формирования комиссий и организации их работы можно рассматривать как важную предпосылку последующей систематизации, проведенной М.М. Сперанским. Например, крайне интересным стал факт существования наказов, которые население страны, включая крестьян, направляло депутатам Екатерининской Уложенной комиссии. Таким образом осуществлялась определенная обратная связь с населением, которое в свою очередь проявило заинтересованность в развитии законодательства и его совершенствовании, возлагало на законы определенные надежды по улучшению своего положения.

2) Начало XIX века в Российской империи было ознаменовано развитием юриспруденции и юридического образования. В это время расширилась сеть российских университетов, в которых велось преподавание юриспруденции, была сформирована правовая основа их деятельности в виде университетских уставов. В частности 12 декабря 1802 г. был утвержден устав Дерптского университета, 18 мая 1803 г. – устав Виленского университета и училищ его округа, 5 ноября 1804 г. – уставы Московского, Харьковского и Казанского университетов. Российское юридическое образование в этот период развивалось не только в рамках университетов. Так, в 1803 г. было создано Ярославское Демидовское училище высших наук, в котором велась подготовка юристов, причем им преподавалось «право естественное и народное»¹. Из стен данного училища вышло немало хороших юристов и государственных деятелей.

В 1810 г. был основан Царскосельский лицей, программа которого была ориентирована на подготовку чиновников высшего ранга и, соответственно, включала изучение правоведения. После открытия в 1834 г. Университета Святого Владимира в Киеве в Российской империи стало шесть университетов: Московский, Петербургский, Казанский, Харьковский,

¹ См.: Томсинов В.А. Юридическое образование и юриспруденция в России в первой трети XIX века. М.: Зерцало-М, 2023. 280 с.

Киевский, Дерптский. Все они включали в свой состав юридические факультеты, вносили свой вклад в подготовку квалифицированных юристов, которых так не хватало в Российской империи.

3) Еще одна предпосылка состояла в развитии и совершенствовании государственного аппарата, его приспособлении к требованиям времени. В частности, в 1802 г. были созданы министерства – новые органы центрального государственного управления, функционировавшие по ведомственному принципу. Создание министерств и последующее упорядочение их работы отвечало закономерному усложнению организационных аспектов управленческой деятельности государства, было вызвано потребностью в повышении ее практической эффективности.

В 1802 г. в Российской империи было создано восемь министерств: военное, морское, иностранных дел, внутренних дел, финансов, народного просвещения, юстиции и коммерции, которые были основаны на принципе единоначалия и организованы по ведомственному принципу¹. Каждый министр подчинялся непосредственно императору, реализуя свои властные полномочия через канцелярию. Полномочия министерств в той или иной сфере, закрепленной за ними, распространялись на всю территорию страны. В отличие от петровских коллегий, ликвидированных при создании министерского управления, министерства не получили судебных функций, став исключительно административными органами. Высшим административным органом был провозглашен вновь созданный Комитет министров.

В 1811 году министерская реформа, первоначально носившая незавершенный характер, получила продолжение. Специальным актом было создано дополнительно три министерства: полиции, путей сообщения,

¹ Манифест об учреждении министерств от 08.09.1802 // ПСЗ РИ. Собрание 1. Т. 28. № 20406.

государственного контроля¹. Одновременно данный акт более четко разграничил функции министерств и установил порядок министерского делопроизводства². Таким образом, была создана новая система органов центрального государственного управления, что в большей степени отвечало потребностям нового времени, было призвано способствовать повышению эффективности управленческой деятельности, а также дальнейшему росту количества принимаемых правовых актов.

4) В начале XIX века имевшаяся ранее потребность в упорядочении системы правовых актов еще более обострилась, так как законодательство находилось в несогласованном состоянии, что негативно влияло и на правоприменительную практику. В это время «в России продолжало действовать Соборное Уложение 1649 г., законодательство Петра I, его преемников, законодательство Екатерины II, Павла I»³. Новые акты принимались в различных формах: указы, манифесты, регламенты, положения, уложения и т.д. Такая ситуация детерминировала необходимость в проведении систематизации законодательства, его упорядочении и выстраивании более четкой иерархии как важного фактора эффективного функционирования правовой системы.

5) В качестве важной предпосылки стоит рассматривать отечественную законотворческую традицию. Как отмечает Д. А. Пашенцев, «законотворчество в России всегда тяготело к систематизации и кодификации. Если мы посмотрим на законодательство периода Московской Руси, то увидим существование одного центрального, главного законодательного акта, который старался охватить максимально широкий круг вопросов»⁴.

¹ Общее учреждение министерств от 25.06.1811 // ПСЗ РИ. Собрание 1. Т. 31. № 24686.

² Пашенцев Д.А. Теоретические и исторические вопросы государственного управления. М.: МГПУ, 2011. С. 49.

³ Развитие русского права в первой половине XIX века. М.: Наука, 1994. С. 25.

⁴ Пашенцев Д.А. Российская законотворческая традиция: онтология процесса // Журнал российского права. 2018. № 8. С. 12.

Обозначенные факторы можно охарактеризовать как объективные предпосылки для проведения систематизации законодательства, но помимо них имелись и факторы субъективного характера. Главный среди них – появление в Российской империи начала XIX века незаурядной личности огромного государственного масштаба, сочетавшей в себе необходимые знания и колоссальную энергию. М.М. Сперанский обладал гибким умом, широкой образованностью, огромной работоспособностью. И. Д. Осипов в предисловии к сборнику работ Сперанского отмечает, что их автор имел непосредственное отношение к ряду важных преобразований в государственно-правовой сфере, повлиявших на ее развитие. К их числу относились такие злободневные преобразования, как разработка и принятие знаменитого Указа о «вольных хлебопашцах», отмена пыток, ликвидация Тайной экспедиции, запрет применять телесные наказания в отношении священнослужителей, разрешение ввозить книги из-за рубежа, дозволение открывать частные типографии и т.д.¹ Как уже отмечалось, во многом именно благодаря М. М. Сперанскому удалось успешно провести масштабную систематизацию российского законодательства.

Ученые, которые исследуют историческое развитие систематизации законодательства, отмечают, что в правовой системе России с давних времен прослеживается тенденция к объединению, укрупнению нормативных правовых актов. После провозглашения Российской империи проводились многочисленные реформы, что требовало правовой регламентации, принятия новых нормативных актов. По мнению Т. В. Шатковской, «активная и разноплановая законодательная деятельность Петра I» привела к двукратному увеличению количества правовых актов. «Отсутствие четких разграничений между ними по содержанию и их формальной определенности вследствие неразработанности общих начал правовой политики и низкого уровня

¹ Осипов И. Д. Истинная монархия графа М. М. Сперанского // Сперанский М. М. Руководство к познанию законов. СПб., 2002. С. 6-7.

юридической техники приводило к несогласованности новых и прежних актов и противоречивости законодательства в целом»¹.

Кроме того, в период абсолютной монархии государство стремилось максимально детально регламентировать жизнь подданных, поэтому объемы законотворческой деятельности в XVIII в. значительно выросли. Вопрос о систематизации разросшегося законодательства вышел на новый уровень актуальности и перешел в практическую плоскость.

Попытки систематизации законодательства, преподносившиеся в контексте создания нового Уложения взамен Уложения царя Алексея Михайловича 1649 г., продолжались в течение всего XVIII столетия. На первом этапе они были связаны в первую очередь не с переосмыслением имевшегося отечественного опыта законодательной деятельности, а с масштабными заимствованиями зарубежного законодательства. В качестве примеров таких заимствований, причем дословных, можно привести Артикулы воинские Петра I и Вексельный устав Петра II².

Первые попытки систематизировать законодательство Российской империи предпринимались при Петре I, но в связи со смертью императора они не завершились положительным результатом. В последующие годы комиссии для систематизации законов собирались при императрице Елизавете, но тоже безуспешно. Наибольшую известность и отражение в научной литературе получила деятельность Уложенной комиссии, работавшей при Екатерине II. Это связано с ее масштабами и содержательными аспектами, а также с непосредственным участием в данной работе самой императрицы.

¹ Шатковская Т.В. Исторические вехи российской кодификации и ее влияние на развитие отечественного права // Систематизация законодательства и динамика источников права в исторической ретроспективе (к 370-летию Соборного уложения): сборник научных трудов / под общ. ред. Д.А. Пашенцева. М.: ИНФРА-М, 2020. С. 56.

² Пашенцев Д.А. Российская законотворческая традиция: онтология процесса // Журнал российского права. 2018. № 8. С. 11.

14 декабря 1766 г. Екатерина II приняла манифест о создании Комиссии для составления проекта Нового уложения. Фактически впервые в истории деятельности по систематизации в Российской империи были проведены выборы депутатов в комиссию от сословий (дворянского, городского и даже крестьянского), а также от высших государственных учреждений: Правительствующего Сената, Святейшего Синода, коллегий. Всего в Уложенную комиссию было избрано 564 депутата, которые в своей деятельности должны были руководствоваться наказами, получаемыми от населения страны.

Комиссия получила более полутора тысяч наказов, из них более тысячи – от крестьян. Наказ, который написала сама императрица Екатерина II, представлял собой обширный документ, который включал в себя 22 главы, состоявших из 655 статей. Значительный объем содержания наказа был заимствован из сочинений французский просветителей, в первую очередь, книги Шарля Луи Монтескье «О духе законов»¹. Таким образом, в нем высказывались передовые для своего времени идеи по самому широкому кругу вопросов, подлежащих законодательному урегулированию, включая даже воспитание детей.

Несмотря на названные многочисленные попытки, реализация идеи систематизации законодательства в виде единого нового источника права в XVIII веке не удалась.

В начале XIX в. работы по систематизации возобновились, а для решения этой важной задачи был создан специальный орган, и на этот раз попытка увенчалась успехом, во многом благодаря энергии и способностям М. М. Сперанского.

По мнению В.А. Томсинова, создание Свода законов Российской империи стало главным делом жизни М.М. Сперанского: «он завершил труд

¹ Пашенцев Д.А. Чернявский А.Г. История отечественного государства и права. М.: ИНФРА-М, 2016. С. 111.

почти полутора веков русской истории, увенчал многочисленные попытки систематизировать российское законодательство, регулярно предпринимавшиеся начиная со времени Петра I»¹.

Деятельность по систематизации законодательства была логично связана с другими проектами, которые разрабатывал М.М. Сперанский. Прежде всего, это относится к его проектам государственных реформ, которые включали элементы разделения властей. Упорядочение деятельности государственного аппарата, повышение его эффективности было логично сопровождать упорядочением законодательства, приведением его в четкую систему, удобную для применения. Но план государственных реформ Сперанского в итоге не был реализован, как не был полностью воплощен в жизнь и его первоначальный проект систематизации законодательства, предполагавший его значительное обновление.

История создания свода законов и его введения в действие хронологически может быть представлена в виде пяти главных этапов.

Первый этап – составление свода законов (1826 – 1830 гг.);

Второй этап – первая проверка содержания текста (1830-1832 гг.);

Третий этап – обсуждение в Государственном совете и обнародование (январь 1833 г.);

Четвертый этап – вторая проверка («негласная ревизия» 1833 – 1834 гг.);

Пятый этап – установление правил о действии свода законов (конец 1834 г.)².

Систематизация, итогом которой стало издание Полного собрания законов Российской империи и свода законов Российской империи, имела большое значение для развития отечественного права.

¹ Томсинов В. А. Жизнеописание М. М. Сперанского // Сперанский М. М. Юридические произведения / под ред. В. А. Томсинова. М.: Зерцало, 2008. С. 245.

² Блосфельдт Г. Э. «Законная сила» свода законов в свете архивных данных. Пг.: Сенатская тип., 1917. С. 7.

Во-первых, законодательство было в значительной мере упорядочено, что облегчило поиск и применение нормативных правовых актов, то есть объективно способствовало совершенствованию правоприменительной практики.

Во-вторых, в процессе систематизации были устранены некоторые повторы и коллизии в действовавшем законодательстве, что несколько повысило его качество.

В-третьих, систематизация способствовала более четкому оформлению отраслей законодательства, что позитивно сказалось на развитии правовой системы.

Таким образом, в результате проведенной масштабной систематизации были созданы предпосылки для дальнейшего развития законодательства Российской империи, повышения его системности и эффективности действия. Появилась возможность кодификации, потребность в которой по мере развития основных отраслей права объективно возрастала. С помощью систематизации решалась и еще одна важная государственная задача – формировалось единое для всей страны правовое пространство, в основе данного процесса лежали систематизированные законодательные акты.

Несмотря на столь важное значение систематизации законодательства в Российской империи, этот опыт в настоящее время в полной мере не востребован, он не изучается широко учеными-историками и теоретиками права с целью использования в современных условиях¹. В то же время важность вопросов систематизации не только с теоретической, но и практической точки зрения неоднократно подчеркивалась учеными советского времени, обсуждавшими и разрабатывавшими ее концептуальные основы². В качестве положительного примера стоит отметить совместную деятельность

¹ Галузо В.Н. Систематизация российского законодательства (1649–1913) // Законы России: опыт, анализ, практика. 2008. № 6. С. 120.

² См.: Стенограмма научной сессии, посвященной теоретическим вопросам систематизации советского законодательства // Архив ИГиСП. Ф. 1. Оп. 1. Д. 498.

Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации и Министерства юстиции Российской Федерации, направленную на совершенствование механизма систематизации правовых норм в современных условиях. Такие усилия требуют теоретического обоснования, в основе которого должна лежать новая, отвечающая требованиям времени теория систематизации.

С позиций современной теории права, самым совершенным видом систематизации выступает кодификация. Это особый вид правотворческой деятельности, который направлен на системное развитие правового материала, а также сохранение преемственности в праве. Кодификация совмещает в себе обобщение, систематизацию уже имеющихся норм и выработку новых правоположений. При этом устраняются имеющиеся коллизии, повторы и противоречия¹.

Кодифицированные акты занимают центральное место в законодательстве стран романо-германской правовой семьи, они способствуют формированию отраслей права и отраслей законодательства.

В Российской империи кодификация не получила такого развития, как инкорпорация и консолидация, что позволяет говорить о незавершенности процесса систематизации законодательства. По мнению Т.Ф. Ящук, «первым кодексом, имевшим систему и атрибуты акта такого рода, в истории русского законодательства стало Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.»².

¹ См. подробнее: Хабриева Т. Я. Кодификация российского законодательства в условиях федеративного государства // Кодификация законодательства: теория, практика, техника. Н.-Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2009. С. 26–37; Рахманина Т. Н. Кодификация законодательства. М.: Юрист, 2005.

² Ящук Т.Ф. Историческая традиция в систематизации российского законодательства // Систематизация законодательства и динамика источников права в исторической ретроспективе (к 370-летию Соборного уложения): сборник научных трудов / под общ. ред. Д.А. Пашенцева. М.: ИНФРА-М, 2020. С. 39.

Данный пример, даже если рассматривать названный акт как полноценный кодекс, относился к числу единичных исключений. Кодификация в итоге получила широкое развитие только после революции 1917 г., когда в 1918 г. были приняты два первых советских кодекса¹.

В период Российской империи систематизация законодательства, как полагает Т. В. Шатковская, была основана на идеях общественной пользы, государственной законности и принципе верховенства юридических установлений государства над другими формами права².

Оценивая отечественный исторический опыт систематизации законодательства, Т. Ф. Ящук, пишет «о нескольких приемах институционального оформления такой деятельности: через специальные комиссии, отдельные государственные учреждения, в более поздние периоды – научные институты. Однако в любом варианте работы проводились по инициативе и при непосредственной поддержке верховной власти, а результаты деятельности требовали последующей легитимации»³. По мнению данного автора, практическое осуществление систематизации в Российской империи опережало ее теоретическую проработку, в итоге сложилось утилитарное отношение к систематизации.

В целом проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы об особенностях систематизации законодательства в период Российской империи.

¹ Пашенцев Д.А. Кодификация как инструмент конструирования системы законодательства в начальный период советского государства (к 100-летию принятия первых советских кодексов) // Журнал российского права. 2018. № 8. С. 6-7.

² Шатковская Т.В. Российская кодификация в историческом измерении: основные этапы, результаты и последствия // Вестник Чеченского государственного университета им. А. А. Кадырова. 2020. Т. 39. № 3. С. 159.

³ Ящук Т.Ф. Историческая традиция в систематизации российского законодательства // Систематизация законодательства и динамика источников права в исторической ретроспективе (к 370-летию Соборного уложения): сборник научных трудов / под общ. ред. Д. А. Пашенцева. М.: ИНФРА-М, 2020. С. 40.

Прежде всего, систематизация стала логичным этапом в развитии отечественной правовой системы, в которой главное место среди источников права занимал закон. Россия проводила систематизацию, следуя при этом соответствующим традициям романо-германской правовой семьи, к которой была исторически близка по ряду признаков, и именно систематизация стала одним из них.

Проведение полномасштабной систематизации стало возможно только на достаточно высоком этапе развития общественных отношений, во взаимосвязи с иными государственными преобразованиями и при влиянии субъективного, личностного фактора. Совпал целый ряд предпосылок: технологическое развитие, изменение системы управления страной, повышение роли законодательства и его количественный рост, выдающаяся личность М.М. Сперанского – все это позволило осуществиться идее систематизации на практике.

Несмотря на издание Свода законов и Полного собрания законов Российской империи, нельзя говорить о завершённом характере систематизации, так как кодификация как наиболее совершенная форма систематизации в Российской империи почти отсутствовала. В плане юридической техники требовалось дальнейшее совершенствование принимаемых систематизированных актов.

В контексте настоящего исследования представляется важным вопрос о влиянии систематизации законодательства на закон как источник права. Такое влияние можно оценивать как комплексное, проявлявшееся сразу в нескольких аспектах.

Во-первых, систематизация означала упорядочение имевшегося законодательного массива, что всегда является благоприятным фактором для дальнейшего развития законодательства, а также для более точного определения его структуры, места в правовой системе, повышения эффективности применения на практике.

Во-вторых, систематизация способствовала дальнейшему формированию межсистемных связей в системе законодательства Российской империи, что также способствовало повышению его качества и эффективному правоприменению.

В-третьих, в результате систематизации облегчалось практическое применение действовавших законов, что позитивно сказалось на их легитимности, восприятии правосознанием государственных деятелей, чиновников, судей, иных субъектов правоприменительной деятельности.

В-четвертых, проведение систематизации создало необходимую основу для разграничения действующих и утративших силу законов, а также, в последующем, законов и подзаконных нормативных актов.

ГЛАВА 3

СООТНОШЕНИЕ ЗАКОНА С ИНЫМИ ИСТОЧНИКАМИ ПРАВА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

3.1. Соотношение закона и подзаконного акта (указа) в Российской империи

Определение соотношения законов с иными источниками права в конкретный исторический период помогает выявить и обосновать некоторые важные характеристики закона, которые можно увидеть только в сравнительно-правовом аспекте. Сопоставление разных источников права показывает, в чем сходство и отличие между ними, в чем проявлялись особенности их принятия, а также их роль в регулировании общественных отношений. При этом целесообразно сопоставлять не все источники, а только те, которые конкурировали между собой в системе правового регулирования в конкретный исторический период.

Проблема соотношения закона и указа всегда имела особое значение для российской юриспруденции. Ее важность связана не только с отсутствием в течение длительного времени четкого и легального разграничения закона и подзаконного нормативного акта, но также и с отсутствием разделения властей, в силу этого и закон, и указ фактически происходили из одного источника – воли главы государства. В условиях самодержавной монархии такое положение вещей представлялось достаточно естественным, всякие попытки изменить его могли трактоваться как посягательства на прерогативы самодержца.

В то же время вопрос о необходимости хотя бы частичного разграничения законодательных и исполнительных полномочий власти неоднократно ставился и обсуждался отечественными правоведами. Дискуссия о соотношении закона и указа в итоге стала частью более широкого

вопроса, связанного с организацией всей системы власти, эффективностью реализации ее основных функций. Вопрос о законах и подзаконных актах стал частью вопроса о соотношении представительной и исполнительной власти, их равенстве или балансе между ними. На его важность неоднократно обращали внимание ученые. Например, Г. Т. Чернобель справедливо указывал, что «противоборство закона и указа нарушило нормальное функционирование всей системы действующих нормативно-правовых актов»¹.

В современных условиях указ – это подзаконный нормативный акт. В правовой системе России существует такой источник права, как указы президента, которые в силу своего подзаконного характера не должны противоречить законам. Но необходимо уточнить, что применительно к периоду Российской империи указ не может рассматриваться как синоним подзаконного нормативного акта, так как указ – это только один из видов таких актов. В то же время он, как и закон, исходил от монарха, и это отличало юридическую силу этих форм права от актов, принимавшихся иными органами и должностными лицами.

В конечном итоге разграничение закона и указа имело принципиальное значение для понимания всей направленности развития форм (источников) права в период Российской империи, выявления особенностей данного процесса, связанных со спецификой отечественных правовых традиций. Сохранял свою актуальность этот вопрос и позднее, в советское время, равно как и проблема признания нормативного акта действующим. Ученые советского периода констатировали наличие таких нормативных актов, которые нельзя считать ни действующими, ни отмененными². Это осложняло работы по систематизации законодательства. Актуален он и сегодня, не менее чем в период Российской империи, так как даже при наличии системы

¹ Чернобель Г.Т. Критерии разграничения законов и иных нормативных правовых актов // Проблемы законотворчества Российской Федерации. М., 1993. С. 21.

² Архив ИЗаСП. Ф. 1. Оп. 1. Д. 478 – Стенограмма заседания Ученого совета ВИЮН от 19 июня 1961 года. Л. 16.

разделения властей неизбежна конкуренция между ее ветвями, явная или скрытая.

Указ в Российской империи рассматривался как выражение высшей воли монарха – главы государства; закон подразумевал не только эту волю, но и ее облечение в определенную процессуальную форму, ее соответствие деятельности властных структур и институтов, согласие как минимум представителей правящих кругов, как максимум – населения страны. В силу этого указ был более удобен для главы государства, он не зависел от чьего-то мнения в его принятии, по крайней мере формально. В то же время развитие правовой практики определяло необходимость рано или поздно решить вопрос о соотношении закона и указа, разграничить эти источники права, определить их формальное соотношение и юридическую силу.

Вопрос о разграничении и соотношении закона и указа теоретически и исторически мог решаться в нескольких аспектах:

- соотношение закона и указа как определенных идей, связанных с пониманием права и форм его выражения;
- соотношение закона и указа как понятий, имевших (или не имевших) легальное закрепление;
- соотношение законодательного и подзаконного регулирования.

Решение указанных и иных связанных с ними вопросов осложнялось тем, что несмотря на часто употреблявшееся понятие закона, в Российской империи не существовало актов, в название которых оно было бы включено. Поэтому нередко понятие закона употреблялось в тех случаях, когда речь шла о праве, его назначении, а не о конкретных властных распоряжениях. Кроме того, сама практика работы властных органов не делала различия между законом и указом в своей правотворческой деятельности.

Фактически возникновение закона и указа исторически было единым, общим процессом. На определенных этапах не было необходимости разграничивать эти понятия, так как в условиях полновластной монархии главное значение имело содержание воли правителя, выраженное в праве, а не

та или иная форма ее конкретного выражения и оформления. Но с развитием общественных отношений правотворческая деятельность усложняется, появляются ее разные формы, а затем и возникает «конкуренция» между ними. Постепенно, как отмечает Г. Т. Чернобель, «различные формы приняло само законодательствование как вид правотворческой деятельности, что предопределяло родо-видовые особенности законов как волеизъявлений государственной власти, зафиксированных в определенной процедуре»¹.

Играло роль и происхождение данных понятий. Закон изначально имел церковные корни, которые подразумевали его трактовку как права. Напротив, указ связывался с конкретной властно-распорядительной деятельностью государственных органов, прежде всего самого главы государства.

Зарубежная практика показывает, что почти во всех странах, где закон стал основным источником (формой) права, его «конкуренция» с подзаконными актами (указами) продолжалась достаточно долго, а иногда и длится сейчас. При этом, как правило, именно закон играет ведущую, главенствующую роль в развитии и совершенствовании права, а также в правовом воздействии на общественные отношения.

Российские правоведы периода империи уделяли вопросу о соотношении и разграничении закона и указа достаточно много внимания. Их работы дают представление о том, как взаимоотношения указа и закона трактовались в отечественной правовой мысли, какие в этом отношении существовали воззрения, как раскрывалась в правовой мысли сама природа закона как источника права. В этом отношении стоит отметить заслуги Н.М. Коркунова, который посвятил данной проблеме целое обстоятельное исследование, опубликованное в 1894 г. в виде обширной монографии².

¹ Чернобель Г.Т. Критерии разграничения законов и иных нормативных правовых актов // Проблемы законодательства Российской Федерации. Сборник статей. М., 1993. С. 22.

² Коркунов Н. М. Указ и закон. СПб., 1894.

Воззрения ученого на рассматриваемый предмет, изложенные в этой работе, до сих пор не потеряли своей научной значимости и востребованности. Они в полной мере связаны с его общими воззрениями на право, его сущность и назначение в обществе, на зависимость правового развития от наличия системы разделения властей.

Особенность теории права в ее понимании Н. М. Коркуновым состояла в том, что она позволяла «рассматривать право как социальный феномен посредством его интерпретации как способа разграничения интересов»¹.

Подобная трактовка права позволяет отнести учение Н.М. Коркунова к социологическому направлению юриспруденции, которое придает особое значение именно действию правовых норм в общественных отношениях, их реализации на практике. По его мнению, право существует в рамках конкретного общественного правопорядка и «выступает как обусловленная соответствующей обязанностью другого лица возможность осуществлять данный интерес в устанавливаемых юридическими нормами пределах»². С этих позиций Коркунов разграничивал право и закон, полагая, что первое шире второго. В свою очередь, право не сводится к юридическим нормам и включает в себя, помимо них, еще и юридические отношения.

Н. М. Коркунов полагал, что проблема разграничения указов и законов «представляет большие трудности»³, но решить ее необходимо для дальнейшего успешного правового развития страны, даже в условиях абсолютной монархии, при отсутствии парламентаризма и народного представительства. При этом, как показывает анализ работы Коркунова, под указом ученый предлагал понимать не определенный формальными

¹ Працко Г.С., Хбликян Е.А. Теоретико-методологические основания концепции соотношения закона и указа в правовом учении Н.М. Коркунова // Право и государство: теория и практика. 2015. № 12. С. 53.

² Петухова А.В. Социологическая концепция Н.М. Коркунова // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2012. № 3. С. 74.

³ Коркунов Н.М. Указ и закон. СПб., 1894. С. 260.

признаками акт, выражающий волю главы государства, а подзаконный нормативный акт.

Предпринимая фундаментальное исследование соотношения указа и закона, Н.М. Коркунов «был мотивирован необходимостью решения нескольких проблем:

- теоретической разработки общего понятия подзаконного акта, которая ранее не проводилась, что оказывало негативное методологическое влияние на анализ законодательства и правового порядка Российской империи;

- выявления критериев соотношения подзаконного акта и закона, неопределенность которых в российском правоведении того времени не позволяла определить их природу и значение в законотворчестве и юридической практике в целом;

- теоретической оценки действующего в Российской империи законодательства, компетенции законодательной и исполнительной власти, юридической силы императорских указов и законов государства»¹.

При решении данного вопроса, как полагал Н.М. Коркунов, недостаточно различия формальных моментов. Наряду с ними необходимо установить различие указов и законов по юридической силе. Указ, по его мнению, «отличается от закона отсутствием законодательной формы; от других актов управления – тем, что им устанавливается не частное распоряжение, а общее правило»².

Н.М. Коркунов полагал, что «различие законов и указов, издаваемых главой государства, имеет совершенно общее значение и не обусловлено различием форм государственного устройства; что такое различие возможно и в абсолютной монархии; что и в абсолютной монархии оно может иметь

¹ Працко Г.С., Хбликян Е.А. Теоретико-методологические основания концепции соотношения закона и указа в правовом учении Н. М. Коркунова // Право и государство: теория и практика. 2015. № 12. С. 54.

² Коркунов Н.М. Указ и закон. СПб., 1894. С. 227.

действительное практическое значение, если судам будет предоставлено право проверять согласие указов с законами»¹.

Ученый отмечал, что вопрос осложнялся его нерешенностью в самом законодательстве. «Впервые практическое разграничение закона от простых указов Верховной власти устанавливается у нас только с учреждением в 1810 г. Государственного совета. Очевидно, участие совета и должно служить отличительным признаком закона»².

Прежде всего ученый показал особенности разделения указов, содержащих нормы права, и тех, что имеют технический характер. Первые он характеризует как юридические указы, а вторые – как указы административные.

Указы административного характера дают распоряжения в отношении государственных органов, но не частных лиц, следовательно, они не содержат общеобязательных правовых норм, не устанавливают новых прав. Применение и толкование таких указов есть дело самой администрации.

Для выявления вопроса о сущности и особенностях закона значение имеет его соотношение с указами юридического характера, то есть теми, которые устанавливают и вводят в действие новые нормы права. Такие указы нередко связаны с установлением новых прав и обязанностей для частных лиц, следовательно, они выполняют те же регулирующие функции применительно к общественным отношениям, что и законы. Отсюда вытекает необходимость публикации таких указов аналогично опубликованию законов.

При анализе заявленной проблемы Н.М. Коркунов исходил из концепции разделения властей, отмечая, что указы издает власть исполнительная, а законы – власть законодательная.

Все указы он делил на самостоятельные и несамостоятельные. Первый тип указов может издавать верховная власть. Вторым типом издаются органы

¹ Коркунов Н. М. Указ и закон. СПб., 1894. С. 309.

² Там же. С. 340.

«подчиненного управления», которые могут принимать указы только «в исполнение постановлений закона или указов верховного управления»¹.

Указы, как отмечал ученый, «имеют самостоятельную силу лишь при условии непротиворечия законам»².

Таким образом, на основании фундаментального и самобытного исследования Н.М. Коркунов предложил свой критерий разделения закона и указа как подзаконного акта. Таковым, в трактовке ученого, «является разделение законодательной и исполнительной власти, где в ведении исполнительной власти находится издание актов управленческого характера, которые не должны противоречить закону – принципу законности как основы правового порядка Российской империи»³.

Отметим, что применительно к Российской империи предложенный Коркуновым критерий долгое время не имел практического значения, так как он не мог быть применен в условиях самодержавной монархии и отсутствия разделения властей.

Однако взгляды ученого выдержали испытание временем, которое подтвердило важность данного вопроса. При этом в Российской империи понятные критерии разграничения указа и закона возникли только в результате принятия новой редакции Основных законов Российской империи от 23 апреля 1906 г. Это было связано с созданием Государственной думы – представительного органа, который вместе с Государственным советом и императором образовал новый законотворческий механизм.

Выявление соотношения закона и указа имело не только теоретическое значение, но и было связано с практикой реализации основных государственных функций. Нередко возникал вопрос о том, каким актом стоит

¹ Коркунов Н. М. Указ и закон. СПб., 1894. С. 258.

² Там же.

³ Працко Г.С., Хбликян Е.А. Теоретико-методологические основания концепции соотношения закона и указа в правовом учении Н. М. Коркунова // Право и государство: теория и практика. 2015. № 12. С. 55.

провести в жизнь то или иное решение, особенно если оно могло встретить сопротивление в правящих кругах. Характерным примером является денежная реформа С. Ю. Витте¹.

В конце XIX века финансовая система Российской империи находилась в достаточно плачевном состоянии, так как курс отечественных бумажных рублей постоянно снижался, а более устойчивые золотые и серебряные деньги фактически пропали из обращения. Существовала потребность и даже острая необходимость ликвидации порождавшего инфляцию бумажного денежного обращения с помощью установления золотого стандарта. Такая радикальная мера могла бы способствовать укреплению денежной системы государства, устранению губительных для экономики резких колебаний денежного курса².

Главные аспекты денежной реформы выражались в следующем: введение «золотого монометаллизма; одновременное обращение металлических и бумажных денег с гарантированным разменом последних на золото; превращение Государственного банка в эмиссионный центр страны, ограничение выпуска бумажных денег в пределах, превышающих потребности денежного обращения; предоставление права казначейству принимать золотую монету в уплату налогов и сборов и т. д.»³.

Однако в Государственном совете почти отсутствовали сторонники данной реформы, которой многие чиновники просто боялись. С. Ю. Витте писал, что против реформы «выступала вся мыслящая Россия: во-первых, по невежеству в этом деле, во-вторых, по привычке»⁴. Выход, позволивший ему в итоге провести запланированную и полезную для страны реформу, был найден в правовом поле. В итоге благодаря идее С. Ю. Витте денежная реформа была

¹ См.: Долакова М.И. Финансово-экономические реформы С.Ю. Витте и их законодательное обеспечение // Образование и право. 2012. № 3. С. 218-224.

² Долакова М.И. Финансово-экономические реформы С.Ю. Витте // Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки». 2015. № 1. С. 15.

³ Муравьева Л.А. Золотой рубль С.Ю. Витте // Деньги и кредит. 2003. № 3. С. 70.

⁴ Государственные финансы России: XIX – первая четверть XX века: учеб. пособ. для вузов. М., 2003. С. 172.

реализована на практике не одним общим законом, а целым рядом последовательно принимавшихся указов императора¹. Таким образом, важнейшее для экономики преобразование фактически было осуществлено на основе подзаконных нормативных актов, что стало возможным из-за отсутствия четкой иерархии правовых актов в Российской империи.

Хронологические выходы данных указов о денежной реформе можно представить следующим образом.

Указ российского императора от 16 июня 1893 года установил, что государственный монетный двор прекращает прием от частных лиц серебра для перечеканки в монету².

6 ноября 1895 года особым указом было разрешено кассам всех правительственных учреждений принимать в качестве платежей золотую монету по установленному курсу.

Указ от 3 января 1897 года «О чеканке и выпуске в обращение золотой монеты» постановил осуществлять чеканку золотых монет: империала (15 руб.) и полуимпериала (7 руб. 50 коп.), а также разрешил выпуск указанных монет в обращение³.

Указ от 29 августа 1897 года определил основания выпуска Государственным банком кредитных билетов с ограничением его реальными потребностями денежного обращения и печатанием их исключительно под обеспечение имевшимся в казне золотом⁴.

Указ от 14 ноября 1897 года определил хождение кредитных билетов наравне с золотой монетой, а также свободный обмен на нее⁵.

Указ от 28 марта 1898 года «Об основаниях обращения серебряной монеты» установил, что все денежные расчеты ведутся в России на рубли,

¹ Муравьева Л.А. Золотой рубль С.Ю. Витте. С. 71.

² ПСЗ РИ. Собр. 3. 1893. Т. 13. № 9883.

³ ПСЗ РИ. Собр. 3. 1897. Т. 17. № 13611.

⁴ ПСЗ РИ. Собр. 3. 1897. Т. 17. № 14504.

⁵ ПСЗ РИ. Собр. 3. 1897. Т. 17. № 14632.

равные 1/15 империи. Роль серебра в денежном обращении империи была существенно ограничена. Все исчисления государственных доходов, платежей и сборов стали производиться на золотые рубли¹.

Принятие вместо одного закона о денежной реформе нескольких указов, к тому же распределенных во времени на несколько лет, позволило обойтись без одобрения Государственного совета, необходимого в случае с законом, за счет использования тех ресурсных возможностей, которые предоставлял подзаконный нормативный акт – указ. Отметим, что это стало возможным во многом благодаря тому, что существовавшее в Российской империи соотношение закона и указа, а также неопределенность самого понимания закона позволяли решать и законом, и указом одинаковые по значимости вопросы. Потребовалось только разбить реформу на ряд последовательных этапов, и каждый из них ввести в действие с помощью указа. В итоге все субъективные препятствия для введения золотого монометаллизма были успешно преодолены.

Таким образом, на примере денежной реформы конца девятнадцатого столетия мы наглядно видим пример того, как С. Ю. Витте с помощью умелого использования существовавшей системы формальных источников права и особенностей их принятия успешно реализовал мероприятие, встречавшее сильное сопротивление в правящих кругах.

Применительно к деятельности С.Ю. Витте стоит отметить, что некоторые затруднения, связанные с сопротивлением необходимым нововведениям в сенаторской среде, ему удавалось преодолевать, и тогда необходимые преобразования проводились на основе не указов, а законов. Характерным примером стало введение винной монополии. В условиях многолетнего господства откупной системы сама мысль о винной монополии «была так необычайна и так нова, что вообще внушала всем седовласым

¹ ПСЗ РИ. Собр. 3. 1898. Т. 18. № 15187.

членам Государственного совета некоторый страх»¹. В то же время Витте не только и не столько стремился с помощью этой меры повысить доходы казны, сколько хотел внести упорядоченность в представлявшуюся ему хаотичной систему винной торговли, о чем он сам открыто писал². В итоге победы его точки зрения специальным законом с 1897 г. по всей стране была введена винная монополия, вследствие которой пьянство в стране заметно снизилось, а поступления в казну, напротив, выросли более чем в два раза³.

Также именно законами, а не указами решались в рассматриваемый период и иные важные для государственного бюджета финансовые вопросы. Например, законом был отменен акциз на соль, что позитивно восприняло российское общество⁴, в 1859 г. был отменен, а в 1888 г. восстановлен акциз на спички⁵. Таким образом, правительство при регулировании общественных отношений в финансовой сфере стремилось использовать юридическую силу закона, осознаваемую в качестве более высокой по сравнению с указом. Особенно это касалось вопросов, имевших фискальное значение. И в современных условиях налоги могут устанавливаться только законом, но не подзаконным актом.

Вопрос о соотношении закона и указа в его практическом преломлении особенно обострялся в периоды чрезвычайных ситуаций, когда требовалось принимать скорые, экстренные меры, направленные на стабилизацию ситуации. В этих обстоятельствах в силу особого порядка принятия, существующих процедур обсуждения закон оказывается неэффективным, запаздывающим регулятором общественных отношений. В период Российской империи чрезвычайные ситуации наступали достаточно часто. Они могли

¹ Витте С.Ю. Воспоминания, мемуары. Т. 3. М., Минск, 2002. С. 500.

² Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 1099. Оп. 1. Д. 154. Л. 199, об.

³ ГАРФ. Ф. 1099. Оп. 1. Д. 154. Л. 174, 200.

⁴ ГАРФ. Ф. 1099. Оп. 1. Д. 335. Л. 19 – 20.

⁵ ПСЗ РИ. Собр. 3. Т. 8. СПб., 1890. № 4934.

быть связаны и с войнами, и с неурожаем, и с последующим голодом (например, голод 1891, 1898, 1911 гг.), и с эпидемиями. Но более всего власть беспокоили такие чрезвычайные ситуации, которые были связаны с внутривластными кризисами, выступлениями против монархии и ее политики. В такой ситуации закон действительно демонстрировал недостаточную эффективность, и правительство прибегало к подзаконным актам, чтобы справиться с ситуацией на основе новых, быстро вводимых норм.

В качестве примера можно привести ситуацию, которая сложилась в Российской империи после гибели императора Александра II в 1881 г. Это событие стало следствием не единичного акта, но свидетельствовало о разгуле террористов, покушавшихся на жизнь государственных деятелей. В такой ситуации, связанной с непосредственной угрозой жизни представителей правящих кругов, новый император Александр III был вынужден принимать меры, направленные на решительное противодействие террору, преодоление его как явления в общественной жизни, которое негативно влияло на государственное развитие и вопросы безопасности. Для этого требовались меры, не предусмотренные действовавшими законами. Но вводить серьезные меры указами как подзаконными актами было бы не самым удачным решением с точки зрения общественного восприятия и легитимности (противоположный пример можно увидеть в 1905-1906 гг.), поэтому правительство пошло по пути срочного принятия законодательных актов чрезвычайного характера. Речь идет в первую очередь о «Высочайше утвержденном Положении Комитета министров от 14 августа 1881 г. «О мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия»¹.

¹ Положение Комитета министров от 14 августа 1881 г. «О мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» // ПСЗ РИ. Собр. 1. СПб., 1885. Т. 1. Ст. 350.

Может вызывать дискуссию вопрос о том, следует ли считать этот акт подзаконным, учитывая его принятие Комитетом министров как исполнительным органом, или законом, поскольку он был утвержден императором как главой государства и посвящен важным вопросам регулирования общественной и государственной жизни. В отсутствие четких критериев разделения законов и подзаконных актов названные два признака, характерные для Положения, приобретают решающее значение. Поэтому его можно отнести к числу законов, но законов чрезвычайного характера. При этом надо учитывать быстрое принятие акта, его обусловленность чрезвычайными обстоятельствами, а также особый характер вводимых актом мер.

Обстоятельства принятия этого акта были достаточно подробно исследованы профессором Н.И. Биюшкиной, которая трактует его как ключевой источник права, регулирующий охранительные отношения, возникшие в правление Александра III¹.

По мнению цитируемого автора, данный акт является важным с позиции исследования чрезвычайного законодательства, так как он определил последующую стратегическую линию правительства и установил ряд ключевых для нее принципов: соразмерное сочетание особых полномочий власти с ответственностью, учитывающей особые обстоятельства; временный характер вводимых чрезвычайных мер; недопустимость излишнего ограничения законных интересов верноподданного населения страны; соответствие вводимых исключительных мер реальной потребности охраны общественного порядка².

Стоит отметить, что чрезвычайные меры вводились не только законами, но и актами подзаконного характера. В частности, речь идет о Манифесте от

¹ Биюшкина Н.И. Стратегия развития законодательства в условиях политической нестабильности во второй половине XIX – начале XX века // Юридическая техника. 2015. № 9. С. 148.

² Там же. С. 149.

29 апреля 1881 г. «О призыве всех верных подданных к служению верою и правдой Его Императорскому Величеству и Государству»¹.

Еще один важный и интересный в контексте настоящего исследования аспект состоит в том, что некоторые из чрезвычайных мер, введенных в действие названным выше законом, были впоследствии отменены уже не законом, а подзаконным нормативным актом. Такое было возможно только в условиях отсутствия четкой иерархии нормативных правовых актов в Российской империи. Речь идет об Именном Указе, данном Сенату 4 сентября 1881 г. «Об отмене действия некоторых узаконений, изданных к охранению государственного порядка и общественного спокойствия»².

Итак, в Российской империи вопрос о соотношении закона и указа имел не только теоретическое, но и важное практическое значение. Его разрешение в правоведении могло бы стать важным этапом на пути развития отечественной правовой системы. В то же время соотношение закона и указа было настолько взаимосвязано с системой организации государственной власти в условиях самодержавной монархии, что разрешить его до коренных преобразований государства не представлялось возможным. Тем не менее в теории такие попытки предпринимались.

Отсутствие четких разграничений закона и указа как подзаконного акта было выгодно государственной власти, так как позволяло использовать существовавшую систему источников права с наибольшим удобством, осуществлять правовое регулирование общественных отношений в острых в политическом отношении и кризисных ситуациях с большей оперативностью и меньшими препятствиями. Такая ситуация была возможно, во-первых, в

¹ Манифест от 29 апреля 1881 г. «О призыве всех верных подданных к служению верою и правдой Его Императорскому Величеству и Государству» // ПСЗ РИ. Собр. 1. СПб., 1885. Т. 1. Ст. 118.

² Именной Указ, данный Сенату 4 сентября 1881 г. «Об отмене действия некоторых узаконений, изданных к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» // СЗ РИ. Продолж. по 30 июня 1883 г. Б.Г., Б.М. Прил. 1 к прим. 2, Ст. 1.

силу отсутствия легально установленных понятий и признаков указа и закона, во-вторых, по причине отсутствия системы разделения властей в условиях сохранявшейся абсолютной монархии.

Наличие формальных критериев разграничения закона и указа могло бы повысить степень связанности государства действовавшим законодательством, но в итоге этого в течение долгого времени не происходило, в том числе из-за незаинтересованности самих правящих кругов. Ситуация изменилась только в результате преобразований, произведенных в 1906 году и изменивших порядок принятия законов, что позволило отграничить их от подзаконных нормативных актов.

После принятия новой редакции Основных законов Российской империи от 23 апреля 1906 года законами стали считаться акты, утвержденные тремя инстанциями: Государственным Советом, Государственной Думой и императором. Статья 86 названного нормативного акта вводила четкий порядок принятия законов: утверждение Государственным Советом, Государственной Думой и одобрение императором. Таким образом, появился легальный критерий для определения понятия закона, отделения его от подзаконного нормативного акта. Этот критерий был связан с введением элементов разделения властей в государственный строй Российской империи.

Однако статья 87 Основных законов допускала, что в перерывах в работе Государственной Думы император может принимать указы, обладающие силой закона, которые действуют до того, как новая Дума одобрит их, «превратив» в закон, или отклонит. Тем самым фактически появлялась законная лазейка, позволявшая в некоторых случаях принимать важные правовые акты без участия Государственной Думы, что снижало значение ее законодательных полномочий, давало новые рычаги в руки исполнительной власти. В период революции 1905–1907 гг. эта статья и те полномочия, которые она предоставляла, были востребованы на практике, использовались правительством для борьбы с революционным движением.

Таким образом, правовой критерий для отделения закона от подзаконного акта появился в 1906 году. Но, как отмечает А. Ю. Мкртумян, «результатом этого на практике стало положение, при котором именно указы, то есть подзаконные акты, а не законы фактически стали основным источником русского права. После 1906 года самой распространенной формой указа в сфере гражданского управления стало высочайше утвержденное Положение Совета министров. Часто законы затрагивали мелкие вопросы, а указы решали более крупные проблемы. Известно, например, что первым законопроектом, внесенным правительством на рассмотрение первой Государственной Думы, был проект учреждения прачечной при Дерптском университете. В то же время такая значительная мера, как введение военно-полевых судов, в 1906 году была осуществлена указом»¹.

Таким образом, в начале XX в результате важных преобразований, произведенных под влиянием революции 1905 – 1907 гг. в государственном устройстве Российской империи, в том числе введения элементов системы разделения властей и соответствующего порядка принятия законов, появилась возможность применения легального критерия для определения закона как источника права и отграничения его от подзаконного нормативного акта. Такой критерий появился в силу введения в государственное устройство отдельных элементов системы разделения властей. Это соответствовало взглядам и теориям передовых юристов дореволюционного периода, а также современной государственно-правовой практике. Кроме того, установление легального критерия для определения закона, соответствовавшего организации и деятельности государственного аппарата, должно было позитивно сказаться на последующем развитии правовой системы, процессов правотворчества и правоприменения.

¹ Мкртумян А.Ю. Источники гражданского права Российской империи // Современное право. 2008. № 1-1. С. 118.

В то же время это полностью не решило данную проблему на практике, так как в значительной мере сохранялось самодержавное правление, ряд подзаконных актов исходит от императора – высшего властного авторитета, то есть мог рассматриваться на том же уровне по юридической силе, что и законы. Кроме того, российская история не дала достаточно времени для того, чтобы сложившаяся модель, связанная с пониманием природы закона и его роли, показала себя на практике.

3.2. Соотношение закона и правового обычая в Российской империи

Вопрос о соотношении закона и обычая всегда был актуален для отечественной теории права, но особую значимость он имел в период Российской империи, когда роль обычая в правовом регулировании общественных отношений была существенно выше, чем в современных условиях.

Для достижения целей настоящего исследования этот вопрос также важен, так как сопоставление с обычаем позволяет более четко выделить сущностные признаки и характеристики закона как источника права, дает возможность точнее определить роль закона в регулировании общественных отношений в Российской империи.

Соотношение закона и обычая имеет применительно к теме настоящего историко-правового исследования несколько аспектов, до сих пор не решенных окончательно в отечественной юридической науке.

Во-первых, необходимо решить вопрос о том, какой из названных источников права (закон и обычай) играл более значимую роль в регулировании общественных отношений в период Российской империи.

Во-вторых, следует уточнить, была ли юридическая сила закона при его практической реализации в дореволюционный период действительно выше, чем юридическая сила обычая.

В-третьих, требуется уточнить, как обычаи, существовавшие в период Российской империи, влияли на закон как источник права, а также непосредственно на динамику законодательства.

Ответ на эти вопросы поможет понять точное место закона в системе источников права Российской империи.

В юридической доктрине имеется множество определений обычая, которые в большинстве своем сходны друг с другом. В целях настоящего исследования предлагается придерживаться определения, сформулированного

в статье М. Г. Смирновой: «Правовой обычай как источник права – это правило поведения общего характера, исторически складывающееся в результате многократного повторения, вошедшее в привычку и обеспечиваемое государством»¹.

По нашему мнению, в этом определении в лаконичной форме отражены важные признаки обычая:

- общий, а не индивидуально определенный характер правила, что важно для отнесения нормы к праву;
- историческое формирование обычая через поведение членов общества;
- обеспеченность обычая юридической силой государства.

Кроме того, из определения можно вывести и иные признаки, с помощью которых легко обосновать отнесение обычая к праву: многократная повторяемость, регулирование общественных отношений, возможность санкций за неисполнение.

Представляет интерес позиция Н. В. Дашковской, которая к признакам правового обычая относит следующие: «1) складывается в результате многократного повторения определенных действий; 2) источником его формирования служит общественное сознание; 3) обычай в значительной мере отражает уровень развития общества на конкретном этапе; 4) действие его имеет достаточно локальный характер; 5) отражает коллективное представление о справедливом характере права»².

Сходные по смыслу определения правового обычая дают и иные ученые. Например, В. В. Лазарев предлагал понимать под правовым обычаем «правило поведения, которое сложилось исторически в силу постоянной повторяемости и признано государством в качестве обязательного»³. В данном определении в

¹ Смирнова М.Г. Правовой обычай в системе источников российского права // Ленинградский юридический журнал. 2007. № 1. С. 42.

² Дашковская Н.В. Применение правовых обычаев в деятельности волостных судов Российской империи // Вестник МГПУ. Серия «Юридические науки». 2014. № 4. С. 89.

³ Общая теория права и государства: учебник / под ред. В. В. Лазарева. М., 2015. С. 43-44.

достаточно лаконичной форме выражены ключевые признаки обычая и его сущность.

Правовой обычай легко отделить от обычая неправового, если подходить к этому вопросу с позиций нормативного правопонимания. В этом случае важнейшим признаком становится именно санкционирование, то есть фактически защита данного правила государством. Об этом убедительно писал еще Г. Ф. Шершеневич¹, а в современное время – В. М. Баранов². Пока обычай не получил поддержку государства, он не может рассматриваться в качестве нормы права, то есть не является его источником.

В то же время если отойти от нормативного правопонимания и признать, что право может существовать и развиваться без государства либо до его появления, трактовка правового обычая может поменяться, для его определения и дифференцирования может потребоваться набор иных не связанных с государством принципов, но их рассмотрение не входит в число задач настоящей работы.

И. Б. Ломакина рассматривает обычай как «разновидность социального права, а вернее одну из форм его существования. В отличие от государственно организованного права обычное право связано не с условиями возникновения государства, а с условиями становления человеческой социальности»³.

Цитируемый автор справедливо подчеркивает важную роль обычая в конструировании правопорядка. С позиций юридической антропологии такое конструирование осуществляется человеком, который, с одной стороны, находится в рамках действующего законодательства, ограничивающего определенные модели повеления и стимулирующего другие, но с другой стороны, вынужден учитывать обычаи, существующие в социуме. В итоге

¹ Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. М., 1995. С. 38.

² Баранов В.М. Формы (источники) права // Общая теория права / под ред. В.К. Бабаева. Н.-Новгород, 1993. С. 251.

³ Ломакина И.Б. Обычай и правопорядок в антрополого-правовой перспективе // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2021. № 3. С. 11.

наблюдается определенная конкуренция закона и обычая, которые в то же время дополняют друг друга.

У закона и обычая разные мотивы формирования. Первый выражает волю государства, точнее правящих элит, а в конечном итоге – волю экономически господствующего класса либо (в идеале) волю широких слоев населения. Обычай складывается в определенной и ограниченной части общества, отражает интересы и потребности его членов. В результате он ближе к конкретным людям по сравнению с нормами законов, принимаемыми государственной властью, нередко оторванной от чаяний народа, не имеющей полной и правдивой информации о его реальных нуждах.

Исторически обычай предшествует закону по времени возникновения. Можно предположить, что в обществах, которые находились на ранних этапах развития, именно обычай играл главную роль в системе формирующегося права. На его основе разрешалось большинство спорных вопросов между членами общества. Г.В. Мальцев, посвятивший роли обычая в праве обстоятельное исследование, полагал, что обычай – это «сопутствующий развитию человечества от его древнего состояния до современности социальный институт, выполняющий регулятивные функции в человеческих сообществах и группах в целях упорядочения отношений между людьми»¹.

Специфика обычая как источника права, по мнению Г.В. Мальцева, состояла в том, что он возникал в самом обществе, в рамках конкретной культуры и при этом выполнял важную функцию – транслировал членам социума определенное правило поведения, принятое и поддерживаемое правящей верхушкой. Ученый полагал, что обычай «является единственным источником, универсальной формой древнего права. Применительно к

¹ Мальцев Г.В. Очерк теории обычая и обычного права // Обычное право в России: проблемы теории, истории и практики. Ростов н-Д.: СКАГС, 1999. С. 7.

прошлым обществам и культурам можно говорить о господстве обычая в соционормативной сфере»¹.

Представляется крайне важной мысль цитируемого автора о том, что обычное право, формируемое совокупностью существующих обычаев, – «это не переходная форма, а фундаментальное явление, проходящее через всю правовую историю»². Эту мысль подтверждает тот факт, что и в современной России, вступающей в постиндустриальное общество, обычай сохраняет свое действие в качестве официально признанного источника права, например, возможность его применения предусмотрена Гражданским кодексом Российской Федерации.

Обычай играет в праве важнейшую роль – он сохраняет преемственность в правовом регулировании, передается в виде правовой традиции и тем самым способствует воспроизводству соционормативной системы, отвечающей воззрениям данного конкретного народа. Именно это свойство обычая имели в виду представители немецкой исторической школы права, оказавшей большое влияние на развитие отечественной дореволюционной юриспруденции, когда писали о «народном духе». В условиях социальной нестабильности, а тем более глобальных трансформаций обычаи в праве могут стать важным звеном так называемой социальной эстафеты, выполняющим системообразующую роль для нации, удерживая социум от распада, способствуя сохранению правовых ценностей и передаче их между поколениями.

Обычай в праве – элемент стабильности как для государства, так и для общества, и в кризисные моменты истории это проявляется наиболее отчетливо и наглядно. В связи с этим представляется неверным рассматривать его как архаичный источник права, характерный только для древних обществ

¹ Мальцев Г. В. Очерк теории обычая и обычного права // Обычное право в России: проблемы теории, истории и практики. Ростов н-Д.: СКАГС, 1999. С. 7.

² Там же.

и затем по мере развития государственности вытесняемый другими правовыми формами, прежде всего законом. Сосуществование закона и обычая – это не только борьба между ними, но и эффективное взаимодействие, способствующее правопорядку и стабильному социальному развитию.

В процессе создания и принятия новых законов законодатель не может и не должен игнорировать существующие обычаи, так как они – часть правовой системы общества, изначально определяющая границы должного и запрещенного поведения, а также его моральные основы и общий консенсус по поводу такого поведения. «Мировоззрение народа о нравственном и справедливом выражается в обычном праве»¹.

Обычай получает правовое значение после его санкционирования государством. Таким образом, фактически санкционирование обычая – это тоже вид правотворчества. Существует два основных способа санкционирования обычая: судом и законодательством. Во втором случае он еще больше сближается с законом, становится в зависимость от него. Более того, норма обычая при определенных условиях может превратиться в норму закона. В данном аспекте можно усмотреть проявление некоторого его сходства с законом. Но наличие последнего не означает, что между данными источниками права нет противоречий, проявляющихся при более глубоком и конкретном рассмотрении.

Санкционирование обычая с помощью законодательства возможно в двух вариантах.

В первом случае закон санкционирует обычай, отсылая к нему, то есть с помощью бланкетной нормы.

Во втором случае закон непосредственно включает обычай в свой текст. В итоге норма обычая превращается в законодательную.

¹ Ефименко А. Исследования народной жизни. Выпуск первый: обычное право. М., 1884. С. VI.

Рассуждая о санкционировании обычая законом, В.А. Рыбаков подчеркивал: «Санкционирование с помощью прямого разрешения закона предполагает наличие в бланкетной норме разрешения использовать обычай»¹. В аналогичном ключе писал и С.Л. Зивс в своем известном труде по источникам права, полагая, что санкционирование обычая нормативным актом осуществляется «лишь путем отсылки, без прямого (текстуального) его закрепления в нормативном акте»².

По нашему мнению, если речь идет не просто о санкционировании какой-то сложившейся нормы, наделении ее силой права, а о включении уже существующего правового обычая в текст законодательного акта, то правомерен вывод о прямом текстуальном закреплении этой нормы в законе.

По мнению И. Б. Ломакиной, следует различать правовой и юридический обычай. Первые, как полагает автор, представляют собой разновидность социального права, формирующуюся в процессе правовой деятельности. «Юридическая же деятельность связана с формально-официальной стороной права, т.е. с таким видом деятельности, который наделяется со стороны власти юридической значимостью и реализуется обществом в культурных практиках с учетом первичных источников (детерминант развития) – материальных условий жизни и ментальности»³. Отсюда следует, что «юридические обычаи выступают по отношению к правовым как часть и не покрывают всего понятия правового обычая»⁴. После санкционирования юрисдикционными органами правовые обычаи приобретают статус юридических и именно в этом статусе они «конституируют традиционный правопорядок наряду с традиционными

¹ Рыбаков В.А. Правовой обычай: прошлое и настоящее // Современное право. 2009. № 3. С. 13.

² Зивс С.Л. Источники права. М., 1981. С. 161.

³ Ломакина И. Б. Обычай и правопорядок в антрополого-правовой перспективе // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2021. № 3. С. 11.

⁴ Там же.

ценностями, принципами и институционализированной деятельностью в социально-значимой сфере»¹. Данная позиция представляет интерес и может быть использована в последующих исследованиях роли обычного права в дореволюционной России, в том числе в контексте соотношения обычая с иными источниками права, включая закон.

В разных правовых системах обычаи играют неодинаковую роль, и их соотношение с законом также может различаться. Именно наличие множества нюансов в вопросах взаимодействия разных источников (форм) права и придает юридической карте мира привычное разнообразие, создает интересную картину различных правовых семей, имеющих в мире.

Ученые, исследовавшие роль обычаев в процессе развития российской правовой системы, отмечали раннее возникновение этой формы права, ее значимую роль в регулировании самых разных отношений, прежде всего в крестьянской и купеческой среде, в сфере имущественного оборота, брачно-семейных и торговых отношений, а также наследования².

По мнению И.В. Минникес, применительно к периоду Российской империи можно выделить два вида обычаев: дополняющие и самостоятельные. «Первый вид – это обычаи, на которые имеется ссылка в законодательстве (правовые обычаи), и те обычаи, которые восполняли пробелы в законе, хотя прямо и не обозначены законодателем. Они действовали как дополнение правовых установлений. Например, в соответствии с Уставом торговым в торговых делах суд может обращаться к обычаям при отсутствии нормативно-правового регулирования данного спора. Другой вариант – неполнота правового регулирования. Так, закон предусматривал возможность отсрочки или рассрочки исполнения обязательств. Обычай дополнял эту норму приемлемыми сроками, например

¹ Там же.

² См., напр.: Лясович Т.Г. Обычай делового оборота в системе источников гражданского права дореволюционной России (историко-правовой аспект) // Российское право онлайн. 2021. № 1. С. 29.

после сбора крестьянами урожая... Второй вид – обычаи, имевшие самостоятельное значение. Эти обычаи функционировали как самостоятельные правила, иногда даже идущие вразрез с нормами права. Так, в некоторых местностях обычай допускал такой способ обеспечения обязательств, как отобрание вещи у должника или у третьего лица, хотя этот способ законодатель совершенно не одобряет. Кроме того, в некоторых местностях в крестьянской среде большое значение имел факт свадьбы. Венчание в этом смысле не означало вступления в брак до тех пор, пока не состоялось свадебное пиршество. Закон имел совершенно противоположный взгляд на эту проблему»¹.

Большое значение обычного права, которое оно приобрело в правовой системе Российской империи, в первую очередь в регулировании крестьянской повседневной жизни, зависело от специфики исторического развития общества и государства. Страна почти постоянно увеличивала свою территорию, присоединяла все новые окраины вместе с населявшими их народами, потому требовалось организовывать систему управления и правового регулирования с учетом данного фактора, приобретающего немаловажное значение. Одним из средств организации управления на окраинах страны и предотвращения антиправительственных выступлений стало сохранение обычаев, исторически сложившихся у присоединяемых народов².

Важным обстоятельством, определившим роль обычаев в дореволюционной России, стало подавляющее преобладание в структуре населения крестьянства, веками сохранявшего присущий ему общинный строй жизни и ведения хозяйства. Консервация крестьянской общины, выгодная правительству из-за его управленческих и фискальных задач, определяла

¹ Минникес И.В. Обычай как источник русского права: историко-правовой анализ // История государства и права. 2010. № 15. С. 9.

² Пашенцев Д.А. Исторический опыт правового регулирования межнациональных отношений в Российской империи // Вопросы истории. 2021. № 12–5. С. 229–236.

выраженную потребность в сохранении и защите обычного права крестьянского населения. В связи с этим стоит отметить, что, когда были созданы волостные суды, выполнявшие в отношении государственных крестьян и управленческие, и судебные функции, им было предписано решать дела на основе крестьянских местных обычаев, даже если последние противоречили действующему законодательству¹.

Имперская форма российского государства в XVIII – начале XX века предполагала присоединение и освоение прилегающих территорий, покорение населявших их народов. В связи с этим требовалось использование «более гибких методов управления и специфических, характерных для каждой окраины органов и учреждений, привлечения к управлению местной феодальной верхушки»². По мнению исследователей, «управлять территориями, населенными многочисленными народами, входившими в состав России в разное время, на основе унифицированной модели организации местного самоуправления, суда, земельных отношений было невозможно»³.

В начале XIX в. в законодательстве Российской империи появилась новая категория населения – инородцы. Как отмечает Н.Н. Андреева, «инородцы – это нерусское коренное население колонизируемых территорий, наделенное особыми правами и обязанностями состояния и имеющее особый порядок управления, отличный от общероссийского»⁴.

¹ Пашенцева Д. Д. Акты волостных судов и их роль в регулировании правового поведения крестьян в Российской империи // Правовое поведение: классические и современные модели. Сборник научных трудов. М.-Саратов: Саратовский источник, 2022. С. 182.

² Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. 3-е изд., перераб. и допол. М., 1983. С. 144.

³ Киор В.Б. Государственная национальная политика в имперской России // Вестник РГГУ. Серия: Политология, история, международные отношения, зарубежное регионоведение, востоковедение. 2010. № 4. С. 205.

⁴ Андреева Н.Н. Правовой статус восточных инородцев по законодательству Российской империи (1822–1905 гг.). М.: МГПУ, 2019. С. 12.

В соответствии со Сводом законов Российской империи под инородцами понимались «некоторые племена, поставленные по их правам состоянием и по управлению ими в особое положение»¹.

«Устав об управлении инородцев», составленный М.М. Сперанским, был утвержден в 1822 г. Этот акт разделил всех «инородцев» на три категории: оседлых, кочевых и бродячих. Он установил, что кочевые инородцы должны управляться на основе своих законов и обычаев, эти же законы и обычаи применялись в отношении них в суде по гражданским делам и даже частично по делам уголовным².

Итак, значительная часть населения Российской империи в своей повседневной правовой практике использовала преимущественно обычаи. Законы империи оставались для этой части населения чем-то далеким, не играющим важной роли, не оказывающим существенного влияния на повседневную жизнь, статус и благополучие.

В то же время для русских дореволюционных юристов, стоявших на нормативистских позициях, вопрос о существенной роли обычая не всегда был столь очевидным. Например, Г.Ф. Шершеневич, рассматривая место обычая в системе правового регулирования общественных отношений, фактически отдавал приоритет закону. По мнению ученого, все право исходит от государства, обычаи же складываются в обществе независимо от него. Если по воле государства обычаи получают статус правовых норм, то происходит это, как правило, с помощью принятия соответствующих нормативных правовых актов. Таким образом, закон как нормативный правовой акт становится правом первого порядка, а правовой обычай – это право второго порядка, то есть подчиненное и вспомогательное³.

¹ Градовский А.Д. Начала русского государственного права: в 2-х т. Т. 1. М.: Зерцало, 2000. С. 408.

² Пашенцев Д.А. Исторический опыт правового регулирования межнациональных отношений в Российской империи // Вопросы истории. 2021. № 12–5. С. 229–236.

³ Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права. М., 1912. С. 46 – 47.

Реальная правовая практика в определенной мере противоречила нормативизму воззрений Г. Ф. Шершеневича. Как отмечают современные исследователи, даже принятие Свода законов Российской империи, существенно повлиявшее на возрастание роли закона в регулировании общественных отношений, не отменило множества обычаев и обыкновений, применявшихся в сфере торговли и в смежных с ней отношениях¹. Именно на эти обычаи, а не на нормы законов продолжали ориентироваться русские купцы при заключении сделок, порой очень крупных. Для этого времени типичны попытки систематизировать применявшиеся в торговле обычаи, создать неофициальные сборники, не имевшие юридической силы, но сегодня выступающие интересным источником для исследования².

Вопрос о применении обычаев возникал и в судебной практике, при этом в ряде случаев оно служило восполнению имевшихся пробелов в законодательном регулировании. Дискуссионным был вопрос о том, насколько суд свободен в выборе применимого права, в каких случаях он мог выносить решение в отсутствие закона, регулировавшего тот или иной конкретный вопрос.

В Уставе торгового судопроизводства (ст. 148, 327) «коммерческим судам дозволялось, за недостаточностью законов, обосновывать свои решения на «примерах» решений, в том же суде состоявшихся»³.

В соответствии со ст. 10 Устава гражданского судопроизводства «суд обязан решить дело по разуму существующих законов, не останавливая решения под предлогом неполноты, неясности или противоречия в оных»⁴.

¹ Лясович Т.Г. Обычай делового оборота в системе источников гражданского права дореволюционной России (историко-правовой аспект) // Российское право онлайн. 2021. № 1. С. 31.

² В 1912 году Российский Союз промышленников и предпринимателей утвердил 7 принципов ведения дел в России // <http://iamruss.ru/sem-printsipov-vedeniya-del-v-rossii-v-1912-godu/>

³ Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. Т. 2. М., 1995. С. 89.

⁴ Цит. по: Победоносцев К.П. Судебное руководство. М., 2004. С. 102

В решении Правительствующего Сената № 174 в 1880 г. установлено, что при рассмотрении наследственных дел и вопросов опеки у крестьян обычай может быть применен даже в том случае, если он противоречит закону¹.

Представляет интерес мнение известного дореволюционного ученого-процессуалиста Е.В. Васьковского, который писал, что «несмотря на все старания, несмотря на самое тщательное соблюдение всех правил толкования, суд не в состоянии установить с полной достоверностью норму, необходимую ему в качестве большой посылки для построения силлогизма. Тогда-то, ввиду невозможности обратиться за указанием и разъяснением к законодателю, открывается простор для судейского усмотрения. Это происходит в двух случаях: во-первых, если, несмотря на применение всех средств и приемов толкования, закон остался двусмысленным, а во-вторых, если из постановлений законодательства можно сделать с одинаковой достоверностью или вероятностью различные выводы относительно данного вопроса. В обоих случаях суду предоставляется выбор между несколькими решениями вопроса. Так как все они одинаково возможны и так как, следовательно, суд вправе избрать любое из них, то само собою понятно, что, в интересах наиболее полного достижения идеалов правосудия, он должен предпочесть то решение, которое лучше, т. е. при котором толкуемые законы оказываются наиболее совершенными»².

По мнению современников, вопрос о соотношении обычая и закона требовал более подробного регулирования, подразумевавшего установление в законе случаев и способов применения обычаев: законодательство «обязано регулировать обычное право, точно определить его место и район действия –

¹ Дорская А.А. Развитие системы права в России: проблема периодизации // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Юридические науки». 2011. № 2. С. 53.

² Васьковский Е.В. Судейское усмотрение при толковании законов // Право. 1901. № 50. С. 222.

это прямой долг законодательства по отношению к тому огромному большинству населения, которое руководствуется в своей правовой жизни почти исключительно нормами обычного права»¹.

Таким образом, обычай в Российской империи играл важную роль в регулировании общественных отношений, конкурируя при этом с иными источниками права, в том числе с законом. Представляется возможным выделить три крупные сферы общественной жизни, в которых обычаи играли не меньшую, а порой даже большую роль в регулировании отношений по сравнению с нормами действовавшего законодательства.

Первая сфера – это взаимоотношения между крестьянами, прежде всего по вопросам землепользования, наследования, семьи и брака, мелких проступков и исполнения государственных повинностей. Крестьяне и установленные для них волостные суды имели мало представлений о действовавшем законодательстве, предпочитали руководствоваться теми правилами и нормами, которые исторически сложились в их быту и соответствовали их образу жизни и ведению хозяйства.

Вторая сфера – отношения в быту и хозяйстве нерусских народов, населявших Российскую империю («иногородцев»): как оседлых, так и кочевых. Правительство допускало для этой категории населения, часть из которых только недавно вошла в состав империи, использование собственных обычаев.

Третья сфера – торговые и иные сделки в среде купеческого сословия, где обычаи могли более гибко регулировать самые разнообразные торговые отношения, в том числе не предусмотренные законодательством.

Именно в этих сферах обычай в наибольшей степени конкурировал с законом, порой оттесняя законодательные установления на второй план по сравнению с нормами обычного права, играя важную роль в регулировании разнообразных общественных отношений.

¹ Ефименко А. Исследования народной жизни. Выпуск первый: обычное право. М., 1884. С. VIII.

Представляется также возможным выделить конкретные правовые институты, в рамках регулирования которых «противостояние» закона и обычая проявлялось наиболее отчетливо. К их числу стоит отнести право собственности на землю – важнейшее средство производства в аграрной стране, заключение брака, имущественные отношения в семье, наследование имущества¹, обязательственное право².

В целом обычай сохранял в период Российской империи важное значение в регулировании общественных отношений, конкурируя в этом вопросе с законом. В ряде случаев последний играл менее важную роль по сравнению с обычаем. Это объяснялось несколькими причинами, вытекавшими из всего государственного и общественного строя Российской империи: как социально-экономического, так и политического. К их числу можно отнести следующие:

- существенное количественное преобладание крестьян в общей массе населения при сохранении общинных землепользования и податной системы;
- наличие большого числа самых различных народов, присоединенных к Российской империи и проживавших на ее окраинах, что в условиях значительных расстояний осложняло управление ими на основе единых законов;
- своеобразие ведения торговых дел купеческим сословием, которое занимало в сфере торговых отношений монопольное положение и при этом сохраняло немногочисленность.

Исследование показало, что в правовой системе Российской империи отмечалось противоречие между законом и обычаем, которое в той или иной степени характерно почти для любой правовой системы. В различных

¹ Игнатъева Е. Ю. Применение норм обычного права у крестьян в семейных вопросах во второй половине XIX – начале XX века // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 4. С. 16 – 22.

² См.: Обычное право России: теоретико-правовой и историко-правовой аспекты. М.: Юрлитинформ, 2019. С. 97-99.

условиях это противоречие разрешается по-разному. В период империи оно не могло быть полностью разрешено в силу названных выше факторов, которые можно отнести к числу дрящущихся. Они вытекали из сущности и исторического пути формирования и развития отечественной государственности. Преобладание крестьянства в структуре населения, длительное сохранение крепостного права, консервация крестьянской общины, отсутствие эффективной судебной системы – все эти и иные факторы определяли важную роль обычая в правовой системе Российской империи, его конкуренцию с законом.

По мере правового развития роль законов возрастала, их значение усиливалось за счет проводившейся систематизации законодательства. Тем не менее, обычное право продолжало играть важную роль в регулировании общественных отношений, разделяя с законом сферы регулирования, существуя в значительной мере обособленно от него. Законодатель, в свою очередь, старался в некоторой степени учитывать роль и значение обычного права.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование позволило успешно решить поставленные в работе задачи и на этой основе сделать новые выводы, имеющие значение для историко-правовой науки.

Теория закона – важная составная часть современной теории права. Ее развитие в условиях высокой динамики общественных отношений и соответствующей трансформации моделей правового регулирования требует обращения к отечественному историко-правовому опыту, который свидетельствует о богатой истории законотворческой практики, о длительном пути эволюции и самих законодательных форм, и научных представлений о них. Несмотря на значительное количество исследований, в том числе принадлежащих перу выдающихся правоведов прошлого и настоящего, история развития закона как источника права, его особенности, вопросы соотношения с другими правовыми формами остаются до настоящего времени недостаточно разработанными как в теоретическом, так и научно-практическом отношении. В современных условиях, когда отмечается переход к новой научной парадигме, сопряженный с богатством методологического плюрализма, имеется возможность раскрыть новые аспекты данной проблематики с помощью междисциплинарного синтеза и достижений постклассической юриспруденции, открывающей новый ракурс в правоведении.

В силу особенностей исторического развития российской правовой системы закон получил не только статус главного источника права, он в течение веков выступал системообразующим элементом правовой системы, сочетавшим представления о правовом идеале и высшей юридической силе из-за его происхождения от воли самодержца как высшего властного и правового авторитета. Однако понимание закона как акта, исходящего от главы государства, пусть даже обладающего неограниченной властью, не отвечает

современным представлениям о законе и его специфике, а также основополагающим чертам закона, имманентно присущим ему.

В работе обоснованы исторические предпосылки развития закона, под которыми предлагается понимать те основополагающие факторы, которые сформировались в далеком прошлом и сохранялись в течение длительного времени. Эти факторы, типичные для отечественного исторического развития, определили особую роль закона в правовой системе России, обусловили его первенство среди правовых форм, направленных на регулирование общественных отношений, выделяясь среди них как по юридической силе, так и по степени социально-политической значимости. К их числу, как обосновано в работе, можно отнести социально-экономические, политические, религиозные и непосредственно юридические предпосылки.

В качестве исторических предпосылок развития закона как источника права, генетически обусловленных богатой и крайне сложной российской историей, предлагается выделить следующие.

Во-первых, большое значение всегда имела воля главы государства, который из князя эволюционировал в самодержца и помазанника Божия. Она проявлялась в принятии единого правового акта или нескольких актов от его имени, что придавало им высшую силу.

Во-вторых, российское государство формировалось и развивалось путем расширения территории, присоединения окраин, вовлечения их в свою политико-правовую систему. Из этого закономерно вытекало стремление государства в силу постоянного процесса централизации как жизненно важной задачи иметь централизованное законодательство в виде единого для всей страны закона.

В-третьих, в силу официального характера христианской религии, фактического сращивания Русской православной церкви с государством многие законодательные нормы как по духу, так и по форме образовывались под влиянием церковных установлений. Наиболее ярко это проявлялось в брачно-семейном законодательстве.

В-четвертых, для российской правовой системы было всегда характерно стремление к иностранным заимствованиям, перенесению зарубежных законодательных норм и институтов, вплоть до целых обширных актов, на отечественную почву. Далеко не всегда такие заимствования успешно приживались, положительно влияя на регулирование общественных отношений. Порой они оставались чужеродным элементом, не оказывавшим серьезного влияния на повседневную правовую практику.

В-пятых, большое количество самых разных народов, включаемых в правовое пространство России, определяло необходимость в частичном сохранении национальных юридических обычаев, их повседневном использовании, что детерминировало особое, уникальное соотношение обычного права и законодательства. В результате круг общественных отношений, регулировавшихся законодательством, был серьезно ограничен, что сочеталось с охранением высшей юридической силы закона как источника права.

Ситуация осложнялась тем, что в период Российской империи не был в легальном порядке решен вопрос о юридическом определении закона и последующем установлении его четкого места в системе правовых актов. Существовало множество правовых форм, при этом оставалось неясным, какую из них следовало относить к законам, а какую – к подзаконным актам. Общепринятый в мировой юридической практике критерий – определение законов на основе принятия их представительным органом с последующим утверждением главой государства – был неприменим из-за отсутствия народного представительства в условиях самодержавной монархии. Ситуация изменилась только в 1906 году, когда была создана первая Государственная Дума, одним из полномочий которой согласно статье 86 Основных государственных законов Российской империи в редакции от 23 апреля 1906 года стало принятие законов (совместно с Государственным советом и императором). В итоге четкое и легальное понимание того, какой именно акт

должен считаться законом, существовало в Российской империи краткий период с 1906 по 1917 гг.

Исследование историко-правового опыта позволило предложить авторскую классификацию законов. В диссертации обосновано, что законы применительно к периоду Российской империи могут быть классифицированы по нескольким основаниям:

- по территории действия: на общеимперские (действовали на всей территории страны) и региональные (распространявшие свое действие только на территорию определенной местности);

- по кругу лиц: на общие (распространявшиеся на всех подданных) и специальные (распространявшие свое действие на определенный круг лиц, например, Устав об управлении инородцев);

- по сфере действия: распространявшие свое действие на всю сферу общественных отношений (Основные государственные законы) и действовавшие применительно к определенной конкретной сфере (Вексельный устав);

- в зависимости от прохождения через систему государственных органов: поступившие от Сената, Синода, Комитета министров, императора;

- по порядку вступления в силу: обыкновенные и чрезвычайные.

Указанный подход к классификации законов является не единственно возможным, скорее альтернативным, что не исключает возможности его использования в процессе дальнейшего исследования соответствующей проблематики, сохраняющей свою научную значимость.

В работе проанализированы особенности понимания закона как источника права, характерные для политико-правовой мысли Российской империи. Эти особенности, а также направления исследования законов во многом определялись борьбой двух противоположных тенденций. Представители первой из них предлагали считать критерием закона его происхождение от высшей власти в государстве, то есть императора. Вторая позиция основывалась на понимании закона в контексте теории разделения

властей. При таком подходе главным признаком закона выступает его принятие органом представительной (законодательной) власти. Выраженное и принципиальное противоречие между указанными позициями было разрешено в результате принятия новой редакции Основных законов Российской империи 23 апреля 1906 г., хотя вопрос о создании в начале XX века конституционной монархии в России, предполагавшей элементы разделения властей, до сих пор остается дискуссионным как среди историков права, так и среди ученых-конституционалистов. Авторская позиция состоит в том, что с принятием новой редакции Основных законов Российской империи 23 апреля 1906 г. в стране появился законотворческий процесс, основанный на идее разделения властей, и был создан представительный орган в лице Государственной Думы Российской империи.

Развитие закона как источника права в период Российской империи имело выраженные особенности, которые определялись целым рядом значимых историко-политических и социально-экономических факторов. В связи с этим в работе поставлен и решен вопрос об исторических предпосылках развития закона.

Под ними предлагается понимать те основополагающие факторы, которые имели место в прошлом и сохранялись в течение длительного времени. Именно они обусловили особую роль закона в правовой системе России, его первенство среди правовых форм, направленных на регулирование общественных отношений как по юридической силе, так и по степени значимости. К ним, по мнению диссертанта, относятся социально-экономические, политические, религиозные и непосредственно юридические предпосылки.

В работе выделены и обоснованы исторические предпосылки развития закона как источника права в Российской империи, которые связаны с особенностями географического положения страны, ее многонациональным и полирелигиозным населением, с исторической судьбой, которая означала постоянную борьбу против агрессивных соседей, расширение территории,

стремление к централизации и сакрализации власти, с влиянием православной церкви. Эти предпосылки определили особую роль закона и ее понимание, тягу к иностранным заимствованиям, своеобразие в действии законов в пространстве и по кругу лиц, ограниченное влияние законов на развитие общественных отношений у большинства населения страны при сохранении его высшей юридической силы.

В результате комплексного воздействия названных факторов сложились те особенности закона как источника права, которые были характерны для периода Российской империи.

- отсутствие четкого разграничения законов и подзаконных нормативных актов;
- объективная обусловленность юридической силы закона процессами централизации государства и постоянным расширением его территории;
- слабый охват законодательным регулированием отношений между крестьянством и «инородцами» в силу распространенности обычая при одновременном большом количестве принимавшихся законодательных актов.

Важным методом исследования закона в Российской империи стало его сравнение с иными, «конкурирующими» источниками права: подзаконным актом (указом) и правовым обычаем. Отмечено, что правовой обычай сохранял в период Российской империи важное значение в регулировании общественных отношений. Более того, в ряде случаев на практике закон играл менее значимую роль по сравнению с обычаем. Это можно объяснить несколькими причинами, вытекавшими из всего государственного и общественного строя Российской империи – как социально-экономического, так и политического. К их числу в работе предлагается отнести следующие:

- существенное количественное преобладание крестьян в общей массе населения при сохранении общинных землепользования и податной системы;
- наличие большого числа самых различных народов, присоединенных к Российской империи и проживавших на ее окраинах, что в условиях

значительных расстояний осложняло управление ими на основе единых законов;

- своеобразии ведения торговых дел купеческим сословием, которое занимало в сфере торговых отношений монопольное положение и при этом сохраняло немногочисленность.

В диссертации подчеркнута своеобразии понимания закона в Российской империи, выявлены особенности того места, которое он занимал в системе источников права, показаны основные направления научных дискуссий по данному направлению.

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие рекомендации:

- органам государственной власти – поддержать инициативу Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации по принятию федерального закона «О нормативных правовых актах в Российской Федерации»;

- научному сообществу – продолжить исследование вопросов теории и истории закона, в том числе применительно к периоду Российской империи;

- преподавателям – акцентировать внимание студентов-юристов на особенностях исторического развития закона как источника права;

- юридическому сообществу – консолидировать усилия по обеспечению качества законов с учетом уроков соответствующего историко-правового опыта.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I. Нормативные правовые акты и проекты законов

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (в ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ. 05.12.1994, № 32, ст. 3301.
3. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ // Собрание законодательства РФ. № 31, 03.08.1998, ст. 3824.
4. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 03.08.1998, № 31, ст. 3823.
5. Постановление Правительства РФ от 30.04.2009 № 389 (ред. от 29.08.2020) "О мерах по совершенствованию законопроектной деятельности Правительства Российской Федерации" // Собрание законодательства РФ. 11.05.2009, № 19, ст. 2346.
6. Постановление Правительства РФ от 15.04.2000 № 347 (ред. от 17.03.2009) "О совершенствовании законопроектной деятельности Правительства Российской Федерации" (утратило силу) // Собрание законодательства РФ. 24.04.2000. № 17, ст. 1877.
7. О нормативных правовых актах в Российской Федерации (проект федерального закона). 6-е изд., перераб. и доп. / рук. авт. коллектива Т.Я. Хабриева, Ю.А. Тихомиров – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2021. – 96 с.

II. Нормативные правовые акты Российской империи

8. Основные государственные законы Российской империи (в редакции от 23 апреля 1906 года) // Свод законов Российской империи (далее – СЗ РИ). Т. 1. Ч. 1. СПб., 1906.

9. Общее учреждение министерств от 25.06.1811 г. // Полное собрание законов Российской империи (далее - ПСЗ РИ). Собрание 1. Т. 31. № 24686.

10. Манифест об учреждении министерств от 08.09.1802 г. // ПСЗ РИ. Собрание первое. Т. 28. № 20406.

11. Устав вексельный от 16 мая 1729 года // ПСЗ РИ. Собр. 1. СПб., 1830. Т. 8. 1014 с.

12. Указ «О чеканке и выпуске в обращение золотой монеты» // ПСЗ РИ. Собр. 3. 1897. Т. 17. № 14504.

13. Указ «Об основаниях обращения серебряной монеты» от 28 марта 1898 года // ПСЗ РИ. Собр. 3. 1898. Т. 18. № 15187.

14. Именной Указ, данный Сенату «Об отмене действия некоторых узаконений, изданных к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» // СЗ РИ. Продолж. по 30 июня 1883 г. Б.Г., Б.М. Прил. 1 к прим. 2, Ст. 1.

15. Манифест «О призыве всех верных подданных к служению верою и правдой Его Императорскому Величеству и Государству» // ПСЗ РИ. Собр. 1. СПб., 1885. Т. 1.

16. Манифест «Об учреждении министерств» от 2 сентября 1802 г. // ПСЗРИ. Собр. II. – СПб., 1875. Т. 27. Ст. 20406.

17. Положение Комитета министров «О мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» от 14 августа 1881 г. // ПСЗ РИ. Собр. 1. СПб., 1885. Т. 1. Ст. 350.

18. Общее положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости // ПСЗ РИ. Собр. 2. Т. 36, отд.1, №36657.

19. Положение о Крестьянском поземельном банке от 18 мая 1882 г. // ПСЗРИ. Собр. III. – СПб., 1875. Т.2. Ст. 894.

20. Положение о губернских и уездных земских учреждениях от 1 января 1864г. //ПСЗ РИ. Собр. 2. Т. 39, отд.1, №40457.

21. Городовое положение от 16 июня 1870г. // ПСЗ РИ. Собр. 2. Т. 45, отд. 1, № 48498.

22. Учреждение судебных установлений от 20 ноября 1864г. // ПСЗ РИ. Собр. 2. Т. 39, отд. 2, № 41475.

23. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года / Издано проф. Имп. Училища правоведения... Н. С. Таганцевым .- 5-е изд., доп.- СПб.: тип. М. Стасюлевича, 1886.- [4], 714 с.

24. Новое уголовное уложение, выс. утв. 22 марта 1903 г. : С прил. предм. алф. указ. - Неофиц. изд. - Санкт-Петербург : кн. маг. В.П. Анисимова, 1903. – 253 с.

25. Высочайше утвержденный Устав Ростовского-на-Дону коммерческого банка от 7 декабря 1871 г. // ПСЗ РИ. Собр. 2, т. 46, отд. 2. СПб., 1874, № 50278.

26. Сенатский указ об Уставе Московского земельного банка // ПСЗ РИ, Собр.2, т. 47. Отд. II. СПб., 1875, № 51061.

27. Устав Государственного банка от 31 мая 1860 г. // ПСЗ РИ, Собр. 2, т. 35. Отд. I. СПб., 1862, № 35847.

28. Правила о составлении, рассмотрении, утверждении и исполнении государственной росписи и финансовых смет министерств и главных управлений // ПСЗ РИ. Собр. 2. Т. 37, № 38309.

29. Высочайше утвержденное мнение Государственного совета “Об изменении и дополнении существующих ныне правил относительно открытия новых акционерных коммерческих банков” от 5 апреля 1883 г. // ПСЗ РИ. Собр. 3, т. 3. СПб., 1886, № 1484.

30. Высочайше утвержденное Положение Комитета министров “О разъяснении ст. 20 и ст. 29 Положения о крестьянском поземельном банке” // СУ, 1883, 27 мая, ст. 480.

31. Правила о составлении, рассмотрении, утверждении и исполнении государственной росписи и финансовых смет министерств и главных управлений // ПСЗРИ. Собр. II. Т. 37. Ст. 38309.

32. Правила об акцизе с сахара, с осветительных нефтяных масел и с зажигательных спичек и о продаже фосфора // СЗРИ. Собр. II. – СПб., 1893. Т. 5.

33. Правила об обнародовании печатными собраниями и листами узаконений и распоряжений правительства // СЗРИ. Собр. II. – СПб., 1892. Т. 1. Ч. 1. Кн. 4.

III. Архивные материалы

34. Государственные росписи доходов и расходов и всеподданейшие доклады министров финансов // Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 1099 – Государственный контролер Т. И. Филиппов. Оп. 1. Д. 154.

35. Записка Н.Х. Бунге по поводу восстановления налога на соль // ГАРФ. Ф. 1099. Оп. 1. Д. 335.

36. Стенограмма заседания Ученого совета ВИЮН от 19 июня 1961 года // Архив ИЗИСП. Ф. 1. Оп. 1. Д. 478.

37. Стенограмма научной сессии, посвященной теоретическим вопросам систематизации советского законодательства // Архив ИЗИСП. Ф. 1. Оп. 1. Д. 498.

IV. Научная литература

38. Абдиева Д.А., Рогачев М.А. Систематизация законодательства: опыт Российской империи // Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. – 2021. – № 2. – С. 80–85.

39. Абрамова А.И. Законодательная идея и форма ее реализации // Журнал российского права. – 2010. – № 12. – С. 65–72.
40. Абрамова А.И. Подзаконное правотворчество в современном понимании: реалии и перспективы // Журнал российского права. – 2019. – № 6. – С. 25-35.
41. Азнагулова Г.М. Место актов судебного правотворчества в системе источников российского права // Евразийский юридический журнал. – 2013. – № 11. – С. 72–74.
42. Азнагулова Г.М. Теоретические проблемы определения правовой системы общества и ее структуры // Правовое государство: теория и практика. – 2008. – № 2. – С. 7–13.
43. Алексеев С.С. Общая теория права. 2-е изд. – М.: Проспект, 2009. – 576 с.
44. Альбертий Ю.В. Вопросы законности и роли законов в трактовке отечественных правоведов 1920–30-х годов // Вестник МГПУ. Серия «Юридические науки». – 2020. – № 1. – С. 64-69.
45. Андреева Н.Н. Правовой статус восточных инородцев по законодательству Российской империи (1822–1905 гг.). – М.: ГАОУ ВО МГПУ, 2019. – 180 с.
46. Апольский Е. А. История учений о законе в государственно-правовых исследованиях Российской империи // Вестник Северо-Кавказского гуманитарно-технического института. – 2016. – № 2. – С. 71–76.
47. Баркалов О.В. Правовая доктрина русского просвещения XVIII века // Известия Алтайского государственного университета. – 2017. – № 3. – С. 13–17.
48. Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. М.: Издательство Московского университета Издательская группа ИНФРА-М. – 1998. – 624 с.

49. Биюшкина Н.И. Стратегия развития законодательства в условиях политической нестабильности во второй половине XIX – начале XX века // Юридическая техника. – 2015. – № 9. – С. 148–154.
50. Ботанцов И.В. Соотношение нормативных актов и обычаев в правовой системе Российской империи 1832–1917 гг. // Известия РГПУ имени А. И. Герцена. – 2015. № 178. – С. 25–28.
51. Братусь С.Н. О предмете советского гражданского права // Советское государство и права. – 1940. – № 1. – С. 36–52.
52. Брауде И.Л. Очерки законодательной техники. – М.: Всесоюзный институт юридических наук, 1958.
53. Брауде И.Л. Избранное: Очерки законодательной техники. Некоторые вопросы системы советского права. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2010. – 160 с.
54. Васьяковский Е.В. Судейское усмотрение при толковании законов // Право. – 1901. – № 50.
55. Вернадский Г.В. Очерк истории права Русского государства XVIII — XIX вв. (Период империи). – М.: ГПИБ. – 1998. – 178с.
56. Викулин А.Ю. Основы законодательной дефектологии. Часть первая: Введение. – М.: Новые печатные технологии, 2019. – 116 с.
57. Виноградов П. Г. Очерки по теории права. 2-е изд. – М.: Ленард, 2015. – 160 с.
58. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. – Ростов-на-Дону: «Феникс», 1995. – 640 с.
59. Галузо В.Н. Систематизация российского законодательства (1649–1913) // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2008. – № 6. – С. 116–120.
60. Головина А.А. Актуальные тенденции развития системы российского законодательства // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2018. – № 4 – С. 102–110.

61. Головина А.А. Проблема критериев отраслеобразования в системе современного российского права и некоторые пути ее решения // Право и государство: теория и практика. – 2011. № 8. – С. 29 – 33.
62. Государственные финансы России: XIX – первая четверть XX века: учебное пособие для вузов. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2003. – 301 с.
63. Градовский А.Д. Начала русского государственного права в 2 т. / под ред. и с предисл. В.А. Томсинова. – М.: Зерцало, 2000. – Т.1. – 472 с.
64. Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности / пер. с франц. – М.: Прогресс, 1988. – 496 с.
65. Дашковская Н.В. Применение правовых обычаев в деятельности волостных судов Российской империи // Вестник МГПУ. Серия «Юридические науки». – 2014. – № 4. – 89–93 с.
66. Дворкин Р. Империя права / пер. с англ. С. Моисеева; под науч. ред. С. Коваль, А. Павлова. — 2-е изд. — Москва : Издательство Института Гайдара, 2021. – 592 с.
67. Долакова М.И. Финансово-экономические реформы С.Ю. Витте // Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки». – 2015. – № 1. – С. 15–20.
68. Дорская А.А. Взаимодействие уголовного и процессуального права Российской империи с церковным правом // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2005. – Т. 5. – № 11. – С. 255–269.
69. Дорская А.А. Периодизация истории государства и права Россииб проблемы аксиологической интерпретации // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. - 2023. № 2. - С. 29 – 36.
70. Дорская А.А. Церковное и уголовное право Российской империи: проблемы взаимодействия и взаимовлияния // История государства и права. – 2005. № 3. С. 55 – 57.
71. Дорская А.А. Развитие системы права в России: проблемы периодизации (продолжение) // Вестник МГПУ. Серия «Юридические науки». – 2011. – № 2 – С. 51–58.

72. Дорская А.А., Честнов, И.Л. Эволюция системы права России: теоретический и историко-правовой подходы. СПб.: Астерион, 2010. – 304 с.
73. Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. 3-е изд., перераб. и допол. – М.: Высшая школа, 1983. – 352 с.
74. Закон: стабильность и динамика / отв. ред. Т.Я. Хабриева. – М.: ИЗиСП, 2007. – 496 с.
75. Закон: обеспечение безопасности и реальной экономики / отв. ред. Т.Я. Хабриева. – М.: ИЗиСП, 2015. – 48 с.
76. Закон: от проекта до реализации (зарубежный опыт): монография/ А.Н. Пилипенко, Н.Ю. Трещетенкова, Ф.А. Лещенков; отв. ред. А.Н. Пилипенко. — М.: Инфотропик Медиа, 2022. — 272 с.
77. Законодательство в обустройстве российской жизни: история и современность (К 250-летию со дня рождения Михаила Михайловича Сперанского): сборник статей. По материалам IX Общероссийского годового собрания теоретиков права (16 февраля 2022 г., Москва, ИЗиСП) / Т.Я. Хабриева, П.В. Крашенинников, С.И. Захарцев и др.; отв. ред. В.В. Лазарев. — М.: Юридическое издательство «Норма», 2024. — 280 с.
78. Законотворчество в Российской Федерации / под ред. А.С. Пиголкина. – М.: Формула права, 2000. – 608 с.
79. Залоило М.В. Проблемы обеспечения качества закона // Журнал российского права. – 2017. – № 1. – С. 154–160.
80. Захарова Л. Г. Самодержавие и реформы в России. 1861–1874. // Великие реформы в России. 1856–1874: сборник / под ред. Л. Г. Захаровой, Б. Эклофа, Дж. Бушнелла. – М: Изд-во Московского университета, 1992. С. 24–43.
81. Звонарев А.В. К вопросу о создании Сеймового устава Великого княжества Финляндского 1869 года // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. – 2013. – № 2. – С. 27–34.

82. Зивс С.Л. Источники права. – М.: Издательство Наука, 1981. – 239 с.
83. Зорькин В.Д. Теория права Н.М. Коркунова // Правоведение. – 1978. – № 3. – С. 80–86.
84. Ивановский И.А. А.Д. Градовский как ученый. СПб.: Тип. Спб. акц. общ. печ. дела Е. Евдокимов, 1900. – 13 с.
85. Игнатьева Е. Ю. Применение норм обычного права у крестьян в семейных вопросах во второй половине XIX – начале XX века // Вестник Московского университета МВД России. – 2019. № 4. – С. 16 – 22.
86. Игнатьева, Е.Ю. Применение норм обычного права при разрешении судом наследственных дел во второй половине XIX – начале XX веков // Вестник экономической безопасности. – 2019. – № 3. – С. 10-17.
87. Интересы в механизме публичной власти: проблемы теории и практики: монография / Г. М. Азнагулова, Л. В. Андриченко, Л. Н. Васильева и др.; отв. ред. Ю.А. Тихомиров. –М.: Проспект, 2023. – 272 с.
88. Исаев И. А. Власть и закон в контексте иррационального / И. А. Исаев. – М.: Юристъ, 2006. - 478 с.
89. Исаев И. А. Рождение закона из мифа // История государства и права. – 2013. № 9. – С. 39 - 42.
90. Исаев И. А. Теневая сторона закона. Иррациональное в праве [Текст] : [монография] / И. А. Исаев. – М.: Проспект, 2014. - 364 с.
91. Кабрияк Р. Кодификации / пер. с франц. – М.: Статут, 2007. – 476 с.
92. Керимов Д. А. Законодательная техника. Репринтное издание. М.: Норма: Инфра-М, 2023. – 128 с.
93. Киор В. Б. Государственная национальная политика в имперской России // Вестник РГГУ. Серия: Политология, история. международные отношения, зарубежное регионоведение, востоковедение. – 2010. – № 4. – С. 204– 218.

94. Кодан С. В. Закрепление презумпции знания закона в Российском законодательстве XVIII - начала XX века // Юридическая техника. – 2010. – № 4. – С. 236–247.
95. Кодан С. В. Формирование и развитие системы законодательства в России: основные этапы (IX – начало XX века) // Российский юридический журнал. – 2021. – № 1.
96. Кодан С.В. Местные узаконения в системе законодательства Российской империи (1800 – 1850-е гг.) // Журнал российского права. 2003. № 9. С. 10-12ю
97. Кодан С.В. Концептуальные подходы к систематизации российского законодательства М. М. Сперанского // ВВ: вопросы права и политики. 2014. № 11. С. 61 – 77.
98. Кодан С.В. М.М. Сперанский и российское законодательство // Чиновникъ. 2001. № 3. С. 62 – 71.
99. Концепции развития российского законодательства / под ред. Т. Я. Хабриевой, Ю. А. Тихомирова. – М.: Эксмо, 2010. – 732 с.
100. Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права. - СПб., Юрид. центр Пресс, 2003. – 43 с.
101. Коркунов Н. М. Указ и закон. – СПб., 1894. – 416 с.
102. Корнев А.В. Принцип историзма и его методологическое значение // История государства и права. – 2023. № 8. – С. 47–56.
103. Корнев А.В. Источник и этические аспекты его интерпретации в историко-правовой науке // Российский юридический журнал. – 2020. № 5. С. 75 – 78.
104. Латкин В. Н. Законодательные комиссии в России в XVIII столетии. Историко-юридическое исследование / В.Н. Латкин. – СПб., Издательство Л. Ф. Пантелеев, 1887 - Т. I. – 595 с.
105. Лашкарев П. А. Право церковное в его основах, видах и источниках. 2-е изд. Киев: Издание Н. Я. Оглоблина, 1889. – 213 с.

106. Леони Б. Свобода и закон / пер. с англ. М.: ИРИСЭН, 2021. – 308 с.
- 107) Летопись российской юридической науки: в 5 т. / отв. ред. Т. Я. Хабриева. М., 2023. Том III: Научные школы Института законодательства и сравнительного правоведения (теория права, история права, сравнительное правоведение, международное право) / Т.Я. Хабриева, Н.В. Путило, Д.А. Пашенцев и др. — 304 с.
108. Ломакина И.Б. Обычай и правопорядок в антрополого-правовой перспективе // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2021. – № 3. – С. 10–16.
109. Лукьянова Е.Г. Концепции закона в контексте развития государства и общества // Государство и право. – 2018. – № 8. – С. 134-139.
110. Лукьянова Е.Г. Учения о законе российских государствоведов второй половины XIX – начала XX в. // Государство и право. – 2017. – № 3.
111. Лукьянова Е.Г. Учение о законе в русской юриспруденции. – М.: Норма, 2014. – 160 с.
112. Лясович Т.Г. Обычай делового оборота в системе источников гражданского права дореволюционной России (историко-правовой аспект) // Российское право онлайн. – 2021. – № 1. – С. 27–33.
113. Макеева Е. М. Обзор дискуссий о системе права Российской Федерации // Вестник Московского университета. Серия 11, Право. – 2006. № 1. – С. 93–101.
114. Мальцев Г.В. Очерк теории обычая и обычного права // Обычное право в России: проблемы теории, истории и практики. – Ростов-на-Дону: СКАГС. – 1999 – 67 с.
115. Минникес И.В. Обычай как источник русского права: историко-правовой анализ // История государства и права. – 2010. – № 15. – С. 7-10.
116. Минникес И.В. Формы нормативных правовых актов в Российской империи в начале XIX века // Юридическая наука и практика: Нижегородская академия МВД России. – 2024. № 3. – С. 54 – 61.

117. Минникес И.В. Узаконенные и неучтенные формы нормативных правовых актов в Полном собрании законов Российской империи // Философия права. – 2024. № 3. – С. 39 – 46.
118. Михайлова Н.В. К вопросу о природе права: культурно-исторический аспект // История государства и права. – 2022. № 1. – С. 51-55.
119. Мицкевич А.В. Акты высших органов Советского государства // Мицкевич А.В. Избранное. – М.: ИЗиСП, 2010. – 306 с.
120. Мицкевич А.В. О нормах позитивного права // Трудовое право и право социального обеспечения. Актуальные проблемы. – М. – 2000.
121. Мкртумян А.Ю. Источники гражданского права Российской империи // Современное право. – М.: Новый индекс. – 2008. – № 1-1. – С. 117–119.
122. Муравьева Л.А. Золотой рубль С.Ю. Витте // Деньги и кредит. – 2003. – № 3. – С. 57 – 62.
123. Муромцев Г.И. Источники права (теоретические аспекты проблемы) // Известия вузов. Правоведение. 1992. № 2. - С. 23 - 30.
124. Научные концепции развития российского законодательства: монография. 7-е изд. доп. и перераб. / С.Е. Нарышкин, Т.Я. Хабриева, А.И. Абрамова и др.; отв. ред. Т.Я. Хабриева, Ю.А. Тихомиров; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. – М.: ИД Юриспруденция. – 2015. – 544 с.
125. Научные концепции развития российского законодательства: монография / В.Р. Авхадеев, Е.Г. Азарова, Л.В. Андриченко и др.; под ред. Т.Я. Хабриевой, Ю.А. Тихомирова; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. – 8-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма, 2024. – 656 с.
126. Немецкая историческая школа права. – Челябинск: Социум, 2010. – 528 с.
127. Общая теория права и государства: учебник / под ред. В.В. Лазарева. - М.: Юрайт, 2015. – 521 с.

128. Обычное право России: теоретико-правовой и историко-правовой аспекты. – М.: Юрлитинформ, 2019. – 472 с.
129. Оксамытный В.В. Закон в системе источников современного права: сравнительная характеристика // Вестник Брянского государственного университета. – 2015. – № 2. - С. 214-244.
130. Осипов И.Д. Истинная монархия графа М.М. Сперанского // Сперанский М.М. Руководство к познанию законов. - СПб.: Наука, 2002. - 680 с.
131. Пашенцев Д.А. Исторический опыт правового регулирования межнациональных отношений в Российской империи // Вопросы истории. – 2021. – № 12-5. – С. 229-236.
132. Пашенцев Д.А. Кодификация как инструмент конструирования системы законодательства в начальный период советского государства (к 100-летию принятия первых советских кодексов) // Журнал российского права. – 2018. – № 11. – С. 5–13.
133. Пашенцев Д.А. Конструктивизм в современной юридической науке // Вестник МГПУ. Серия «Юридические науки». – 2022. – № 1. – с. 16–22.
134. Пашенцев Д.А. Правовые традиции России в условиях глобализации. Монография. – М.: ЮРКОМПАНИ, 2016. - 107 с.
135. Пашенцев Д.А. Российская законотворческая традиция: онтология процесса // Журнал российского права. – 2018. – № 8. – С. 5–13.
136. Пашенцев Д.А. Судебник 1550 г. – памятник систематизации отечественного средневекового права // Систематизация законодательства в фокусе историко-правовой науки. Сб. науч. трудов. – 2021. – С. 27–32.
137. Пашенцев Д.А. Теоретические и исторические вопросы государственного управления. – М. Московский городской педагогический университет, 2011. – 184 с.
138. Пашенцев Д.А. Финансово-правовая традиция России. - М.: Кнорус. – 2017. – 184 с.

139. Пашенцев Д.А., Алимова Д.Р. Новации правотворчества в условиях цифровизации общественных отношений // Государство и право. – 2019. – № 6. – С. 102-106.
140. Пашенцев Д.А. Чернявский А.Г. История отечественного государства и права. – М.: ИНФРА-М, 2016. – 428 с.
141. Пашенцева Д.Д. Акты волостных судов и их роль в регулировании правового поведения крестьян в Российской империи // Правовое поведение: классические и современные модели. Сборник научных трудов. – М., Саратовский источник, 2022 – С 181–184.
142. Пегова Н.Э. Критика Н.М. Коркуновым классических типов правопонимания в контексте социологического подхода к праву // Юристы-Правоведь. – 2015. – № 1. – С. 120-123.
143. Петухова А.В. Социологическая концепция Н.М. Коркунова // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. – 2012. – № 3. – С. 74-78.
144. Пиголкин А.С. Толкование нормативных актов в СССР. – М.: Госюриздат, 1962. – 166 с.
145. Победоносцев К.П. Закон // Победоносцев К.П. Юридические произведения / под ред. В.А. Томсинова. – М.: Зерцало, 2021. – 416 с.
146. Победоносцев К.П. Судебное руководство. – М.: Статут, 2004. – 430 с.
147. Правотворчество в СССР // под ред. А. В. Мицкевича. – М.: Юрид. лит., 1974. – 319 с.
148. Правотворчество в XXI веке: эволюция доктрины и практики (к 90-летию со дня рождения А.С. Пиголкина): сборник научных статей / Т.Я. Хабриева, В.В. Лазарев, В.Р. Авхадеев и др.; отв. ред. В.В. Лазарев. – М.: ИЗиСП; Норма; ИНФРА-М. – 2022. – 344 с.
149. Працко Г.С., Хбликян Е.А. Теоретико-методологические основания концепции соотношения закона и указа в правовом учении Н.М.

Коркунова // Право и государство: теория и практика. – 2015. – № 12. – С. 53–55.

150. Проблемы совершенствования советского законодательства // под ред. И. С. Самощенко. – М.: Юридическая литература. - 1977. – 269 с.

151. Проблемы трансформации системы законодательства в условиях развития цифровых технологий / отв. ред. А.В. Корнев. М.: проспект, 2023. – 176 с.

152. Путило Н.В. Памяти А.В. Мицкевича – Ученого, Учителя, Человека // Журнал российского права. – 2017. – № 5. – С. 151–153.

153. Путило Н.В., Пашенцев Д.А. Вопросы теории права в научном творчестве А.В. Мицкевича (к 100-летию со дня рождения ученого) // Журнал российского права. – 2022. – № 6. С. 148—160.

154. Радько Т.Н., Головина А.А. Современная системно-правовая теория: новый этап развития или методологический кризис? // Государство и право. – 2017. – № 2. – С. 34–40.

155. Развитие русского права в первой половине XIX века ред. Е.А. Скрипилев. - М.: Наука, 1994. - 318 с.

156. Рогачев М.А. Исторические предпосылки развития закона как источника права в дореволюционной России // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. – 2022. – № 1. – С. 110 - 116.

157. Рогачев М.А. Соотношение закона и подзаконного нормативного акта в Российской империи // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. – 2019. – № 4. – С. 94–98.

158. Рыбаков В.А. Правовой обычай: прошлое и настоящее // Современное право. – 2009. – № 3. – С. 11–17.

159. Свод законов Советского государства: теоретические проблемы / отв. ред. И.С. Самощенко. – 1981. – М.

160. Синюков В.Н. Законодательство в России: проблемы социальной интеграции // *Lex russica*. – 2018. – № 10. – С. 18–29.
161. Система права: история, современность, перспективы / под ред. Т.Н. Радько. – М.: Проспект, 2018. – 257 с.
162. Систематизация законодательства в фокусе историко-правовой науки (к 470-летию принятия Судебника 1550 г.): сборник научных трудов / под общ. ред. Д.А. Пашенцева. — М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М, 2021. — 250 с.
163. Систематизация законодательства и динамика источников права в исторической ретроспективе (к 370-летию Соборного уложения): сборник научных трудов / под общ. ред. Д.А. Пашенцева. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М, 2020. – 281 с.
164. Смирнова М.Г. Правовой обычай в системе источников российского права // *Ленинградский юридический журнал*, 2007. – № 1. – С. 34-54.
165. Советское законодательство: пути перестройки // отв. ред. А. В. Мицкевич, А. С. Пиголкин. – М., Юрид. лит., 1989. – 432 с.
166. Современные концепции верховенства права и правового государства: сравнительно-правовое исследование: монография / отв. ред. Т.Я. Хабриева, А.И. Ковлер. — Москва: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2024. — 416 с.
167. Соотношение общесоюзного и республиканского законодательства / под ред. И.С. Самощенко и М.Г. Кириченко. – М., Юрид. лит., 1967. – 360 с.
168. Сперанский М.М. Избранное. – М: Статут, 2015. – 368 с.

169. Строгович М.С. Принципы системы советского социалистического права // Советское государство и право. – М.: Издательство Академии наук СССР, 1946. – № 2. – 104 с.
170. Суворов Н.С. Лекции по энциклопедии права. 2-е изд. - М.: Ленард, 2016. – 136 с.
171. Сырых В.М. Прогнозирование эффективности законопроектов // Проблемы законоотворчества Российской Федерации. - М. – 1993. – С. 108–118.
172. Тебиев Б. К. Михаил Андреевич Балугьянский (1769—1847) // Тебиев Б. К. Россия на перепутье эпох. Избранные социально-экономические исследования и статьи. М.: МРСЭИ, 2021. Т. I. С. 326—336.
173. Тихомиров Ю.А. Действие закона. – М.: Известия., 1992. – 163 с.
174. Тихомиров Ю.А. Закон в системе нормативных актов // Проблемы законоотворчества Российской Федерации. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения, 1993. – С. 6–20.
175. Тихомиров Ю.А. Проблемы теории закона в социалистическом обществе // Правоведение. – 1980. – № 2. – С. 34–42.
176. Тихомиров Ю.А. Теория закона / отв. ред. В.П. Казимирчук. - М.: Наука. – 1982. – 257 с.
177. Тихомиров Ю.А., Бошно С.В. Теория закона: общие закономерности и новые подходы // Право и современные государства. – 2018. – № 1. – С. 9–17.
178. Тихомиров Ю.А., Котелевская И.В. Правовые акты: Учебно-практическое и справочное пособие. - М.: Юринформцентр, 1999. – 381 с.
179. Томсинов В. А. Жизнеописание М. М. Сперанского // Сперанский М. М. Юридические произведения / под ред. В. А. Томсинова. М.: Зерцало. – М.; Зерцало, 2008. – 480 с.
180. Томсинов В.А. Юридическое образование и юриспруденция в России в первой трети XIX века. – М.: Зерцало-М, 2023. – 280 с.
181. Трубецкой Е.Н. Энциклопедия права. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. юрид. ин-та, 1998. – 183 с.

182. Хабриева Т.Я. Кодификация российского законодательства в условиях федеративного государства // Кодификация законодательства: теория, практика, техника. Материалы научно-практической конференции. Нижний Новгород, Междунар. центр исслед. Гос. регулирования экономики ННГУ, 2009. – С. 26–37.
183. Хабриева Т.Я. Современное правотворчество и задачи юридической науки // Журнал российского права. – 2015. – № 8. – С. 5–13.
184. Хабриева Т.Я. Стабильность закона, модернизация законодательства и задачи юридической науки // Закон: стабильность и динамика / отв. ред. Т.Я. Хабриева. – М., Юридическая фирма Контракт, 2007.
185. Хабриева Т.Я. Циклические нормативные массивы в праве // Журнал российского права. – 2019. № 12. - С. 5-12.
186. Хабриева Т.Я., Тихомиров Ю.А. Предисловие // Концепции развития российского законодательства. – М.: Эксмо, 2010. – 732 с.
187. Харт Г. Понятие права / пер. с англ. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007. – 302 с.
188. Хвостов В. М. Общая теория права. Элементарный очерк. 5-е изд. - М.: Книжный дом ЛИБРОКОМ, 2011. – 152 с.
189. Хен Л. Г. Вклад А. В. Мицкевича в развитие теории правотворчества // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородского университета МВД. – 2024. № 1. – С. 207 – 212.
190. Цветаев Л. А. Начертание теории законов. - М., Университетская типография, 1816. – 378 с.
191. Чернобель Г.Т. Критерии разграничения законов и иных нормативных правовых актов // Проблемы законотворчества Российской Федерации. Сборник статей. – М., 1993. – С. 21–31.
192. Чинарян Е.А. Законодательная техника в Российской империи XIX века // Современное право. – 2008. № 2–1. – С. 124–128.
193. Шатковская Т. В. Исторические вехи российской кодификации и ее влияние на развитие отечественного права // Систематизация

законодательства и динамика источников права в исторической ретроспективе (к 370-летию Соборного уложения): сборник научных трудов / под общ. ред. Д. А. Пашенцева. – М.: Инфра-М, 2020. – С. 53–62.

194. Шатковская Т.В. Российская кодификация в историческом измерении: основные этапы, результаты и последствия // Вестник Чеченского государственного университета им. А. А. Кадырова. – 2020. Т. 39. № 3. – С. 157–163.

195. Шатковская Т.В. Техника кодификации М. М. Сперанского: реформа или компиляция? // Журнал российского права. – 2022. Т. 26. № 5. – С. 322–324.

196. Шатковская Т.В. Закон и обычай в правовом быту крестьян второй половины XIX века // Вопросы истории. – 2000. № 11–12. – С. 96–106.

197. Шатковская Т.В., Напалкова И.Г. Развитие методологии познания источников права // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2017. № 3. – С. 9 – 16.

198. Шверов И.А. Н.М. Коркунов в российской истории права // Инновационная траектория развития современной науки: становление, развитие, прогнозы. Сборник статей VI Международной научно-практической конференции. Петрозаводск, 2021. – С. 214–218.

199. Шебанов А.Ф. Форма советского права. - М.: Юридическая литература, 1968. – 216 с.

200. Шебанов А.Ф. Полное собрание законов Российской Империи (из истории систематизации законодательства в России) // Труды Всесоюзного юридического заочного института. – 1970 – Т. XIV. – с. 277–300.

201. Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. В 2-х тт. Т. 2. М.: Юрист, 1995.

202. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. - М.: Фирма СПАРК, 1995. – 556 с.

203. Шпилевский С.М. Род и закон у славян и германцев от древности до средневековья. – М.: Вече, 2021. – 288 с.

204. Шувалов И.И. Правотворчество в механизме управления обществом: необходимость комплексного исследования: Монография. – М.: Норма, 2005. – 144 с.

205. Шувалов И.И. Теория законотворчества: Монография. - М.: Норма, 2006. – 207 с.

206. Эффективность законодательства: вопросы теории и практики/ отв. ред. Ю.А. Тихомиров, В.П. Емельянцева. - М.: ИЗиСП ИНФРА-М, 2015. – 336 с.

207. Язык закона / отв. ред. Пиголкин А.С. - М.: Юридическая литература, 1990 – 192 с.

208. Ящук Т. Ф. Историческая традиция в систематизации российского законодательства // Систематизация законодательства и динамика источников права в исторической ретроспективе (к 370-летию Соборного уложения): сборник научных трудов / под общ. ред. Д. А. Пашенцева. - М.: ИНФРА-М, 2020. – 281 с.

209. Ящук Т.Ф. Систематизация российского законодательства в советский период. – Омск: Издательство Омского государственного университета, 2021. – 413 с.

210. Ящук Т. Ф. Этапы кодификации отечественного законодательства // Правоприменение в публичном и частном праве: материалы Международной научной конференции, Омск, 25–26 марта 2022 года. – Омск: Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, 2022. – С. 381–386.

V. Литература на иностранных языках

211. Black C.E. The dynamics of modernization: A study in comparative history. – New York, 1966.

212. Raeff M. Michael Speransky. Statesman of Imperial Russia, 1772 – 1839. The Hague, 1969. 387 p.

213. Riber A. Bureaucratic politics in imperial Russia // Social science history. Pittsburgh, 1978. Vol. 2. № 4. P. 379–427.

214. The Russian Empire 1801–1917. By Hugh Seton–Watson. London: Oxford University Press, 1967. – 813 p.

215. Waldron P. The End of Imperial Russia. 1855–1917: Camb. Univ. Press, 2002. – 200 p.

VI. Диссертации и авторефераты

216. Абдиева Д.А. Систематизация законодательства в условиях перехода к новому технологическому укладу: дис... канд. юрид. наук. М., 2024. – 194 с.

217. Ботанцов И.В. Эволюция системы источников права Российской империи (1832 – 1917 гг.): дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2017. – 190 с.

218. Дорская А.А. Церковное право в системе права Российской империи конца XVIII - начала XX вв.: дисс ... доктора юрид. наук. М., 2008. - 402 с.

219. Корнев А.В. Консервативная и либеральная теории государства и права в России: XIX – начало XX века: дисс ... доктора юрид. наук. М., 2004. - 428 с.

220. Лукьянова Е.А. Закон как источник советского государственного права: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1984. - 172 с.

221. Лукьянова Е.Г. Учения о законе в политико-правовой мысли России XIX – начала XX века: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2018. – 425 с.

222. Пашенцева Д. Д. Акты местных органов в системе источников права Российской империи XIX века: дисс... кандидата юридических наук. М., 2024. – 161 с.

223. Приходько М.А. Создание министерской системы управления в России в первой трети XIX века: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. - 282 с.

224. Синюков В.Н. Российская правовая система: вопросы теории: дис... доктора юрид. наук. Саратов, 1995. - 432 с.

225. Соснина М. А. Соотношение закона и правового обычая в деятельности волостных судов Российской империи в 1861–1917 гг.: на примере Архангельской губернии: дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2023. – 218 с.

226. Сперанский С.И. Учение М.М. Сперанского о праве и государстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. - 24 с.

227. Шатковская Т.В. Обычное право российских крестьян второй половины XIX - начала XX века: историко-правовой аспект: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2009. - 60 с.

228. Яцентюк П.Л. Министерские реформы первой четверти XIX века и их влияние на дальнейшее развитие системы министерств в России: историко-правовой аспект: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2010. - 210 с.